
ОТ АВТОРА «СПЯЩИХ ПСОВ» («КНИГИ ЗЕРКАЛ») — МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА И ЛИТЕРАТУРНОЙ ОСНОВЫ ТРИЛЛЕРА С РАССЕЛОМ КРОУ И КАРЕН ГИЛЛАН!
Э. О. ЧИРОВИЦИ
ХОЛОД В БЕРЛИНЕ
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Холод в Берлине

Эуджен Овидиу Чиро́вици

Аннотация
Э. О. Чировици. Холод в Берлине
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Аннотация

Берлин, 1946 год. Маленьким людям лучше не высовываться: бывшие союзники плетут интриги в борьбе за власть, а побежденный народ не гнушается никакими средствами, чтобы выжить. Но что, если, кроме тебя, восстановить справедливость некому?

В одном из жилых домов немецкой столицы американский журналист Джейкоб Хубер находит труп молодой женщины. Отправившись за полицией, Джейкоб натыкается на советский патруль и возвращается на место уже с солдатами. Однако их встречает растерянная хозяйка: она недавно пришла домой, и никакого трупа тут нет и, конечно же, не было.

Джейкоб намерен доискаться правды. И у американских властей, и у советских свой интерес в этом деле, вот только никого не заботит участь лежавшей на полу женщины. Кто она? Может, она все же была жива и, очнувшись, ушла сама? А если нет, кто и куда унес тело? Кажется, несчастной уготовано стать разменной монетой в планах сверхдер-

жав. Как и любому, кто попытается выяснить ее судьбу…

Впервые на русском!

Э. О. Чировици
Холод в Берлине

Помимо проигранной битвы больше всего страданий приносит битва выигранная.

Герцог Веллингтон, после битвы при Ватерлоо, 1815 год

© В. Р. Сухляева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука ®

1

У витрины парикмахерской остановился пьяница, пальцем нарисовал что-то на грязном стекле и сразу юркнул в проулок.

Уже стемнело, в воздухе запахло дымом.

Я подошел, зажег спичку и оглядел кривые символы — явно некий адрес. Подумав, что Белфорд решил меня таким образом разыграть, я переписал послание в блокнот и вернулся к официанту, который забирал с блюдца оставленную мной оплату.

— Вы знаете, где это?

— Здесь, в Кройцберге[1], — кивнул он. — В конце улицы поверните направо, потом еще раз направо, затем идите прямо.

Через десять минут я нашел нужную улицу и, вглядываясь во мрак по сторонам, принялся за поиски дома. Вскоре отыскал и его. Почти как все здания в округе, небольшое двухэтажное строение из красного кирпича ухитрилось выстоять, упрямо сопротивляясь законам физики. Дыры от

---

[1] Примечания: 1

Кройцберг — в описываемое время округ, ныне один из районов Берлина.

бомб на узком фасаде были закрыты картоном, неструганными досками и листами жести. Пустые окна заклеили несколькими слоями плотной бумаги.

Я постучал в дверь, и она сама по себе открылась.

В коридоре на полу лежала навзничь нагая женщина. Коврик под ней смялся — вероятно, когда ее затаскивали в дом. С широко раскинутыми конечностями — словно рисовала ангела на воображаемом снегу — она походила на поломанную куклу.

Я подошел и опустился перед ней на колени, чтобы проверить пульс. Кожа под моими пальцами оказалась холодной. Тело женщины покрывали огромные синяки, раны и царапины. При тусклом свете горящей в жестяной банке свечи я заметил, что ноги у трупа темнее туловища, а ступни покрыты запекшейся кровью, белой краской и грязью.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул я по-немецки, заглядывая на второй этаж.

В ответ — тишина.

Я поднялся по скрипучим ступеням и оказался в маленькой комнатке без дверей. За крошечным столиком с медными часами и масляной лампой

сидела девочка, увлеченно рисуя на картонке. Помимо стола в помещении были только комод, большая кровать с горой одеял и пара полок на стенах.

— Привет! Я Джейкоб, — представился я.

Девочка спокойно повернулась и ответила:

— Я Лиза. Вы же меня не обидите?

— Нет, конечно. Ты тут одна?

— Да.

— А родители где?

— Мама еще не вернулась. Раньше у нее был велосипед, но недавно его забрали солдаты. Папа во Франции, на войне.

— Во Франции?

— Ага. На следующей неделе я выхожу замуж за мальчика по имени Карл. Хотите, его покажу?

Я мельком взглянул на детский рисунок, изображавший человечка с ворохом ярко-оранжевых штрихов вместо волос.

— Красивый. Ты знаешь тетю, которая лежит в коридоре внизу?

— Она спит.

— Верно, спит. Она живет здесь, в этом доме?

— Нет.

— Ты никогда ее раньше не видела?

— Нет. Где-то час назад я услышала шум внизу

и спустилась. Тетя заснула на полу. Наверное, очень устала.

Я взглянул на наручные часы и уточнил:

— Она лежит там уже час?

— Да.

Я достал из кармана шоколадный батончик и положил на стол.

— Вот, держи. Послушай, мне нужно найти телефон.

Девочка схватила лакомство и внимательно оглядела.

— Можно съесть прямо сейчас?

— Конечно.

Она развернула обертку и тут же проглотила шоколадку. В Берлине я прожил уже три недели, но меня все еще поражало то, с каким лихорадочным остервенением побежденный народ, невзирая на возраст и социальный статус, поглощает все съестное, что оказывается в его распоряжении. На оперном концерте, который я посетил несколькими днями раньше, — сложно вообразить, как подобное мероприятие могло состояться в разрушенном городе, — в антрактах немцы перекусывали корками хлеба. До чего странное зрелище! Множество челюстей двигались одновременно, словно люди синхронно

жевали резинку.

— Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и ждала маму, — велел я девочке. — И сделаешь еще кое-что? Если она вернется раньше меня, попроси ничего не трогать внизу.

Лиза кивнула.

Собираясь на интервью, я захватил с собой фотоаппарат, с помощью которого теперь сделал несколько снимков тела. Вспышки пронзили тьму. Погибшая показалась мне еще моложе, чем при первом взгляде: она едва перешагнула порог совершеннолетия. Я заметил на правой щеке родимое пятно размером с монетку, почти неразличимое из-за синяков.

Снаружи шел дождь. Мокрый мощеный тротуар блестел и напоминал змеиную чешую. Дойдя до конца улицы, я огляделся и понял, что нет никакой надежды найти поблизости телефонную будку, а почтовые отделения давно закрылись. Я направился обратно и посмотрел на время: половина одиннадцатого, значит, начался комендантский час.

Миновав мост через реку, я прошел еще немного, и тут из темноты меня окликнул голос. Одновременно в лицо ударил луч света. Я не понимал русской речи того, кто держал фонарик, но

догадался, что мне велят не двигаться. Щурясь от яркого света, я поднял руки над головой и замер. Меня окружили трое солдат с суровыми лицами и автоматами. От них воняло хозяйственным мылом и сигаретами. Вероятно, парни были примерно моего возраста, однако у них в глазах застыла мрачная тоска людей, которые в своей жизни повидали столько, что хватит на десятилетия вперед.

— Я американец. Журналист, — сообщил я, прикрывая глаза ладонью.

Парни тупо таращились на меня. Тогда я осторожно сунул руку в нагрудный карман и достал журналистское удостоверение.

— Пресса. Американец, — проговорил я медленно и четко, поднимая документ.

Один из солдат бросил на удостоверение равнодушный взгляд, что-то сказал двум другим, затем сорвал с моего плеча сумку и начал в ней рыться.

— Произошло убийство, — сказал я. — Я нашел тело в…

Солдат что-то мне рявкнул, после чего показал содержимое моей сумки товарищам.

— Осторожнее, там фотоаппарат. Sprichst du

Deutsch?[2]

Он ткнул мне в живот стволом автомата и жестом велел следовать за ним.

— Куда вы меня ведете? — двинувшись вперед, спросил я и вновь не получил ответа.

Тяжелые сапоги солдат загрохотали по булыжнику — мы пересекали небольшую площадь, направляясь к военному грузовику. Парень с фонариком запрыгнул в кабину, а двое других велели мне забраться в кузов и сели по обе стороны от меня.

— Я не знал, что забрел в ваш сектор, — объяснил я, когда грузовик тронулся. — Мне нужен был телефон, чтобы позвонить в полицию. На другом берегу, в Кройцберге, убили девушку.

Прижав автоматы к груди, солдаты закурили, не обращая на меня никакого внимания. Один что-то проговорил, указав вдаль, другой на это лишь пожал плечами. При каждой затяжке тлеющие кончики сигарет на мгновение освещали небритые щеки солдат.

Минут десять спустя грузовик остановился перед шлагбаумом. Из белой будки вышел охранник и перекинулся с водителем парой фраз. Один

---

[2] Примечания: 2
Ты говоришь по-немецки? *(нем.)*

из солдат вытолкал меня из кузова на землю; через мгновение рядом упала моя сумка, ее содержимое рассыпалось по дороге. Я начал собирать свои вещи, а грузовик устремился во тьму. Из-за шлагбаума вышли два охранника и повели меня в здание, расположенное в конце дорожки, по обе стороны которой стояли высохшие деревья — подпиленные стволы делали их похожими на гигантские огрызки карандашей. Наконец мы пришли в комнату с решеткой на единственном окне и одинокой лампочкой на потолке. На стене висел портрет Сталина, а в углу торчала чугунная раковина с потрескавшейся эмалью.

Бросив взгляд на переполненную пепельницу на столе, я сел на один из стульев, закурил и проверил свои вещи: ничего не пропало и не сломалось, даже фотоаппарат и вспышка были целы.

Я успел выкурить половину сигареты, когда дверь открылась и в комнату вошел невысокий худощавый офицер лет сорока с небольшим. У него был широкий лоб, выступающие скулы и бледная кожа. Не проронив ни слова, он сел за стол. За ним последовал солдат и встал по стойке смирно в углу, направив на меня автомат.

— Документы, — потребовал офицер по-немец-

ки, не глядя на меня.

Я протянул удостоверение. Он внимательно его изучил, затем положил перед собой на стол.

— Выверните карманы. И сумку тоже.

— Это обязательно? Я американский журналист и…

— Сейчас же!

Поднявшись, я вытащил из карманов, а затем и из сумки все содержимое: бумажник, сигареты, зажигалку, спичечный коробок, немного мелочи, два блокнота на спирали, фотоаппарат, ручку, ключи от съемной квартиры, две шоколадки и десятицентовик, который носил с собой на удачу. Разложенные на столе убогой комнатушки, при тусклом свете, мои личные вещи казались чудом уцелевшими останками некоего затерянного мира.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Садитесь. А вы хорошо говорите по-немецки.

— Вы тоже.

— Урожденный американец или иммигрант?

— Родился и вырос в США. Родители — немцы. И я изучал немецкий в университете. Именно поэтому меня сюда и направили.

— В каком городе проживаете?

— В Чикаго, штат Иллинойс. Я пишу для газеты «Трибьюн».

— Я знаю, в каком штате находится Чикаго, и слышал о вашей газете. В двадцатые годы учился в Гейдельберге[3]. С какой целью вас направили в Берлин?

— Чтобы взять интервью у военного.

— Немецкого?

— Нет. Американского. У майора Глена Белфорда.

— Тогда зачем послали журналиста со знанием немецкого?

— В этом не было особой необходимости. Просто начальство решило, что владеющему языком легче передвигаться по стране.

— Ваше удостоверение не позволяет нарушать комендантский час. Что вы делали в нашем секторе ночью, да еще с фотокамерой?

Последующие несколько минут я объяснял, как забрел в советскую часть города, разыскивая телефон, чтобы вызвать полицию ввиду вероятного убийства. Мужчина внимательно слушал, делая пометки на листе бумаги. Все это время солдат в

---

[3] Примечания: 3

Гейдельберг — город в Германии, где находится старейший и один из наиболее престижных университетов в стране.

углу целился в меня из автомата, бессловесный и недвижимый.

Когда я закончил рассказ, офицер улыбнулся и уточнил:

— Пьяница, говорите?

— Да, я счел его пьяным.

— И вы без раздумий отправились по указанному адресу. С чего бы?

— Я предположил, что майор Белфорд меня так разыгрывает.

— Зачем ему вас разыгрывать?

— Не знаю, но вот уже третий раз он назначает со мной встречу, а сам не приходит.

— Итак, вы отправились по указанному адресу и обнаружили труп. С чего вы взяли, что девушку убили?

— Ее сильно избили. Возможно, также изнасиловали.

— В том доме находились люди? Вы с ними говорили?

— Была только маленькая девочка, которая ждала маму. Ребенок сказал, что не знает погибшую.

— Потом вы зашли в наш сектор в поисках телефона?

— Верно. Почта уже была закрыта, и я не заме-

тил, насколько далеко забрел.

— В городе не так уж много телефонов-автоматов.

— Я не знал, как еще поступить.

— Вы могли бы, например, пойти домой и лечь спать.

— Я счел своим долгом сообщить о трупе в полицию. К тому же я журналист.

— Там неподалеку гостиница. Наверняка внутри есть телефон.

— Я не знал. Не ориентируюсь в том районе.

— Очевидно.

Несколько мгновений мы молча взирали друг на друга. Казалось, офицер что-то напряженно обдумывает, барабаня пальцами по столу. На его губах по-прежнему играла улыбка, но весьма натянутая.

— Послушайте, — наконец заговорил он, — я готов закрыть глаза на произошедшее и отпустить вас, но при одном условии: мне нужно проверить достоверность вашей истории. Отведите меня по тому адресу. Хочу сам убедиться, что вы не солгали. Наверняка тело все еще там.

— Может, вам стоит позвонить в немецкую полицию?

— Давайте сперва сами наведаемся в тот дом.

Если вы сказали правду, я позвоню этим нацистам.

— Дом находится в американском секторе.

Мужчина усмехнулся:

— Мы всегда готовы при необходимости протянуть союзникам руку помощи. Подождите здесь немного, нужно все организовать. Я заметил у вас фотоаппарат. Вы делали снимки на месте преступления?

— Что? Нет, не делал.

— Хорошо. Можете забрать личные вещи.

Офицер вызвал небольшой взвод, и весь он набился в два грузовика: четверо солдат в полном боевом снаряжении, двое военных полицейских, сонный военный врач, которого словно только что подняли с постели, и журналист в сером плаще, вооруженный немецким фотоаппаратом «Лейка» и вспышкой. Помимо офицера, который меня допрашивал, никто больше не говорил ни по-немецки, ни по-английски, и всю дорогу мужчины болтали между собой на русском, не обращая на меня внимания.

Мы пересекли Александерплац и вскоре оказались в американском секторе. Улицы пустовали, с востока дул холодный ветер, от реки поднимались клубы пара.

После того как мы подъехали к зданию и выгрузились, офицер постучал в дверь, которую почти сразу отворила длинноволосая миниатюрная брюнетка. При виде советской военной формы у нее задрожали губы. Офицер без разрешения вошел в дом. Я последовал за ним.

Труп девушки исчез.

— Где она? — спросил меня офицер.

— Была прямо здесь. — Я указал на пол.

Он повернулся к брюнетке:

— Этот мужчина утверждает, что около получаса назад нашел здесь тело девушки. Вам об этом что-нибудь известно?

Внезапно из глаз женщины хлынули слезы. Несколько мгновений она молча рыдала, не всхлипывая и не вытираясь. Офицер протянул ей носовой платок. Промокнув глаза и нос, женщина попыталась его вернуть.

— Оставьте себе. Как вас зовут?

— Мария Экхарт. Я не понимаю, о чем говорит этот мужчина. Я вернулась домой пятнадцать минут назад. Должно быть, произошла какая-то ошибка.

— Тело было прямо тут, — повторил я. — Тело девушки. С короткими светлыми волосами. Совершенно голой. Спросите свою дочь, она ее

тоже видела.

В тот же миг из темноты появилась Лиза. Она сжала руку матери и спряталась у нее за спиной. Затем робко выглянула.

— Это тот дядя, который дал мне шоколадку, — пропищала она, указывая на меня пальцем. — Джейкоб.

— Дверь была открыта, фрау Экхарт, поэтому я взял на себя смелость войти. Меня зовут Джейкоб Хубер, я — американский журналист.

— Американец?

— Да.

— Я точно заперла дверь перед уходом, как делаю всегда.

— Ну, она была открыта. Возможно, ее взломали до моего появления.

— Если вы настаиваете…

Я улыбнулся Лизе, но та не ответила тем же.

— Ты помнишь тетю, которая спала здесь, в коридоре?

Лиза посмотрела на мать, затем прикусила верхнюю губу и покачала головой:

— Не помню.

— Но ведь ты мне говорила, что спустилась и увидела, как она тут спит. Совсем не помнишь?

Вдруг девочка резко развернулась и побежала

вверх по лестнице.

— Что вы вообще забыли в моем доме? — требовательно спросила Экхарт.

— Долгая история. Я ничего не трогал, а лишь переговорил с Лизой минуту-две.

— Итак, фрау Экхарт, вы вернулись домой пятнадцать минут назад, — вмешался офицер.

— Может, двадцать, не знаю.

— И не заметили ничего подозрительного?

— Не заметила.

— Вы говорите правду? Если нет, то вас ждут неприятности.

— Конечно я говорю правду! Представить не могу, что этот мужчина делал в моем доме, но я определенно не видела никаких трупов, когда вернулась. Лиза рассказала мне, что к ней поднялся какой-то дядя и дал шоколадку. Я решила, что она все выдумала, пока не увидела обертку.

— Шоколадку? Какой категории у вас продовольственная карточка?

Она помешкала и в конце концов нехотя ответила:

— Пятой.

— Почему так?

— Потому что мой муж служил в СС. Я вдова.

— В войсках или в отрядах «Мертвая голо-

ва»?[4]

— В войсках. Был танкистом.

— Звание?

— Оберштурмфюрер.

— Где он служил? На Восточном фронте?

— Нет, на Западном. Во Франции и Бельгии.

— Вы хоть представляете, что подобные ему творили в моей стране?

Женщина промолчала. Офицер отвернулся от нее и заговорил с полицейскими.

Я вышел на улицу и закурил сигарету, прикрывая ее от моросящего дождя ладонью. В дверях соседних домов стояли люди, в основном женщины, опасливо поглядывая на два грузовика, припаркованные у здания. Один из солдат что-то крикнул зевакам, и те мгновенно попрятались. Парень отпустил шутку, рассмешившую его товарищей.

Когда я вернулся, Экхарт спросила меня, понизив голос:

— Если вы американец, то зачем привели сюда их?

— Я пересек границу между секторами, пытаясь

---

[4] Примечания: 4

В общем составе СС выделялись части «Мертвая голова» для охраны концентрационных лагерей и расправы над узниками, а также войска СС — соединения, которые участвовали в боевых действиях.

найти телефон, чтобы позвонить в полицию, и меня задержали. Послушайте, в коридоре было тело девушки. Ее избили и, вероятно, задушили. Я…

— Эй, вы! Американец!

Я повернулся на голос, и меня на мгновение ослепила вспышка фотоаппарата в руках русского журналиста.

— Какого черта?! — возмутился я, однако мужчина лишь ухмыльнулся и вышел на улицу.

Я последовал за ним.

Моросящий дождик уже превратился в ливень, и солдаты облачились в длинные плащи пшеничного цвета. Теперь мужчины расслабились, их автоматы висели на плечах, вместо того чтобы угрожающе целиться в людей.

— Зачем вы велели меня сфотографировать? — требовательно спросил я у офицера.

Он сделал вид, что не услышал вопроса, и заявил:

— Вы мне солгали.

Его голос звучал менее дружелюбно, чем прежде.

— Я не лгал.

— Здесь нет никакого трупа, а ребенок не подтвердил ваш рассказ.

— Девочка напугана. Но все равно завтра я заявлю о случившемся в полицию.

— Почему?

— Потому что я доверяю своим глазам. Здесь была убитая девушка.

— Ах, точно: некий пьянчуга написал пальцем адрес на окне. Ну да. А теперь почему бы вам не рассказать, что в действительности вы делали в нашем секторе?

— Искал телефон.

— Как я уже заметил, неподалеку расположен отель «Меркурий». Несомненно, там на стойке регистрации есть телефон.

— Я не знал об отеле.

— Возможно, та девушка просто спала. А потом проснулась и ушла.

— Исключено. Она была мертва.

Офицер курил причудливую на вид сигарету, у которой картонный фильтр почти в два раза превышал длину куцей трубочки табака.

— Интересный вы человек, — сказал он, бросая окурок на тротуар. — У меня есть предчувствие, что совсем скоро мы увидимся вновь. Если вам понадобится помощь, какая бы то ни было, смело обращайтесь ко мне. Я — майор Бойко Тищенко. Запомните. Мое имя открывает множество две-

рей в этом городе. Доброй ночи.

Военные забрались обратно в свои грузовики и уехали. Я выкурил вторую сигарету, обдумывая события вечера. Вернувшись в дом, наткнулся на сердитый взгляд.

— Так зачем вы привели сюда русских? — накинулась на меня фрау Экхарт. — Это американский сектор!

— Простите. Они захотели увидеть тело.

— Не было никакого тела!

— Кто-то его убрал до вашего возвращения. Лиза тоже видела. Спросите ее вновь.

— Вы слышали ее ответ. Она не умеет врать.

— Девочка, верно, напугана. Спросите завтра, и она скажет вам правду.

Я предложил женщине сигарету, и Экхарт чуть остыла.

— Давайте выйдем из дома. Дочка, наверное, уже заснула.

Теперь, когда исчезли солдаты, грузовики и любопытные соседи, улица выглядела пугающе покинутой.

— Что за продовольственные карточки, о которых вы говорили? — поинтересовался я.

— Есть пять категорий. По пятой положена лишь тысяча калорий в день на человека. Ника-

ких яиц, мяса, масла и сахара. Такие карточки называются «голодными».

— Вам определили худшую категорию, потому что ваш муж служил в СС?

— Да. Вы здесь давно?

— Около трех недель.

— В прошлом году, сразу после войны, нам велели заполнить анкету с более чем сотней вопросов.

— Вы были нацисткой?

— Что? Я состояла в партии, если вам это интересно. Работала в юридической конторе. Все состояли в партии. В то время это было само собой разумеющимся.

— Само собой разумеющимся? Партию возглавлял Адольф Гитлер, фрау Экхарт. Вас это не беспокоило?

Она не ответила. Светло-зеленые глаза казались почти прозрачными.

— Как вы теперь выживаете?

Экхарт пожала плечами:

— Если вам нечего обменять на черном рынке или если вы не работаете на них, то приходится голодать. Мне повезло отыскать жилье, где не нужно платить за аренду.

— Как так вышло?

— Хозяйка, фрау Леманн, переехала в Магдебург. Мы жили в округе Целендорф, а в марте всех без предупреждения выставили вон. Вдова военного и ее пятилетняя дочь оказались на улице. Как вы думаете, это справедливо?

— Не знаю.

— Не знаете?

— У вас есть родители, родственники?

— Родители погибли год назад, когда в дом попала бомба. У меня есть сестра в Вюртемберге, во французской зоне, но ее семья едва сводит концы с концами. Даже не знаю, как мы переживем эту зиму без угля.

Порывшись в сумке, я протянул ей запасную пачку сигарет. Фрау уставилась на мой подарок.

— За что?

— Просто так. Пожалуйста, возьмите.

Она наконец приняла пачку и положила ее в карман.

— Доброй ночи, фрау Экхарт. И простите за беспокойство.

— Доброй ночи.

Я успел сделать всего пару шагов, когда она меня окликнула, заставив повернуться.

— Да?

— Вы назвались журналистом. Вам известно,

сколько некогда составлял размер штрафа за изнасилование немки?

— Штрафа? В каком смысле?

— Да, изнасилование каралось лишь штрафом, если только не было отягчающих обстоятельств.

— Я не знал.

— Штрафом в шестьдесят восемь долларов. Месячная зарплата джи-ай[5], как мне сказали. Спокойной ночи. И благодарю за сигареты.

[5] Примечания: 5

Джи-ай (*англ.* G. I.) — прозвище американских солдат. Считается, что своим происхождением обязано аббревиатуре GI (Galvanized Iron — оцинкованное железо) на армейских мусорных баках и других металлических предметах, однако во Вторую мировую войну расшифровка была переосмыслена как Government Issue (казенное имущество).

2

Ранним утром меня разбудил громкий стук в дверь. Я выбрался из постели, накинул поверх пижамы пальто и взялся за ручку — она казалась липкой и холодной, как и все, к чему я прикасался в этом городе.

Вошел капитан Боб Гарднер и положил на столик в кухоньке объемистый бумажный пакет. Капитан со школьной скамьи приятельствовал с моим редактором в Чикаго, который попросил помочь мне с журналистским удостоверением и ввести в курс дел.

— Доброе утро, — поздоровался я, взглянув на часы: они показывали без двадцати девять.

— Вообще-то, не такое уж и доброе, — буркнул Гарднер, выуживая из пакета газету. — Прочтите-ка, а я сварганю завтрак. — Он постучал пальцем по одной из заметок. — Кстати, в следующий раз не забудьте улыбнуться в камеру.

Пока мой гость возился на кухне, я открыл окно и, присев на край кровати, прочитал статью из «Немецкой народной газеты», которая издавалась в советском секторе и служила официальным ру-

пором поддерживаемой СССР Социалистической единой партии Германии.

— Насколько все плохо? — поинтересовался я, закуривая предпоследнюю сигарету в пачке.

— Довольно плохо, — ответил Гарднер, разливая в кружки кофе из термоса. — А теперь давайте перекусим.

Я выпил кофе и докурил сигарету, после чего мы молча жевали под аккомпанемент скрежета баков, которые мусорщики тащили по улице.

В материале сообщалось, что накануне вечером была изнасилована и убита неизвестная девушка, скорее всего немка. Предположительно, преступление совершил американский патруль. Далее называли мое имя и заявляли, будто, случайно наткнувшись на тело, я обратился за помощью к советским солдатам, якобы из опасения, что американские власти постараются скрыть убийство, как поступали в других схожих случаях. К сожалению, доблестные советские блюстители закона прибыли на место преступления слишком поздно и злоумышленники успели спрятать труп.

Гарднер оглядел мое пристанище неодобрительным взглядом. Смуглый, с глубоко посаженными темными глазами и зачесанными назад черными волосами он больше походил на воен-

ного из голливудских фильмов, чем из настоящей жизни.

— Все никак в толк не возьму, почему вы решили поселиться в этой дыре, — проговорил он. — Можно подумать, скрестили мышеловку с обувной коробкой, и теперь вы живете в жутком плоде их противоестественного союза.

— Когда я выбирал жилье, то собирался остаться всего на несколько дней. Я и не догадывался, что Белфорд решит поиграть со мной в кошки-мышки и мне придется гоняться за ним по всему городу.

— Будь я знаком с этим типом, сказал бы ему пару ласковых. — Гарднер зевнул. — Не поведаете о произошедшем вчера? Поверить не могу, что вы стали гвоздем программы в пропагандистском тексте из коммунистической газетенки. Мало того, что вас угораздило найти труп, так в довершение всего вы еще и связались с русскими, которые, на ваш взгляд, заслуживают больше доверия в расследовании этого дела, чем мы.

— Я нашел труп, тут они не солгали, чего не скажешь об остальном.

— Ладно, выкладывайте.

Я сообщил, как наткнулся на мертвую девушку, как забрел в советский сектор, как меня задержал

патруль и как наконец под дулом автомата я привел русских на место преступления в Кройцберг, где обнаружил, что за время моего отсутствия труп успел пропасть. Услышав фамилию офицера, Гарднер меня прервал:

— Вы сказали Тищенко? Бойко Тищенко?

— Все верно. Он настаивал, чтобы я его запомнил.

— Он работает на Котикова и Тюльпанова. Первый — начальник Советского информационного бюро, а второй — его правая рука. Вы угодили прямо в яму со змеями.

Я закурил последнюю сигарету и скомкал пустую пачку.

— Тюльпанов умен и очень образован, — продолжал Гарднер. — В прошлом году ему поручили возродить местную культурную жизнь, чтобы сложилось впечатление, будто советские солдаты способны на нечто более духовное, чем грабежи и изнасилования. Под его руководством возобновились концерты труппы Государственной оперы и других театров, Тюльпанов организовал гастроли Большого в Берлине. Также основал Дом культуры, который, несмотря на название, не что иное, как логово русских шпионов и их немецких информаторов.

— Все это не имеет ко мне никакого отношения, — заметил я. — Я здесь только ради интервью с Белфордом, помните?

— Ну, вы теперь в самой гуще событий, хотите того или нет. Убийство уже пытаются повесить на нас, хотя никто даже не знает наверняка, было ли убийство, а значит, поползут всевозможные слухи.

— Убийство было. Я знаю наверняка. Когда я ушел из дома, убийца вернулся и спрятал труп.

— Не важно. Русские сейчас на нас зуб точат.

— Почему?

— Потому что они проиграли выборы в Берлине и теперь ищут козла отпущения.

— Понятно. Кстати, мне нужно купить сигарет. Не окажете услугу?

— В пакете есть две пачки «Лаки страйк». А еще кофе, шоколад, сыр, мыло и бритвы.

— Спасибо.

— На здоровье. Наши хотели посадить вас на ближайший поезд до Гамбурга, а затем — на пароход домой. И ваше немецкое происхождение делу не помогает, если вы понимаете, о чем я. Но я их убедил, что такими действиями мы только добавим масла в огонь, создавая впечатление, будто заметаем следы.

— Мне все равно, чего они хотят. Я иду в полицию.

— Зачем?

— Затем, что убили человека. В нашем секторе, между прочим.

— Не стоит спешить. Советы повязали начальника берлинской полиции, Маркграфа, так крепко, что он даже бровью пошевелить не может.

— Как?

Гарднер допил кофе и поставил кружку на стол.

— Учитывая обстоятельства, в этой стране у всех есть темное прошлое, и будущее каждого зависит от того, кто судьи и закроют ли они глаза на те или иные прегрешения. Сразу после взятия Берлина Советы целых три месяца заправляли городом в одиночку. К тому времени как сюда добрались мы, они уже поставили своих марионеток почти на все ключевые посты. Возьмем, к примеру, Маркграфа: прежде он не имел никакого отношения к полиции, был пехотинцем, на Восточном фронте его ранили и взяли в плен. За два года лагеря для военнопленных он стал коммунистом. Полиция пляшет под дудку Советов, а слова «изнасилование и убийство немки в аме-

риканском секторе» — это музыка для их ушей.

— Я попытаюсь найти честного полицейского, готового провести беспристрастное расследование.

— С таким же успехом можете искать девственницу в борделе. Ладно, допустим, вы найдете святого. А на следующий день русские переведут его на другое дело, арестуют или отправят в один из своих лагерей.

— Да бросьте!

— Послушайте! Легавые находятся в весьма щекотливом положении. Перед войной нацисты объединили все правоохранительные органы в одну организацию. То есть крипо[6] работало рука об руку с гестапо и СД, разведывательным подразделением СС. Недалеко от Рейхстага стоит здание из красного кирпича под названием Роте Бург: там заседало полицейское руководство. Мы до сих пор не знаем точно, кто кем был и что делал во время войны, и не узнаем никогда, потому что архивы уничтожены. Но что мы знаем точно, так это что нацисты регулярно использовали полицию для грязной работы и она подчинялась им беспрекословно.

---

[6] Примечания: 6

Крипо (*нем.* Kripo от Kriminalpolizei) — сокращенное название уголовной полиции в нацистской Германии.

— Ладно, тогда я обращусь к нашей военной полиции. Поскольку преступление произошло в американском секторе, она обязана заинтересоваться.

— И что именно вы там сообщите? Вы не можете провести опознание: трупа-то нет.

— Труп был, но его спрятали.

— Вам просто-напросто не поверят.

— К счастью, вчера вечером у меня был с собой фотоаппарат, и я сделал пару снимков. — Я указал на свою сумку. — Пленка здесь.

— Прошу прощения?

— Вы не ослышались. Мне только нужно найти место, где ее проявить.

— Надеюсь, вы не заикнулись о ней перед русскими?

— Если бы они знали о пленке, то кричали бы об этом во всех своих газетах, вам так не кажется?

Гарднер поднялся, а я убрал сигареты и провизию из пакета в шкаф. Передвигаясь в крошечном помещении, мы почти задевали друг друга.

— Теперь поедем в Дом Америки, — заявил капитан. — С вами кое-кто хочет познакомиться.

— Кто?

— Некто очень важный. Одевайтесь, я подожду в коридоре.

Гарднер вышел, оставив дверь приоткрытой. Захлопнув окно, я почистил зубы, побрился, переоделся и положил в наплечную сумку шоколадные батончики и несколько пачек сигарет — единственную твердую валюту в Берлине. Когда я переступил порог квартиры, ждавшие в коридоре двое мужчин в форме вежливо попросили у меня ключи.

— Не беспокойтесь. Я просто хочу удостовериться, что вам не установили жучки, пока вы находились у русских, — объяснил Гарднер.

— Зачем им меня прослушивать?

— Зачем кошки ловят мышей? Такая у них работа. Мы также сменим замок. Позже я выдам вам новые ключи.

— Не знаю, можно ли сменить замок. Надо сперва попросить разрешения у хозяина.

— Вы один из нас, а нам можно все. Мы выиграли войну, помните?

Дом Америки, который мне уже доводилось посещать, располагался в Шёнеберге, в самом сердце нашего сектора. Округ внешне не пострадал во время войны, отчего возникал почти сюрреалистический контраст с остальной частью города. Когда союзники делили послевоенный Берлин, русские взяли себе все промышлен-

ные зоны (и незамедлительно демонтировали и целиком перевезли к себе в СССР заводы и фабрики), а также спальные районы рабочего класса, которые сочли плодородной почвой для коммунистической пропаганды. Мы же предпочли комфорт и безопасность западных районов, преимущественно заселенных средним классом.

— Мне сегодня приснился чудной сон, — начал Гарднер, когда мы двинулись в путь. — Я был дома в Чикаго, ужинал с женой и нашими дочурками, тут позвонила Дейзи Коулман, подруга Синди, и попросила о помощи: кто-то пытался проникнуть к ней в дом. Я запрыгнул в машину и помчался прямо к ней. Район оказался незнакомым и выглядел убого, хотя в реальной жизни Дейзи живет в Эванстоне. Внезапно я заметил, что у меня заканчивается бензин, и заехал на заправку. Когда наконец добрался до дома Дейзи, входная дверь оказалась распахнута настежь и я столкнулся лицом к лицу с самим собой.

— В каком смысле?

— Я увидел себя лежащим в луже крови на крыльце. Впрочем, мой двойник выглядел счастливым и даже выдавил улыбку. Я спросил его, что, черт возьми, произошло и кто в него стрелял? Все также улыбаясь, он велел мне не волноваться: все

не так плохо, как выглядит. Тут из дома вышла Дейзи с кофе и печеньем, мы сели на ступеньки и начали болтать о каком-то парне по имени Кевин, который только что выиграл главный приз в лотерее. Когда мы допили кофе, она вернулась в дом, и я спросил своего двойника, как ему помочь. Он ответил, что у него все отлично, а потом прямо у меня на глазах испустил дух. При одном воспоминании об этом по коже бегут мурашки. Я лежал там: глаза закрыты, лицо залито кровью. То есть лежал мой двойник, а я на него смотрел. Как считаете, сны что-нибудь значат?

Его сон воскресил в памяти образ моей маленькой сестренки: как она лежит на полу, будто сломанная кукла. Меня страшно замутило. Однако не возникло ни малейшего желания обсуждать это с Гарднером или с кем-либо другим.

— Не думаю, — ответил я. — Большинство снов не имеют никакого смысла.

— Чертовски на это надеюсь. Жуткий выдался кошмар, уж поверьте.

Дом Америки располагался в четырехэтажном исполинском здании из стекла, стоящем посреди широкого, обсаженного деревьями бульвара. Охранники подняли перед нами шлагбаум, и мы остановились у парадного входа. Водитель

открыл для Гарднера дверь. День выдался еще холоднее, чем предыдущий, а небо затянули тучи. На противоположной стороне бульвара стоял старик и играл на скрипке, перед ним на тротуаре лежал открытый футляр с бархатной обивкой. Неподалеку женщина в платке и махровом халате медленно тащила за собой маленькую деревянную тележку, заваленную хламом.

Мы поднялись по ступенькам и вошли в здание.

Человек, пожелавший со мной встретиться, ждал нас на первом этаже за единственным занятым столиком в баре, предназначенном, согласно вывеске на двери, только для военнослужащих. Мужчина лет пятидесяти с небольшим был одет в элегантный темно-синий костюм, однако его выправка говорила о военных академиях, учебных частях и сражениях.

Официант принес нам кофе, пепельницы и вазочку с соленым арахисом. Синий костюм закурил сигару, молча меня изучая.

— Полковник Александр Смит, — наконец представился он, выпуская изо рта облако дыма.

— Джейкоб Хубер, «Чикаго трибьюн». Для меня большая честь познакомиться с вами, сэр.

— Желаете чего-нибудь еще? Может, завтрак?

— Спасибо, я уже поел. Кофе с орешками вполне достаточно.

— Полковник Смит работает с генералом Донованом, — вставил Гарднер.

Я понятия не имел, кто такой Донован, однако он произнес фразу так, будто Смит напрямую связан с самим Господом Богом.

— Ясно.

— Слышал, у вас неприятности, — продолжал Смит. — Расскажите, как умудрились вляпаться в такую историю?

Я повторил то, что говорил Гарднеру, ощущая себя граммофоном, который крутит заезженную пластинку.

— Во-первых, — выслушав меня, начал Смит, — вам не следовало рассказывать русским об этом предполагаемом убийстве. Их не касается то, что происходит на нашей стороне поля. Во-вторых, похоже, нам даже точно неизвестно, было ли убийство совершено вообще.

Я покачал головой:

— Простите, сэр, но девушку жестоко избили, изнасиловали и лишили жизни. У меня в этом нет ни тени сомнения, пусть тело и пропало. Что касается моего разговора с русскими, то они меня допросили, когда поймали в своем секторе

во время комендантского часа, и я всего-навсего сказал правду.

— Отчего вы так настаиваете на убийстве? — не унимался полковник. — Вы не инспектор и, уж конечно, не судмедэксперт. О чем вы пишете дома?

— В основном я беру интервью. Около года назад мне выпала возможность поужинать с актером Джоном Уэйном во время его визита в Чикаго. Интервью произвело фурор, и мой редактор решил, что я в этом особенно хорош. Газета отправила меня сюда со схожим заданием.

— Взять интервью у одного из наших? У кого же?

— У Белфорда, майора Глена Белфорда. Меня бы здесь давно уже не было, если бы посчастливилось с ним встретиться.

— Славно, славно. Однако это не меняет того, что вы далеко не специалист по убийствам. Насколько я понимаю, в своей газете вы никогда не вели криминальную хронику.

— Поверьте, не нужно быть матерым криминальным репортером, чтобы понять: тут явное убийство. Я там был и видел труп.

— Вы сидели в некоем заведении, прежде чем туда отправиться. Вы ничего не пили?

— Ничего крепче суррогатного кофе.

— Послушайте, я хотел с вами встретиться, чтобы прояснить: ваши друзья — мы, а не коммунисты.

— Я прекрасно понимаю. Капитан Гарднер немало мне помогает.

— Сколько вам лет, Хубер? Двадцать три? Двадцать четыре? — в голосе полковника появились стальные нотки, а взгляд стал суровее.

— Двадцать четыре, — уточнил я.

— Вы воевали?

— Нет, сэр, меня не призвали. Вероятно, потому, что я учился в колледже.

— Вы могли бы пойти добровольцем.

— Мог бы, сэр, но не пошел.

— Вы каким-то образом причастны к Американской коммунистической партии? Хоть что-то вас с ней связывает?

— Нет, ничего.

— Но вы симпатизируете ее членам?

— Если бы симпатизировал, не работал бы в «Трибьюн».

— Расскажите о своих родителях.

Мне стало не по себе.

— Простите, но какое отношение ко всему этому имеют мои родители? Моя мама — учитель

географии в школе, а отец — настройщик фортепиано. Они живут в старом районе Чикаго. Я — единственный ребенок в семье.

— У вас остались родственники здесь, в Германии?

— Нет.

— Мне сказали, что ваши родители немцы.

— Они американцы, такие же, как вы, я и капитан Гарднер. Они получили гражданство еще до моего рождения и верны Соединенным Штатам, если вы намекаете на обратное.

— Эй, не нужно кипятиться, — вмешался Гарднер.

Смит несколько секунд изучал кончик своей сигары, словно полковника внезапно заворожила некая необычная химическая реакция, происходящая в раскаленном табаке.

— Хубер, вы должны понять: этот город находится под военным контролем, как и вся страна. Одним лишь телефонным звонком я могу сделать так, чтобы ваше удостоверение и визу аннулировали, а вас отправили домой так быстро, что вы и опомниться не успеете. Однако наш общий товарищ рассудил здраво, и мы согласились, что пока такой поступок будет выглядеть подозрительно. Все же я вас предупреждаю: не испытывайте мое

терпение.

— Не имею ни малейшего желания его испытывать, сэр.

— Тогда давайте заключим сделку.

— Какого рода сделку?

— Патриотическую. — Полковник подался ко мне поверх столика, отчего я уловил запах его одеколона. — Послушайте, война окончена. Нацисты повержены, с японцами разделались, тем не менее отнюдь не все в этом мире — наши друзья. Мы должны оставаться начеку, ибо вскоре нам предстоит трудный выбор и нужно готовиться.

— Понимаю, сэр.

— Возможно, вы еще не осознали, но этот Богом покинутый город — настоящее осиное гнездо. Итак, вот мое предложение: сообщите нам, если коммунисты по какой-либо причине попытаются с вами связаться. Нам нужно знать, какую игру они затеяли, и знать незамедлительно.

Я кивнул, и он продолжил:

— Также вы забудете все о событиях прошлой ночи. Покинув это здание, вы пойдете по своим делам, как будто ничего не случилось. Я разыщу этого Белфорда и попрошу его встретиться с вами как можно скорее.

— Позвольте задать вопрос, сэр?

— Пожалуйста.

— Почему вы не хотите, чтобы я расследовал убийство той девушки?

Смит потер подбородок, его лицо покраснело.

— Мы потеряли в этой войне более четырехсот тысяч солдат. И я не позволю коммунякам втаптывать наше доброе имя в грязь из-за чего-то, что вам почудилось.

— Мне почудилось? Так вы все это воспринимаете?

— Хватит раскачивать лодку, только и всего! Я ясно выражаюсь?

— Да.

— Вот и славно. Свободны.

Мы с Гарднером ушли. Капитан выглядел расстроенным и не проронил ни слова, пока мы не оказались на улице.

— Вы с ума сошли?

— А что такое?

— Нельзя так разговаривать с полковником Смитом! Вы в самом деле хотите, чтобы он отправил вас домой с большим блестящим колокольчиком на шее?

— Почему? Я не сделал ничего дурного.

— Может, и не сделали, только мы сейчас на-

ходимся под сильным давлением. Несколько месяцев назад некий Миллер в чине полковника сцепился с генералом Клеем, главой американской военной администрации. Вернувшись в Вашингтон, он потребовал слушаний перед специальным комитетом сената и затем весьма нелестно охарактеризовал наших парней здесь, в Германии: мол, они хулиганы, развратники, а то и отъявленные насильники, спекулянты и все такое.

— Это правда? Его характеристика?

— Миллер — герой войны и очень добропорядочный человек, но совершенно непрактичный. У нас на базе десять пачек сигарет стоят пятьдесят центов, а в Тиргартене или на Александерплац их можно в два счета продать за сто баксов. Покупают даже русские. За двадцать сигарет или за несколько шоколадных батончиков можно приобрести добротные часы или фотоаппарат. Фарфоровый сервиз стоит пять пачек. Пару недель назад мой водитель продал советскому офицеру свои часы с Микки-Маусом за триста долларов. Представляете? Четырехмесячная зарплата за безделушку, которая стоила ему два с половиной доллара. Ну да, наши парни пытаются подзаработать, как и все остальные. Что в этом

такого, если никто не пострадал? А теперь лавку прикрыли, и народ разбушевался.

— Позвольте кое-что спросить: наши парни могут каким-то образом быть причастными к убийству?

— Да о каком, к черту, убийстве речь?!

— Об убийстве, которое произошло в Кройцберге, в нашем секторе.

— Что на вас нашло? Теперь вы подыгрываете русским?

— Я задал вам простой вопрос.

Гарднер вздохнул:

— Мне все равно, что вы видели или не видели прошлой ночью, понимаете? Если русские попытаются с вами связаться, дайте нам знать, только и всего. На вашем месте я бы держался от них как можно дальше. Вы, юнец из Чикаго, понятия не имеете, что здесь творится. Берите свое интервью, возвращайтесь домой и живите спокойно. Разве дома вас не ждет суженая?

— Не ждет.

— Очень жаль. Но наверняка вы ее отыщете.

— Кстати, мне нужен уголь.

— Уголь?

— Да.

— Не проблема, я пришлю вам пару мешков.

— Спасибо. Где мои ключи? — напомнил я.

— Извините, чуть не забыл.

Он достал из кармана ключи и протянул мне — только один комплект. О дубликатах я спрашивать не стал.

— Вас подвезти? — предложил Гарднер.

— Спасибо, я пройдусь.

— Осторожнее там.

Машина отъехала, и я взглянул на другую сторону дороги: скрипач стоял все там же, не обращая внимания на холод. Перейдя бульвар, я некоторое время слушал, как он играет; глаза мужчины были закрыты. В футляре лежала красная банкнота в десять рейхсмарок, равная примерно пяти центам. Руки музыканта выглядели старее, чем он сам: он словно был деревом, которое начало увядать от кончиков веток. Я положил в футляр пачку «Лаки страйк» и ушел.

3

В следующие пару дней ничего особенного не происходило. Никто не искал меня, и я не искал никого. В газетах больше не упоминали об убийстве, словно той единственной заметки не существовало, и я сам начал задумываться: было ли тело настоящим или лишь плодом моего воображения? Я решил обратиться в полицию, однако сперва требовалось проявить фотографии. Загвоздка заключалась в том, что я не хотел пользоваться фотолабораторией в клубе для прессы, где обо мне, несомненно, доложат военным властям, а как найти другую проявочную, понятия не имел.

В понедельник я отправился на почту — позвонить своему редактору Гарри Сильверстоуну, и сообщил ему, что Белфорд оказался весьма изворотливым типом, тем не менее дело на месте не стоит и скоро я его поймаю. Начальник наконец согласился перевести мне еще денег и уведомил, что крайний срок выполнения работы — через две недели, без продлений. Из-за ужасной связи мы едва слышали друг друга, и я прервал разго-

вор. Крайний срок, мягко говоря, оставлял желать лучшего: видимо, даже авторитета всемогущего Смита не хватало, чтобы выловить Белфорда, раз уж от него до сих пор не было ни слуху ни духу.

Затем я связался с родителями, которые все больше беспокоились из-за моего затянувшегося пребывания в Германии. Они рассказали о кончине от пневмонии дяди Руди, младшего брата отца. Он считался белой вороной в семье, а когда мне было десять, переехал в Нью-Йорк и сошелся с бандитами, промышлявшими контрабандой алкоголя. В Чикаго он так и не вернулся, поэтому у меня сохранились весьма скудные воспоминания о нем. После переезда дяди его имя перестало мелькать в разговорах родителей. Однако взрослые, похоже, забывают о способности детей заполнять пробелы в знаниях с помощью воображения, так что постепенно дядя Руди стал для меня мифическим героем, который ведет опасную, но определенно интересную жизнь в далеком городе под названием Нью-Йорк.

Остальное время я провел в своей комнате, покуривая сигареты и читая. По ночам, когда я выключал свет, из своих таинственных щелей под половицами выползали большие черные тараканы и неустрашимо карабкались по стенам.

Мой сосед снизу, почти прикованный к постели пожилой мужчина, который недавно потерял жену, рыдал всю ночь напролет, и даже до меня доносились его всхлипывания. Днем же донимал шум со стройки, расположенной дальше по улице.

Лежа в кровати, я вспомнил, как на девятый день рождения получил от дяди Руди двадцатидолларовую купюру. Отцу это не понравилось, и в конце концов он убедил меня вернуть столь щедрый подарок. Однако в тот же вечер, когда все ушли, я, отправляясь спать, обнаружил сокровище в заднем кармане джинсов. Затем спрятал его в книге, где оно хранилось около двух лет, пока однажды внезапно не исчезло: позже выяснилось, что мама отдала книгу на благотворительность вместе с кучей старых вещей, которые, как она решила, мне больше не нужны. В итоге родители победили, но какое-то время у нас с дядей Руди был общий секрет.

Во вторник, около полудня, прибыл уголь от Гарднера, и меня вновь затянуло в историю с убитой девушкой.

Сразу же взяв у соседа напрокат велосипед в обмен на шоколад, я перекинул мешки через перекладину и отвез их к дому в Кройцберге. В

свете солнца улица больше не казалась заброшенной. Или, возможно, к тому времени я успел привыкнуть к виду развалин.

На удивление, Мария обрадовалась, увидев меня. Я снял мешки с велосипеда и помог дотащить их до кухни, минуя коридор, где в ту ночь лежал труп. Также отдал ей кофе, сахар, три пачки сигарет и пару шоколадок.

Хозяйка затопила плиту, взяла пепельницу, и мы сели на скамейку, чтобы выкурить по сигарете. Я не мог отвести глаз от коридора.

— Почему вы столько хлопочете ради меня, герр Хубер? — спросила Мария.

В ней было нечто почти аристократическое, даже при явной неухоженности: например, красивые руки с длинными тонкими пальцами и интеллигентные черты лица.

В отличие от большинства парней, знакомых мне с детства или по колледжу, я не пытался затащить в постель каждую женщину, которую встречал, — ни воспользовавшись ситуацией, ни по обоюдному согласию. Для моих друзей, казалось, интимная связь была единственным доступным мостиком между двумя отдельными мирами, считающими друг друга неизведанной территорией. Женитьба и рождение детей,

покупка дома с белым деревянным забором и аккуратно подстриженным газоном, обязательная поездка на Ниагарский водопад, празднование Дня благодарения с родителями супруга и все прочее было для них не чем иным, как нейтральной зоной, простирающейся между двумя коварными врагами, вечно пытающимися установить хрупкое равновесие сил.

— Прошу, зовите меня Джейкоб, — попросил я. — Мне хочется вам помочь, только и всего. А где Лиза?

— Я как раз собиралась уходить, поэтому отвела ее к соседке. Той ночью я усвоила урок: больше не оставлять ее одну. Давайте выпьем кофе.

Мария взяла из шкафчика чайник, наполнила водой из бутылки и поставила на плиту.

— Очень любезно с вашей стороны. Я уж и не припомню, когда в последний раз пила настоящий кофе.

Сварив напиток, она разлила его по чашкам.

— У меня нет молока. С сахаром?

— Черный вполне подойдет.

— За прошедший год я научилась ценить каждую мелочь, которую раньше принимала как должное. Эти чашки и блюдца теперь мне дороже, чем фарфоровый сервиз, что был дома.

Чашка кофе и сигаретка теперь приятнее обеда в «Нолле».

— «Нолле»?

— То был один из лучших ресторанов в Берлине. Вы даже представить не можете, как впечатлял этот город до войны. Опера, театры, кабаре, кино… Однако страшнее всего перемены в людях. Вы не поверите, на что они готовы ради куска хлеба.

— У нас жизнь тоже была не сахар, — заметил я. — Во время Великой депрессии и нам туго пришлось. Помню, родители пару лет не могли найти работу и мы едва сводили концы с концами. С тех пор я смотреть не могу на картошку, даже если голодный как собака. Когда мне было лет десять, один мужчина прямо перед нашим домом перерезал себе горло и умер на тротуаре. Повсюду промышляли барыги, обычным делом стали перестрелки средь бела дня, грабежи и так далее.

— Понимаю, но у нас дело не только в голоде, дефиците и лишениях. По большей части мы ко всему этому привыкли во время войны. А вот что произошло в прошлом году, после битвы… Эй, знаете? Давайте сменим тему. Расскажите о своих родителях. Они из Германии, верно? Откуда именно?

Мы говорили о моей семье, пока она курила

одну сигарету за другой, словно не в силах преодолеть жгучую тягу к ним. В воздухе, подобно маленьким призракам, витали струйки табачного дыма и пара от кофе. Когда в комнате стало теплее, я снял пальто и повесил на спинку стула.

Мария перевернула свою чашку на блюдце.

— Мама умела предсказывать будущее по кофейной гуще. Еще ребенком научилась от горничной. Говорят, если посмотреть на дно чашки, то символы в нижней части поведают вам о прошлом, а в верхней — откроют будущее.

— Может, погадаете на своей чашке?

— Нужно подождать, когда гуща полностью осядет. Да, впрочем, не уверена, хочу ли знать, что ждет меня в будущем.

— Стало ли известно что-нибудь о трупе?

Мария с легким смущением покачала головой.

— Нет. На следующее утро я опять поговорила с дочкой, и она повторила, что ничего не видела.

— Зато видел я, Мария, поверьте мне. Тело было прямо там, в коридоре. С чего бы я стал такое выдумывать?

— Я задавалась тем же вопросом. Только мне по-прежнему непонятно, почему вы тем вечером пришли сюда.

Я рассказал о пьянице, который написал ее

адрес на витрине парикмахерской. Она нахмурилась:

— То есть этот адрес?

— Именно.

— Как выглядел пьяница?

— Были сумерки. Вроде бы он старше меня, небольшого роста, волосы темные. Кого-то напоминает?

— Нет. И поэтому вы пришли сюда?

— Да. Я собирался встретиться кое с кем для интервью и подумал, что он так меня разыгрывает.

— Ладно, я вам верю. Что до девушки: может, она просто упала в обморок, а потом встала и ушла?

— Она была мертва. Я проверил пульс. И еще заметил кое-что странное: кожа у нее на ногах была немного темнее, чем на остальном теле.

— Вероятно, у бедняжки не оказалось чулок и она их нарисовала. Девушки так поступают, особенно когда идут на свидание.

Мария затушила сигарету в пепельнице и поднялась.

— Мне нужно в Тиргартен, чтобы обменять на еду сигареты, которые вы принесли. Вы когда-нибудь там бывали?

— Это что-то вроде черного рынка? Не бывал,

но много о нем слышал.

— Хотите со мной? Можете оставить велосипед здесь и забрать его по возвращении. Мы поедем на трамвае. У меня есть билеты.

— Конечно, почему бы и нет?

— Спасибо. Извините, я отойду на минутку.

Когда Мария поднялась на второй этаж, я взял пальто со шляпой и вышел в коридор. Перед глазами вновь всплыла картина: мертвая девушка, почти подросток, обнаженная, неподвижно распростерта на полу, словно выброшенная вещь. Воспоминание стало еще ярче, будто все это время память проявляла пленку и распечатывала фотографию в лаборатории мозга.

Вскоре Мария спустилась, открыла пачку сигарет, вытащила пять штук, а остальные положила в карман к двум другим пачкам. Она успела причесаться и надеть зеленое шерстяное пальто с красным шарфом. Взяв пустой рюкзак, мы заперли дом и ушли.

Трамвай довез нас до Бранденбургских ворот, на которые отбрасывала длинную тень громада сгоревшего Рейхстага. Мы продолжили путешествие пешком. Мария рассказала, что до войны Тиргартен был самым большим парком в городе, название которого означает «зоосад»; ожесточен-

ные бои превратили его в голую, выжженную пустошь на территории нынешнего британского сектора.

Статуи были разрушены, повреждены или украдены, уцелевшие после сражений деревья срубили на дрова, а ручьи и пруды превратились в зловонные лужи. Несколько участков земли горожане приспособили под картофельное поле, остальная территория представляла собой грязный пустырь. На восточной стороне голого пространства возвышался Мемориал павшим советским воинам — огромный монумент, спешно воздвигнутый празднующими победу русскими, западную границу охранял изуродованный силуэт Бранденбургских ворот[7].

То тут, то там виднелись группки людей, в основном мужчин, которые просто стояли рядками или неспешно прогуливались в поисках потенциальных покупателей. Мария, казалось, прекрасно ориентировалась на месте и направилась прямиком к торговцам продуктами. Тем временем я прошелся вдоль одного из рядов, разглядывая выставленные на продажу вещи.

В большинстве своем пожилые продавцы,

[7] Примечания: 7

Так у автора. На самом деле Брандербургские ворота восточнее Мемориала.

закутанные в несколько слоев старого тряпья, показывали свои товары молча и уткнувшись взглядом в землю. Один протягивал моток пряжи, второй — отвертку, третий — несколько пуговиц, четвертый — щербатое блюдце, пятый — единственное яблоко. Я испытал потрясение: в каком, должно быть, они отчаянии, раз готовы стоять часами на холоде в надежде продать этот хлам или обменять на нечто столь же никчемное.

Я остановился перед женщиной, которая протянула мне маленький штопор с ручкой из оленьего рога, и спросил цену.

Избегая моего взгляда, она ответила:

— Не знаю.

— Не знаете?

Она больше ничего не сказала, просто стояла, уставившись в грязь под ногами. Я дал ей банкноту в пятьдесят СВК-марок[8], положил штопор в карман и отправился на поиски Марии.

Она обменивала семь своих сигарет на пачку муки и пакетик дрожжей, которые затем положила в рюкзак. Тем временем ко мне подошел мальчик, одетый в шорты, несмотря на холод, и

[8] Примечания: 8

СВК-марка (марка Союзного военного командования) — денежный знак, выпускавшийся оккупационными властями в Германии. 50 союзных марок равнялись примерно 5 долларам по курсу того времени.

протянул маленькую кожаную коробочку с Железным крестом[9].

— Десять сигарет, — сказал он по-английски. — Серебро.

— Прости, но мне это неинтересно.

— Хорошее серебро. Для вас — девять сигарет.

Мы стояли лицом к лицу посреди небольшой толпы, достаточно близко, чтобы я отчетливо почувствовал его запах. Внезапно справа от мальчишки мелькнул кулак и угодил ему прямо в лицо. Тот, однако, и глазом не моргнул.

— Восемь сигарет, — сказал он, не отводя от меня пристального взгляда.

От второго удара он попятился на пару шагов. Нападавшим был мужчина лет тридцати пяти, невысокий, худощавый, с большим багровым шрамом на лице.

— Семь сигарет. Серебро, — не унимался ребенок.

Из его правой ноздри вытекла тонкая струйка крови.

— Говорил же тебе, это моя точка! — закричал мужчина со шрамом. — Проваливай!

— Шесть сигарет, — продолжал торговаться

---

[9] Примечания: 9

Железный крест — военный орден за отвагу, который вручали в Германской империи и нацистской Германии до 1945 года.

мальчик, не обращая на нападавшего внимания.

К нам подошла Мария.

— Оставь ребенка в покое, скотина! — отругала она мужчину со шрамом. — Как тебе не стыдно!

Я сунул мальчику в руку купюру, но орден не взял. Паренек юркнул в толпу, убегая от обидчика. Мария принялась торговаться с женщиной за три банки фасоли и маленький пакетик сахара. Когда она закончила, наполовину заполнив рюкзак, мы направились к трамвайной остановке. Никто из нас не проронил ни слова.

Уже в трамвае спустя пару минут поездки я заметил в окне навес уличного кафе, неожиданно симпатичного, и предложил Марии перекусить со мной за компанию.

— Я не позавтракал и теперь проголодался.

— Вы и так слишком добры ко мне.

— Прошу вас, мне надоело есть в одиночестве.

Мы вышли на следующей остановке и вернулись к кафе. Там половину столиков заняли солдаты, в основном британцы и русские, многих сопровождали девушки. Обстановка была спокойной, а меню на удивление богатым, словно дефицит продуктов существовал где-то далеко, в другом мире. Я вспомнил рынок всего в двух милях отсюда и лица торговцев с покупателями.

Когда мы сделали заказ, Мария сказала:

— Может, зря я вам это говорю, но я впервые в кафе после окончания войны. Посмотрите на этих дам, как они одеты! А я похожа на чучело. Прошу вас, спрячьте рюкзак под стол.

— Вы очень мило выглядите. Меня пару раз приглашали в клуб в Целендорфе, но там я чувствовал себя неуютно. Все говорили только о войне, и мне стало стыдно, что я не пошел служить.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему не пошли?

— Учился в колледже.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Вы правильно сделали, что не подались в армию. Слишком много молодых людей погибло ни за что. У вас есть братья или сестры?

— Была младшая сестра Анна. Она умерла в пять лет.

— Простите. Я не хотела…

— Ничего страшного. Много времени прошло.

Официант принес нам вино и закуски. Мария явно умирала с голоду, однако старалась есть неспешно. В этой обстановке она выглядела

иначе: не такой злой, не такой испуганной, не такой печальной. Когда подали основное блюдо, моя спутница почти не притронулась к своему. Я спросил, нравится ли ей еда, но она уклонилась от ответа и пересказала рецепт того, что выбрал из меню я, — типичный образец прусской кухни, щедро сдобренный уксусом и сахаром. Подошел официант, чтобы узнать, всем ли мы довольны, и Мария попросила завернуть ей почти нетронутое блюдо с собой. Тогда я понял, что она приберегла его для Лизы.

Заморосил дождь, и прохожие пораскрывали зонтики. На террасе появилась пожилая цветочница и стала ходить от одного столика к другому. Голубоглазый советский офицер с юным лицом и увешанной медалями грудью выкупил все гвоздики, а затем раздал по одной каждой женщине в кафе, всякий раз отвешивая галантный поклон. Когда он подошел к нашему столику, Мария побледнела, однако приняла цветок и положила на скатерть.

Мы оба закурили.

— Позвольте поинтересоваться, как умер ваш муж? — спросил я.

— Его звали Рюдигер, — начала она. — Он погиб в Бельгии, при наступлении в Арденнах, в декаб-

ре сорок четвертого. Шесть месяцев спустя война закончилась. Мне не сказали, как все произошло, только что смерть была быстрой, хотя так всегда говорят ближайшим родственникам. Я пыталась разыскать его сослуживцев, но они либо погибли, либо находятся в плену в Германии или где-то еще. Мы прожили вместе всего десять месяцев, прежде чем его отправили на фронт, а после почти не виделись: только пять раз, и то всего на неделю или две. Ему было двадцать пять, когда мы поженились, и тридцать, когда он скончался. Иногда я задумываюсь, знала ли мужа вообще. Он прекрасно играл на скрипке.

— Как вы думаете, что будет дальше?

— В каком смысле?

— В смысле — с этой страной, с народом. Здесь так много злобы, так много мучений, столько людей потеряли близких и все имущество. Не представляю, как они смогут вернуться к нормальной жизни.

Мария пожала плечами:

— Пожалуй, вернуть все на круги своя невозможно, но в этом вся суть. Вы либо двигаетесь дальше и приспосабливаетесь, либо застреваете в прошлом и погибаете, как рыба, примерзшая ко льду. Я уже привыкла жить сегодняшним днем, и

единственное, о чем думаю, — это как накормить Лизу завтра.

Я оплатил счет и, уходя, заметил, что Мария оставила на столе подаренную русским офицером гвоздику.

— Ваш цветок…

— Ничего.

Когда мы вернулись к ее дому, на крыльце сидела странная женщина средних лет. Голову с седыми сальными волосами покрывала своеобразная военная фуражка, а слишком большое шерстяное пальто, первоначальный цвет которого теперь не поддавался определению, было подпоясано веревкой.

Женщина оторопело взглянула на нас и воскликнула:

— Нам нужно обсудить Ингу! Она больна! Ты должна помочь!

— Мне сейчас некогда, Хельга, — отмахнулась Мария.

Женщина нахмурилась:

— Нам нужно поговорить, немедленно!

Мария пропустила ее слова мимо ушей, открыла дверь и жестом пригласила меня войти. В коридоре я спросил о незваной гостье.

— Она приехала этим летом, даже не знаю

откуда, — объяснила Мария, унося рюкзак на кухню. — Называет себя Хельгой. Похоже, ее дочь Инга погибла во время бомбежки, и она сошла с ума. Сейчас живет где-то на этой улице.

— Послушайте, мне нужно проявить несколько фотографий. Вы не знаете, где найти фотолабораторию?

— Вообще-то, знаю. На Шарлоттенштрассе, прямо напротив парка, там есть аптека с проявочной.

— Понял, спасибо.

Я помог ей расставить продукты по полкам и вышел на улицу.

Женщина в фуражке исчезла. Когда я прощался, Мария спросила, увидимся ли мы вновь.

— Не знаю. Вероятно, я уеду примерно через две недели.

— Спасибо вам за все, Джейкоб.

— Берегите себя.

Вернув велосипед соседу, я поднялся к себе и обнаружил подсунутую под дверь записку: Белфорд приглашал меня в девять часов вечера на встречу в клубе под названием «Феминина» в округе Митте. Он располагался недалеко от границы русского и американского секторов. Сунув приглашение в карман, я выкурил сигарету и

отправился на поиски Шарлоттенштрассе.

Найти аптеку оказалось делом немудреным, поскольку она находилась на первом этаже единственного уцелевшего здания на этой стороне улицы и имела большую витрину. Пожилой аптекарь в белом халате подтвердил, что может проявить мои фотографии.

Я отдал ему свой «Кодак» с пленкой внутри, и он взвесил его на ладони.

— Отличный аппарат, — оценил он и указал на заднюю часть магазина. — Могу продать вам еще лучше по весьма выгодной цене.

— Спасибо, но мой меня полностью устраивает, — ответил я. — Осторожнее с пленкой. Она важная.

— Разумеется. Вы ведь не из Берлина? У вас акцент.

— Я американец. Журналист.

В его поведении появилась едва заметная сдержанность.

— Никогда бы не догадался. Десяти сигарет будет достаточно. Мне приходится покупать растворы и бумагу на черном рынке.

Я отсчитал нужное количество сигарет, и он положил их в ящик стола, прежде чем удалиться в проявочную, чтобы достать пленку. На стенах

висели афиши в рамках — похоже, к старым немецким фильмам, — а на полу возле стойки виднелось несколько выцветших пятен, словно от луж крови.

Минут десять спустя аптекарь вернулся в резиновых перчатках и сообщил, что фотографии будут готовы через два часа.

Я достал из сумки карту и разложил на прилавке.

— Не поможете мне найти адрес? Вот этот.

— Тут полицейский участок. — Он бросил на меня подозрительный взгляд.

— Верно.

Аптекарь взял карандаш и начертил самый удобный маршрут.

— Прямо отсюда. С другой стороны парка можете сесть на трамвай.

— Спасибо.

— Мне не нужны неприятности.

— Не волнуйтесь, вам ничто не угрожает.

Двухэтажное здание полицейского участка выглядело свежеотремонтированным, а в приемной пахло краской и лаком. Я попросил дежурного о встрече с кем-нибудь из отдела по расследованию убийств. Казалось, тот сильно встревожился при виде моего удостоверения представителя прессы

и велел подождать на скамейке у входа.

Не успел я сесть, как со мной заговорила соседка, обеспокоенная женщина, чей четырнадцатилетний сын пропал два дня назад. Мальчик, потерявший на войне отца, осенью бросил школу и ввязался в торговлю на черном рынке из-за некоего смутьяна по имени Уолтер-как-то-там. Женщина уже совсем извелась и теперь была убеждена, что полиция ради нее и пальцем не пошевелит.

Наконец ко мне спустился мужчина на вид лет под сорок, но с абсолютно седыми короткими волосами. Он представился инспектором Рудольфом Бауэром и внимательно изучил мое журналистское удостоверение. Я сообщил, что хочу заявить об убийстве, свидетелем которого стал несколько дней назад.

— Убийство? Несколько дней назад? Где?

— В Кройцберге. Я обратился в нужный участок? За этот округ вы отвечаете?

— Все верно. Когда именно, герр Хубер?

— В пятницу вечером.

— Почему же вы не пришли к нам в пятницу вечером?

— Наша военная полиция велела мне не вмешиваться в расследование. Но позже я понял, что

никакого расследования не проводится… Послушайте, мы можем поговорить где-нибудь в более укромном месте?

— Все кабинеты сейчас заняты. — Инспектор выглядел сконфуженным. — Видите ли, в здании ремонт. Но можно посидеть во дворе.

Выйдя, мы опустились на скамейку, я предложил Бауэру сигарету и подробно изложил события той ночи.

— Итак, — подытожил инспектор, — когда вы вернулись на место преступления с… с этими людьми, тела уже не было?

— Вероятно, его кто-то унес.

— Или, вопреки вашему впечатлению, девушка на самом деле была жива и ушла сама.

— Я на сто процентов уверен, что она была мертва.

Он достал из кармана ручку с блокнотом на спирали и записал адрес Марии и приметы убитой.

— Так, а теперь расскажите о мужчине, который написал адрес на витрине: как он выглядел, во что был одет, все, что вспомните. Где именно вы его видели?

— Я сидел в кафе… забыл название. Около парикмахерской.

— Их в тех местах не так уж много, мы ее непре-

менно отыщем. Теперь попытайтесь вспомнить место происшествия: вы заметили следы борьбы? Перевернутые предметы мебели или пятна крови на полу? На руках жертвы были раны, говорящие о самозащите? Я пытаюсь установить: девушку убили там, где вы ее нашли, или перенесли туда после совершения преступления.

— Она была жестоко избита и почти наверняка изнасилована. Я не эксперт, но мне показалось, что ее убили в другом месте. Думаю, преступник затащил тело в дом и скрылся.

— Вероятно, он воспользовался тем, что хозяева забыли запереть входную дверь, и спрятал тело.

— И еще кое-что.

— Что?

— Я заметил у нее на ступнях белую краску.

— Краску?

— На мой взгляд, это та же самая краска, которую русские использовали накануне, чтобы нанести демаркационную линию своего сектора.

— С чего вы так решили?

— Краска была флуоресцентной — полагаю, не самая распространенная в округе. А значит, девушка, вероятно, босиком пересекла границу советского сектора и нашего.

— Эта линия находится по меньшей мере в по-

лучасе ходьбы от указанного вами адреса. Жертве пришлось бы преодолеть босиком довольно большое расстояние.

— Верно.

— Что ж, на данный момент у нас руки связаны. — Инспектор убрал блокнот с ручкой в карман. — Можно попытаться разыскать мужчину, который написал адрес на витрине. Он либо стал свидетелем преступления, либо сам убийца. Разумеется, с таким же успехом можно искать иголку в стоге сена. Однако без тела не получится официально начать расследование.

— У вас есть свидетель — я. И вероятно, кто-то заявил о пропаже девушки.

— Вы хоть представляете, сколько у нас сейчас открытых дел о пропавших без вести? Позвольте вас просветить: больше двух тысяч. Сотня прямо здесь, в Кройцберге. Люди постоянно на улицах, пытаются подзаработать, чтобы выжить. А у нас в участке всего шесть сыщиков и одиннадцать силовиков.

— Вовсе не обязательно расследовать каждое дело о пропаже, только те, в которых фигурируют девушки, пропавшие за последние три дня. Если вы покажете мне их фотографии, возможно, я опознаю убитую.

Инспектор внимательно посмотрел мне в глаза.

— Почему вы так заинтересованы в этом деле, герр Хубер? Пишете статью?

— Нет, я приехал в страну, чтобы взять интервью у американского офицера.

— Ясно. Что ж, извините, только мы не можем действовать исключительно на основании вашей истории, к тому же, на мой взгляд, не вполне содержательной. Даже ваше описание пьяницы, который написал адрес на стекле, довольно расплывчато. Но все равно спасибо, что пришли к нам и сообщили о случившемся.

Я предложил инспектору еще одну сигарету, и мы курили в молчании, дрожа от холода и пытаясь оценить друг друга. На Бауэре был галстук и безукоризненно чистый, отглаженный костюм, однако воротничок и манжеты белой рубашки пожелтели, а подошвы черных ботинок истерлись до толщины бумаги.

— Инспектор Бауэр, вы производите впечатление честного человека, который душой болеет за свою работу, — начал я.

— Спасибо, — кивнул он. — Разумеется, ведь мне за это платят.

— Тогда давайте вместе поищем девушку по

описанию среди пропавших без вести за последние несколько дней. Прошу вас. Хотя бы это вы можете сделать. Если мы ее не найдем, вы меня больше никогда не увидите. Обещаю.

Долгое время он просто смотрел на меня, словно пытаясь прочесть мои мысли, и наконец ответил:

— Хорошо. За углом есть закусочная «У Герберта». Ждите меня там через десять минут.

Закусочная располагалась на первом этаже трехэтажного исторического здания, фасад которого испещряли пулевые отверстия. Когда я вошел, посетители одновременно замолчали и уставились на меня. На всех были рабочие комбинезоны и ботинки, забрызганные побелкой.

Я заказал чашку чая.

— Извините, чай закончился, — ответил официант.

— А что у вас есть?

— Только шнапс.

— Давайте.

Взяв напиток, я сел за столик и выглянул в окно. В дверь просунулась голова мальчишки: паренек предложил купить газету, но вскоре исчез несолоно хлебавши. Официант включил радио за стойкой, и работники обратились в слух.

У шнапса был такой привкус, будто во время перегонки кто-то уронил в чан грязные носки.

Инспектор появился ровно через десять минут и придвинул к моему месту стул. Отклонив предложение выпить, положил на стол синюю папку.

— В этом районе числятся пропавшими две девушки, подходящие под ваше описание. Я покажу вам их фотографии. Пожалуйста, посмотрите внимательно.

Он протянул мне два маленьких снимка, и я изучил каждый по очереди.

— Нет, ни одна не похожа.

— Точно?

— Совершенно точно. Она была моложе. И, как я уже упоминал, с родинкой на правой щеке.

Бауэр вернул фотографии в папку.

— Что ж. Сейчас я покажу вам еще одну. О пропаже этой девушки вчера днем заявила французская военная администрация Большого Берлина. Штаб-квартира французов находится в районе Фронау. Он не в нашей юрисдикции, но о пропавшей сообщили сюда, поскольку она проживала в Кройцберге. В понедельник утром девушка не явилась на работу, а соседка по квартире утверждает, что не видела ее с пятницы, поэтому в итоге завели дело.

Он показал мне снимок, и я сразу узнал девушку, хотя на фотографии у нее были короче волосы, а лицо, смотревшее в камеру, разительно отличалось от маски боли и ужаса, увиденной мной в тот роковой вечер.

— Да, это она. Точно! Видите вот тут родинку? Это она.

— Вы уверены, герр Хубер? Было поздно и, вероятно, темно.

Я едва не выпалил о сделанных мною фотографиях, однако они все еще находились в проявочной.

— Инспектор, — вернув снимок, начал я, — понимаю ваше недоверие, но у меня нет сомнений: той ночью я видел тело этой девушки, и я готов подтвердить свои слова официально. Как ее зовут?

Бауэр убрал фотографию в папку, затем достал из кармана блокнот и начал листать странички.

— Амалия Шульц, двадцать один год. Как я и сказал, она работает во французской военной администрации — машинисткой, в отделе подполковника Анри Мориса Жозефа Дюплесси. Мы уже допросили женщину, которая с ней живет.

— У нее есть родители или другие родственники?

— Она не местная. Приехала из Штутгарта два года назад, чтобы ухаживать за больной тетей со стороны отца. Несколько месяцев спустя ее родителей и сестру арестовали и отправили в Дахау. Никто из них не выжил.

— За что их арестовали?

— Я не располагаю точными сведениями о причинах ареста. Могу предположить, что они укрывали беглеца или что-то в этом роде. Тетя фройляйн Шульц умерла в августе, и девушка решила остаться в городе, поскольку нашла работу машинистки. Она сдавала вторую спальню в доме женщине из того же отдела. Как я уже говорил, в последний раз Шульц видели, когда она уходила с работы в пятницу, около шести часов вечера.

— Она была совершенно голой и, верно, преодолела босиком довольно большое расстояние, прежде чем ее убили.

Бауэр достал из кармана ручку и набросал что-то в блокноте, затем пододвинул ко мне: на листке была примерная схема Берлина, расчерченная на четыре сектора союзников.

— Место работы Шульц здесь, во французском секторе, — начал он. — По словам коллег, она ушла примерно в шесть. Итак, если она отправилась в Кройцберг на велосипеде и выбрала

кратчайший маршрут, то должна была въехать в советский сектор вот тут, а затем здесь — в американский. На дорогу ушло бы не меньше часа. Однако вы нашли ее тело тут, примерно в половине одиннадцатого, спустя четыре часа.

— Американскую границу она пересекла босиком, а значит, велосипеда у нее больше не было, и, скорее всего, к тому времени она уже довольно долго шла.

— Возможно.

— Вы сказали, что ее соседка работает в том же отделе. Почему они не ушли вместе?

— Хороший вопрос. Однако теперь, герр Хубер, раз уж мы оба здесь, я хотел бы поговорить о вас, если не возражаете.

— Зовите меня Джейкобом. Что вы хотите знать?

— Я обратил внимание, что вы то и дело поглядываете на часы. Привычка такая или вы куда-то спешите?

— В самом деле? Даже не замечал.

— Я вас об этом спрашиваю, потому что вы очень точно помните, во сколько тот пьяница написал на витрине адрес.

— Да. Было десять часов и четыре минуты.

— Что вы там делали в столь позднее время?

— Как я уже сказал, ждал американского офицера, у которого мне необходимо взять интервью.

— Во сколько вы должны были с ним увидеться?

— В девять часов. Он так и не явился, но я решил подождать.

— Это он предложил место встречи?

— Да.

— Как его зовут?

— Белфорд. Майор Глен Белфорд. Почему вы спрашиваете?

— Чтобы установить хронологию. Вероятно, вы обнаружили тело, скажем, в двадцать минут одиннадцатого.

— Да, именно так. После того как я покинул кафе, ушло минут пятнадцать на то, чтобы найти нужный адрес.

— Ясно. Также вы упомянули, что девочка, Лиза, видела тело внизу часом ранее, то есть в девять — девять тридцать.

— Так она сказала. У нее на столе есть часы, я их помню, только не уверен, что девочка умеет определять время. Ей всего пять.

— И еще кое-что: вы отправились по адресу сразу же после того, как пьяница пальцем написал его на витрине.

— Все верно.

— Почему же вы ввязались в эту историю, а не продолжили ждать майора, с которым должны были встретиться в кафе?

— Я решил, что он играет со мной в кошки-мышки.

— В кошки-мышки? Как вас понимать?

— Сперва я подумал, что кто-то, возможно Белфорд, послал этого парня написать адрес специально для меня.

— Но он был не для вас?

— Наверняка нет. Скорее всего, случайное стечение обстоятельств.

— Или же этот пьяница знал, кто вы такой. Знал, что вы журналист, и нашел способ сообщить об убийстве обходным путем, не обращаясь к вам лично.

— Не думаю. Он походил на настоящего бродягу. Кроме того, здесь я стараюсь не привлекать к себе внимания.

Инспектор убрал блокнот с ручкой в карман и наклонился ко мне через стол.

— Герр Хубер, в вашей стране у вас когда-нибудь были неприятности с полицией?

— Какого рода неприятности?

— Всякого рода. Вы меня понимаете.

— Нет, не было. Почему вы спрашиваете?

— Появившийся из ниоткуда пьяница пишет пальцем адрес на грязном стекле витрины. Не раздумывая ни мгновения, вы направляетесь туда, и вот те раз! — находите тело девушки, убитой часом ранее. Более того, этот самый пьянчуга шатается по улицам во время комендантского часа, каким-то чудом не попадаясь полицейским и военным патрулям. Вы журналист, герр Хубер. Поставьте себя на мое место. Разве вы не отнеслись бы к этой истории с долей недоверия?

— Зачем мне врать? Я же сам к вам пришел. Мог просто промолчать об увиденном, но не стал. И я узнал девушку на фотографии.

— По моему опыту, обычно люди лгут по двум причинам: надеются что-то выгадать или из страха.

Меня ошеломила перемена в его отношении ко мне.

— И та и другая причина неверны. Послушайте, теперь я подозреваемый?

— Скажите, герр Хубер, вы когда-нибудь встречались с фройляйн Шульц? При каких-либо обстоятельствах? Например, когда при исполнении журналистских обязанностей посещали французскую администрацию?

— Нет, не встречался и не посещал. Я даже не знаю, где находится французская администрация. На что вы намекаете?

— Вот что нам пока известно: Амалия Шульц исчезла в пятницу вечером, и, похоже, вы об этом что-то знаете. Как она исчезла и действительно ли вы видели ее труп — пока что вопросы без ответа.

— Ее также видела девочка.

— По вашим словам, она утверждает обратное.

— Полагаю, Лиза солгала, испугавшись присутствия стольких чужаков у себя дома посреди ночи.

— Что ж, хорошего вам дня и спасибо за помощь. Надеюсь, вы не планируете уезжать из Берлина в ближайшее время.

— Вероятно, через две недели, но дело-то в другом! Разве вам не полагается взять у меня официальные показания или нечто подобное?

— На этом пока все. При необходимости я с вами свяжусь. И сообщите, если смените квартиру.

Он взял папку и встал.

— Можете дать мне адрес соседки Шульц? — попросил я. — Хотел бы с ней поговорить.

— Это еще зачем? Вы вроде как не собираетесь писать статью о произошедшем.

— Не собираюсь, но…

Инспектор вновь пожелал мне хорошего дня и был таков.

Едва он ушел, я заплатил за шнапс и, обдумывая наш разговор, отправился обратно в аптеку. Теперь, когда погибшая перестала быть просто девушкой, а получила имя, которое можно привязать к воспоминанию о ней, события той ночи обрели в памяти еще большую четкость. Но в конечном счете инспектор был прав: пусть я и доверял своим глазам, весь мой рассказ не только вызывал сомнения, но и ставил меня в довольно неудобное положение.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, я повернулся и увидел мальчишку в серой суконной курточке, с уродливым красным шрамом поперек лица. Я уже заметил ребенка ранее — в автобусе по дороге из аптеки в полицейский участок. Мальчик остановился одновременно со мной, внезапно заинтересовавшись товарами в витрине магазина. А едва я продолжил путь, пустился следом. Тогда я развернулся и подошел прямо к нему.

— Кто ты такой? Почему следишь за мной? — спросил я по-немецки.

Пустой правый рукав его куртки крепился к

карману английской булавкой. Преследователь молча ухмыльнулся.

— Уходи!

— Не могу, — возразил мальчишка. — Я ей пообещал.

— Пообещал следить за мной? Кому?

Он подмигнул и приложил к губам указательный палец, дрожа от холода.

— Это тайна.

— Иди домой. Ты замерзнешь насмерть.

— Я гораздо крепче, чем вам кажется! — запротестовал он и вдруг пустился в пляс на негнущихся ногах, быстро притоптывая поношенными ботинками. — Видите? А?

Прохожие покосились на нас, и я велел мальчишке остановиться. На пару мгновений он застыл, потом подтер сопли рукавом.

— Сколько она тебе заплатила?

— Нисколько. — Он закатил глаза. — Она обо мне заботится.

Я достал бумажник и вытащил купюру.

— Будет твоей, если оставишь меня в покое и вернешься домой.

Он сплюнул на тротуар и вновь вытер нос.

— Давай, бери, — настаивал я.

Не проронив ни слова, мальчик взял деньги,

перешел через улицу и исчез из виду.

Когда я добрался до аптеки, она оказалась заперта, поэтому пришлось постучать в витрину. Вскоре дверь приоткрылась, фармацевт хмуро уставился на меня сквозь образовавшуюся щель.

— Вы опоздали.

— Знаю, простите.

— Говорите, вы журналист? Можно взглянуть на ваше удостоверение?

Я достал из бумажника документ и показал ему. Он помешкал, затем открыл дверь и впустил меня.

— Настоящее? Удостоверение то бишь.

— Конечно подлинное. Вы проявили фотографии?

— Проявил. — Он прокашлялся. — Она мертвая, да? Женщина на снимках.

— Да, они сделаны на месте преступления.

— Вы же понимаете, что мне придется доложить о них в полицию?

— Если вы намерены меня шантажировать, не тратьте время попусту. Я уже сообщил в полицию. Поэтому и опоздал.

Уголки губ мужчины опустились, он выглядел разочарованным.

— Я всерьез обеспокоен, — надменно заявил

аптекарь.

— Послушайте, я устал и хочу домой. Просто отдайте мне фотографии, за проявку которых вы получили плату, и займитесь своими делами.

— Как грубо.

— Пожалуй.

— Я мог бы сказать, что пленка испорчена, и оставить фотографии себе.

— Могли бы, да, но тогда у вас возникли бы неприятности.

Он исчез в глубине магазина и вернулся с большим коричневым конвертом, который вручил мне.

— Негативы внутри.

— Надеюсь, вы не сделали копий.

— Все равно надо бы позвонить в полицию, — пробормотал аптекарь, прежде чем захлопнуть у меня перед носом дверь.

Я вернулся домой в холодном поту. Умываясь в кухонной раковине, поймал в зеркале свое отражение. Глаза ввалились, их обрамляли темные отечные круги: мое лицо стало походить на все те, что встречались мне последние три недели. Я принял таблетку аспирина, накинул на себя одеяло и вскрыл конверт.

Фотографии оказались сильно размытыми и

зернистыми, я едва различил тело на полу. Более того, не обнаружилось никаких фрагментов коридора или деталей, позволивших бы привязать карточки к конкретной дате, — фотографии могли быть сделаны где и когда угодно. Но всяко лучше, чем ничего: пусть и нечеткие, снимки все же доказывали, что увиденный мной той ночью труп существовал на самом деле. Изучив фотографии внимательнее, я заключил, что следует поискать другую проявочную, где изображения можно увеличить и сделать черты лица жертвы более четкими. Я положил фотографии обратно в конверт, который спрятал под шкафчик на кухне, негативы же сунул под матрас, после чего почти мгновенно заснул.

4

Проснулся я в восемь вечера, надел чистую рубашку и отправился на трамвае в Митте. Сразу за границей советского сектора меня остановил патруль и, взглянув на документы, без вопросов отпустил.

Клуб располагался на бульваре, освещенном двумя рядами изящных фонарей из кованого железа. Поврежденные во время войны здания успели полностью снести, а завалы — расчистить.

В гардеробе мне выдали номерок, и метрдотель провел меня через высокие белые двери в просторный зал с паркетом и тяжелыми хрустальными люстрами. На паркете виднелись пятна и черные разводы, а в люстре недоставало лампочек, тем не менее помещение производило почти сюрреалистичное впечатление роскоши. Огромная столовая, как и все подобные заведения в Берлине, была заполнена военными в форме, которые сидели за столиками или у барной стойки в сопровождении юных дам.

Оглядев зал и не обнаружив Белфорда, я уселся

на свободный табурет и приготовился ждать. Музыка небольшого джазового оркестра перекрывала громкий гул десятков голосов, и, заказывая напиток, мне пришлось почти кричать, чтобы бармен расслышал слова сквозь общий шум.

Я вновь и вновь обдумывал свою беседу с Бауэром. Беспощадность, с которой лишили жизни юную Амалию Шульц. Тайна ее пропавшей одежды и долгого пути из Фронау в Кройцберг. Загадка адреса, написанного на витрине парикмахерской пьяницей, который, возможно, стал свидетелем убийства или даже сам его совершил. Мое внезапное решение отправиться по адресу, где за несколько минут до меня побывал убийца. Заявление Лизы о том, что она не видела никого в коридоре, полностью противоречащее сказанному мне ранее. Каждая деталь являлась кусочком мозаики, и пока что я не имел ни малейшего представления, как выглядит картинка целиком.

К бару подошел официант, спросил мое имя и пригласил к столику, вероятно зарезервированному Белфордом. Пару мгновений спустя предо мной вырос бритоголовый громила в сером костюме, поздоровался и без приглашения сел напротив.

На вид ему было лет сорок пять, он походил на

борца, способного без труда свернуть противнику шею. Крупное лицо с выступающими скулами и немного раскосыми глазами-бусинками напомнило мне Уолтера Грасса, моего неприветливого соседа из детства, один вид которого внушал страх всем в округе. Поговаривали, что он состоял в банде Пулеметчика Келли[10], однако я так и не узнал, правда ли это. В конце концов Грасс просто исчез, и больше о нем не было ни слуху ни духу.

— Как поживаете? — спросил мужчина по-немецки, подмигнув мне. — Надеюсь, у вас все нормально?

Я был уверен, что он обознался.

— Извините, но мы незнакомы. Если я ошибся столиком…

— Я полковник Тюльпанов. Тищенко — один из моих людей.

— Послушайте, я кое-кого жду…

— Знаю, знаю. Белфорд не придет. Вас сюда пригласил я.

— Что?

— Извините, что пришлось прибегнуть к столь низкой уловке, просто уж очень мне хотелось встретиться с вами лично и перекинуться парой

---

[10] Примечания: 10

Пулеметчик Келли — прозвище Джорджа Келли Барнса (1895–1954), американского гангстера времен сухого закона.

слов. Что вы пьете?

— Джин с тоником.

— Швейцария среди напитков. Благоразумный, непритязательный, не дешевый, не дорогой — само воплощение нейтралитета. Но за нейтралитет всегда приходится расплачиваться. Допивайте скорее свой джин с тоником, пришло время шампанского.

— Почему вы пригласили меня именно сюда? — спросил я, стараясь говорить вежливо.

— Во-первых, тут приятно. Вероятно, это лучший клуб в Берлине. Оглянитесь.

— Вы не ответили на вопрос.

— Во-вторых, нет гарантии, что ваши люди не прослушивают вашу квартиру, — продолжал он.

— Мои люди обеспокоены, что ваши люди делают то же самое. Но вероятно, никто из вас об этом и не помышлял. Не такая уж я важная птица.

Полковник казался искренне удивленным.

— Зачем нам вас прослушивать?

— Не знаю. Как не знаю и того, зачем вы упомянули мое имя в своей газете.

— Тищенко счел, что ваши люди замнут ту историю, если не предать ее огласке.

— Замнут? С чего бы?

— Что ж, поэтому-то вы сейчас здесь: найти

ответы на такие вопросы.

Официант принес шампанское, открыл бутылку и наполнил наши бокалы.

— Простите, полковник, но я ухожу. Приятного вам вечера.

Я схватил свою сумку и уже собирался встать, когда он сказал:

— Девушка, чье тело вы нашли… Ее звали Амалия Шульц.

— Знаю. Я беседовал с полицией. На данный момент она числится пропавшей без вести.

— Видите мужчину вон там? — Тюльпанов кивнул в сторону одного из столиков, и вновь мне подмигнул. — Его зовут Дюплесси. Подполковник Дюплесси. Амалия Шульц работала в его отделе во французской военной администрации.

Мужчина лет пятидесяти пяти сидел в компании двух девушек в рыжих париках, которые, казалось, изо всех сил старались его развлечь. Не нужно было иметь острый глаз, чтобы заметить его нетрезвое состояние.

— Продолжайте, — кивнул я.

— Что же у нас шампанское пропадает зря? Между прочим, лучшее в этом городе. Вы знали, что во время войны шампанское в Германии продавали дешевле минеральной воды? Представьте

себе! Курс обмена между французским франком и немецкой маркой был необычайно выгодным для рейха, поэтому немцы могли импортировать из Франции все, что заблагорассудится, практически бесплатно. После захвата Берлина мы обнаружили припрятанные тут и там десятки тысяч бутылок этого шипучего напитка. Теперь роли поменялись, и французы оптом поставляют в Париж все, до чего могут тут дотянуться.

— Говорят, ваша сторона поступает так же.

— Да, тяжка доля проигравших. Ну же, попробуйте. Никто не пытается накачать вас наркотиками, если вы об этом беспокоитесь.

Я отпил немного, краем глаза поглядывая на столик Дюплесси.

— Так-то лучше, — одобрил Тюльпанов. — Может, перекусим?

— Я не голоден. Как вы узнали имя девушки? Говорили с полицией?

— Мне не пришлось, — ответил тот. — Да и плевать я хотел на эту кучку нацистов. Мы провели собственное расследование, и я сейчас поведаю вам такое, о чем большинство журналистов только мечтают.

— С чего бы?

— Хороший вопрос. Когда мне было шесть, я

пришел домой с леденцами, и мама спросила, кто мне их дал. Я ответил, что сосед, и она заставила меня выбросить угощение, сказав: «Прежде чем принимать от кого-то подарки, сначала узнай, чего хотят взамен». Она была права: в этой жизни бесплатный сыр только в мышеловке.

— Так чего же вы хотите взамен?

— Вот чего: возможно, однажды я окажусь в ситуации, когда мне придется напомнить вам о вашем долге.

— Я всего лишь журналист, да притом скромный.

— А вот и нет. Вы — журналист американский. И вдобавок в дружеских отношениях с человеком по имени Роберт Гарднер из Бюро разведки и исследований. Вы знаете, чем там занимаются?

— В общих чертах.

— Что ж, быть может, однажды мне нужно будет увидеться с этим товарищем, и тогда я попрошу вас без лишних вопросов организовать нам тихую встречу в тихом местечке. Договорились?

— Мы с капитаном Гарднером не друзья, поэтому не могу обещать, что он согласится.

— Знаю, но, вероятно, он тоже будет заинтересован в этой встрече. Мне нужен честный человек,

а не опытный посредник.

— Хорошо. — Я достал из кармана блокнот с ручкой. — Слушаю вас.

Тюльпанов наполнил свой бокал и поставил бутылку обратно в ведерко со льдом.

— Амалия Шульц и вон тот мерзавец были любовниками. Дюплесси с девятнадцатого года состоит в счастливом браке с Эдит, в девичестве Луввиль, у них трое детей, сын и две дочери. Старший, Анри, погиб в Дюнкерке в сороковом. В пятницу вечером достопочтенный отец семейства пригласил Шульц в ресторан под названием «Аусшпанне» в Веддинге, расположенный во французском секторе. Обычно Дюплесси возит водитель, но в тот вечер он сел за руль сам, вопреки уставу. Странно, правда? За ужином они с девушкой поссорились, после чего вместе ушли около половины восьмого. С тех пор никто не видел Амалию Шульц живой. Дюплесси — завсегдатай ресторана, а метрдотеля зовут Герхард Ульрих. Он готов дать показания о том, что видел в тот вечер. Официально девушка все еще числится пропавшей. Но вы утверждаете, что видели ее тело, а значит, она мертва.

— Зачем Дюплесси убивать Амалию?

— Еще один хороший вопрос: мотив. Что ж,

она была на третьем месяце беременности, а для такой добропорядочной католички, как она, аборт исключен. Итак, у вас есть психологическое состояние, причина и возможность. Вероятно, полиции следует разыскивать именно Дюплесси.

Я убрал блокнот в карман.

— Откуда вы все это знаете?

— Здесь каждый следит за каждым, — усмехнулся Тюльпанов. — Таковы правила игры, и мы все их знаем. Это заведение принадлежит нам, неофициально, конечно, но не сомневаюсь: кто-то по другую сторону баррикад прямо сейчас следит за нами. Дюплесси — большая шишка, поэтому не может допустить публичного скандала, который разрушит не только его брак, но и карьеру. Вот он и решил проблему.

— Вы сказали, что в ту ночь он сам сел за руль. Фройляйн Шульц была обнажена и выглядела так, словно перед смертью прошла босиком довольно большое расстояние. Это не вписывается в вашу теорию. Если бы ее убил Дюплесси, то, вероятно, в своей машине, а потом выбросил бы тело где-нибудь во французском секторе. Зачем ему ее раздевать и перевозить тело через весь советский сектор в американский, рискуя в любой момент нарваться на патруль?

Тюльпанов ударил ладонью по столу.

— Это лишь детали, всему можно подыскать объяснение! Например, Дюплесси не планировал ее убивать, а собирался лишь подвезти домой в Кройцберг, вот только ссора продолжилась в машине, и в запале он ее убил, затем раздел и бросил тело там, где его нашли вы.

— Позвольте повторить: перед гибелью она босиком прошла достаточное расстояние, чтобы разодрать кожу на ступнях. Также кто-то, скорее всего сам убийца, вернулся в дом после моего ухода и убрал тело. Не представляю, чтобы Дюплесси так поступил. На мой взгляд, ваша версия притянута за уши.

Тюльпанов откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Послушайте, я не пытаюсь составить полную картину произошедшего, а лишь предоставляю вам существенную информацию. У сидящего вон за тем столом человека был мотив, возможность и средства для убийства. Я бы назвал его главным подозреваемым. Вы — журналист, и ваша задача — заполнять пробелы. — Осушив бокал залпом, он добавил: — Примерно через пять минут наш Казанова удалится со своими потаскухами в отдельную комнату. Это дальше по коридору,

вторая дверь справа. Он повторяет один и тот же ритуал каждый вечер с самой пятницы, точный, как часы с кукушкой, с той лишь разницей, что он не выпрыгивает на пружинке и не кричит «ку-ку».

— Предлагаете мне ворваться в комнату и призвать его к ответу?

— Что вы за журналист такой? Он прямо у вас в руках: пьяный, напуганный, скомпрометированный. Воспользуйтесь своим козырем, другого вам не выпадет.

— Он говорит по-немецки? Или по-английски? Я не знаю французского.

— Он из Эльзаса[11] и отлично владеет немецким. И еще кое-что: жертва, Шульц, не была совсем уж невинной овечкой. Всю семью отправили в лагерь смерти по ее доносу. Похоже, она была осведомительницей гестапо.

— О чем она донесла?

— Семья Шульц укрывала еврейскую девочку, родню которой арестовали несколькими месяцами ранее. Больше ничего не знаю. За подробностями обращайтесь в полицию.

Тюльпанов встал и растворился в толпе. Мне

---

[11] Примечания: 11

Эльзас — область во Франции, граничащая с Германией и Швейцарией.

некогда было обдумывать его слова, поскольку Дюплесси покинул столик и теперь на нетвердых ногах пересекал зал, поддерживаемый с обеих сторон женщинами в рыжих париках. Закурив, я наблюдал за входом в коридор, однако за Дюплесси никто не последовал. Чуть позже оттуда вынырнул явно подвыпивший мужчина — во рту сигарета, рубашка цвета хаки не заправлена — и вернулся к своему столику.

У меня закружилась голова, шум в зале доносился словно из-за стены, а в ушах отдавались удары сердца. Я попросил у официанта аспирин, и тот незамедлительно принес мне таблетку вместе со стаканом воды. Возникло искушение забыть обо всем случившемся и вернуться домой, но нельзя было не признать: вероятно, мне больше не выпадет возможности поговорить с Дюплесси с глазу на глаз. Приди я во французскую администрацию, представившись репортером и попросив об интервью с ним, мне просто-напросто откажут.

Докурив сигарету, я встал. В коридоре с потолка свисал ряд красных лампочек, а стены были увешаны фотографиями обнаженных моделей в золотых рамках. Как и сказал Тюльпанов, по обеим сторонам располагались двери. Я подошел ко второй справа и постучал. Когда никто не

ответил, провернул ручку и вошел.

Комната с зеркальным потолком освещалась лишь торшером. Посередине стоял большой красный диван, на котором, скрестив руки на груди, лежал Дюплесси — судя по всему, он спал. Женщины торопливо запихивали еду со стола в наволочку, снятую с одной из диванных подушек. Едва я вошел, они застыли, словно олени в свете фар, а когда я ничего не сказал, пожали плечами и возобновили прерванное занятие. Закончив, они направились к двери, и я подвинулся, пропуская их. Женщина с большими зелеными глазами и вытянутым лицом вдруг что-то вспомнила, вернулась, взяла с ковра пачку сигарет и зажигалку, затем плюнула в сторону спящего мужчины. Наконец обе дамы выскочили в коридор и исчезли.

Я закрыл дверь. На ковре остался бумажник: отделение для наличных пустовало, однако другие казались нетронутыми. Я подвинул стул к дивану, осмотрелся в поисках пепельницы, закурил и сел. Дюплесси теперь выглядел еще старше: стали видны залысины, глубокие морщины и дряблая шея, как у индейки. На нем не было обуви, а в одном из черных носков зияла дыра. Впрочем, Дюплесси повезло: девушки не сняли с него золотое обручальное кольцо и часы.

Подполковник начал похрапывать, приоткрыв вялый рот, затем подавился слюной, что-то пробухтел по-французски и почесал подбородок.

Я затушил сигарету, поставил пепельницу на ковер и похлопал Дюплесси по плечу. Храп мгновенно оборвался, мужчина открыл глаза и озадаченно воззрился на меня:

— Où suis-je?[12]

— В «Феминине».

— Merde alors, j'ai dû m'endormir, — вздохнул он, затем встал, потянулся и провел ладонью по волосам. — Qui es-tu? Les filles, où sont-elles passées? [13]

— Извините, — отозвался я. — Я на самом деле не знаю французского. Только английский и немецкий.

— Это мой бумажник? — перешел на немецкий Дюплесси.

Я вернул вещь владельцу. Он заглянул внутрь.

— Где деньги?

— Наверное, девушки забрали. Парочка в рыжих париках, помните? Они также прихватили ваши сигареты, зажигалку и всю еду со стола.

---

[12] Примечания: 12

Где я? *(фр.)*

[13] Примечания: 13

Черт возьми, я, должно быть, я заснул. Ты кто такой? А потаскушки, куда они делись? *(фр.)*

Должно быть, они уже далеко.

— Грязные шлюхи!

Тяжело дыша, Дюплесси надел ботинки и застегнул пиджак. Я предложил ему сигарету и прикурить, он с благодарностью согласился.

— Вы так и не представились. Вы здесь работаете? Знаете этих женщин?

— Меня зовут Джейкоб Хубер, я американец. И нет, я их не знаю.

— Американец? Из какого отдела?

— Журналист из Чикаго.

Несколько мгновений он оторопело глядел на меня сквозь окутывавшее его лицо облако сигаретного дыма, пытаясь собраться с мыслями. Наконец поднялся с дивана и похлопал по карманам пиджака — я понял, что он проверяет, на месте ли небольшой пистолет. Затем он выпрямился и еще раз пригладил волосы кончиками пальцев, стараясь восстановить душевное равновесие.

— Американец.

— Да, герр Дюплесси.

Он прислонился к столу и прокашлялся.

— Вы знаете мое имя. Что вам надо?

— Мне бы хотелось кое-что с вами обсудить.

— Что?

Он заметил на столе графин с водой, наполнил стакан и залпом его осушил.

— Так-то лучше. Что вы говорили?

— Я хотел обсудить вашу сотрудницу, фройляйн Амалию Шульц.

Он жадно выпил еще воды, поставил стакан обратно на стол и глубоко вздохнул.

— Кого?

— Шульц. Амалию Шульц.

— Шульц… Она работает в моем отделе?

— Да. Машинисткой.

— Извините, не припоминаю. У нас столько девушек, что трудно всех знать по именам.

— Вы совершенно уверены?

— Совершенно.

— Сегодня утром ваш отдел подал в немецкую полицию заявление о пропаже человека.

— Она пропала?

— Именно, в пятницу. Удивительно, что вы не знали.

Дюплесси промолчал.

— Похоже, ее затравили, как животное, затем изнасиловали и убили, — добавил я.

С его лица сошла вся краска.

— Что? О чем речь? Вы сказали, она пропала.

— Официально да. Но я наткнулся на ее тело

в Кройцберге.

— Тело? То есть она мертва?

— Как я уже сказал, жестоко избита, изнасилована и задушена. И мне известно, что перед смертью она ужинала с вами в Веддинге, в ресторане под названием «Аусшпанне».

Теперь Дюплесси походил на человека, который только что стал свидетелем конца света. Он закашлялся.

— Можно еще сигаретку? — выдавил он чуть погодя.

— Разумеется.

Я встал, чтобы подать ему сигарету. Некоторое время Дюплесси курил, погрузившись в свои мысли, затем опустился на диван.

— Напомните, как вас зовут?

— Джейкоб Хубер, журналист.

— У вас есть удостоверение сотрудника прессы?

— Да.

Он едва взглянул на документ, прежде чем вернуть мне.

— Кто вам сказал, что в тот вечер фройляйн Шульц ужинала со мной?

— Какое это имеет значение? Анонимный источник. Она ведь ужинала?

— Вы нашли ее тело. Где?

— В Кройцберге.

Он молча курил, уставившись в пространство, словно совершенно позабыл обо мне.

— Что произошло той ночью, герр Дюплесси? — спросил я, и подполковник вздрогнул, едва не выронив сигарету.

— Не ваше дело. — Он встал. — Спасибо за сигареты.

— Послушайте, я понимаю, в каком неудобном положении вы оказались, поверьте, но у вас сейчас есть возможность рассказать свою версию событий.

— Для чего вы приехали в Берлин?

— По заданию газеты.

— «Старс энд страйпс»?[14]

— «Чикаго трибьюн».

— Мне больше сказать нечего. — Он взял со стола фуражку. — А теперь, если не возражаете, я бы…

— При всем уважении, вы совершаете ошибку. Предлагаю сделку: если вы не имеете никакого отношения к смерти фройляйн Шульц, то обе-

---

[14] Примечания: 14

«Старс энд страйпс» — ежедневная газета Министерства обороны США. Ориентирована на американских военнослужащих, дислоцированных за рубежом.

щаю не упоминать вашего имени. Ни слова о том, что вы вместе ужинали, или о чем-то еще. Мне лишь нужно, чтобы вы рассказали о событиях, последовавших за ужином в ресторане.

Дюплесси затушил сигарету в пепельнице.

— Стоит мне распорядиться — и ровно через десять секунд вы будете арестованы.

— Можете попробовать, но это не помешает мне написать статью. И я слышал, что мой шеф в «Трибьюн», Боб Маккормик, испытывает глубокое и стойкое отвращение к французам. И я уж молчу о его предыдущей карьере окружного прокурора. Так, может, вернемся за ваш столик, выпьем кофе и побеседуем? Пять минут — только об этом я и прошу, и потом вы меня больше не увидите.

— Каковы гарантии, что вы сдержите слово и не используете сказанное против меня?

— Никаких. Придется мне довериться. Повторяю, я лишь хочу выяснить, что произошло той ночью. Если вы не причастны к ее смерти, то вам бояться нечего.

— За кого вы меня принимаете? Я бы и пальцем не тронул ни одну женщину! Никогда!

— И я так считаю.

Внезапно он словно передумал:

— Ладно, пойдемте. Мне не помешает выпить чашечку кофе.

— Замечательно.

Мы вернулись в зал, где прибавилось народу, и сели за его столик. Казалось, все в помещении говорили одновременно, заглушая музыку. Дюплесси заказал две чашки кофе и повернулся ко мне.

— Ну же, спрашивайте, что хотите узнать. Разумеется, мои ответы не для печати.

К нему вернулось самообладание, взгляд стал ясным и внимательным, немецкий — безупречным, почти без акцента.

— Не поймите меня превратно, но разве приглашать на ужин простых машинисток — обычное дело для таких высокопоставленных офицеров, как вы?

— Справедливо. Хорошо, признаю, пару раз я приглашал фройляйн Шульц на ужин. Я питал к ней слабость. У меня две дочери примерно ее возраста, и всякий раз при виде страданий этих людей я думаю о том, что на их месте могла оказаться моя собственная дочь.

Официант принес кофе. Дюплесси насыпал в свою чашку сахара, взял ложку и размешал. Подошел молодой человек в форме, положил на

стол пачку сигарет с зажигалкой, затем вернулся на свое место у барной стойки.

— Мой шофер, — объяснил Дюплесси.

— Который был за рулем в ту ночь?

Он открыл пачку сигарет, вытащил одну и закурил.

— Нет. Он плохо себя чувствовал. Я дал ему отгул и сел за руль сам.

— Расскажите, что произошло после того, как вы ушли из ресторана.

— Я подвез фройляйн Шульц домой, а затем вернулся в свою резиденцию в Веддинге. В понедельник утром она не явилась на работу, чего прежде не случалось, поэтому я послал к ней домой, чтобы выяснить, в чем дело. Поскольку ее нигде не нашли, позже в тот же день отдел подал заявление о пропаже.

Отхлебнув кофе, я вытер лицо носовым платком, потный с головы до пят. Каждая затяжка ощущалась в легких, как удар кулака.

— Вы плохо себя чувствуете? — поинтересовался Дюплесси. — Вы весьма бледны.

— Все в порядке. Итак, вы покинули ресторан примерно в половине восьмого и повезли Шульц домой в Кройцберг.

— Верно.

— Значит, приехали вы туда, скажем, в восемь — восемь двадцать.

— Пожалуй.

— И что сделали после?

— Как я уже сказал, вернулся в Веддинг.

— Герр Дюплесси, дело в том, что перед нападением и последующим убийством фройляйн Шульц босиком прошла достаточно большое расстояние, отчего в кровь ободрала ступни. Вы видели, как она входит в здание, когда ее высадили?

— Не помню. Возможно, она отправилась куда-то еще после того, как мы распрощались.

— Одна, во время комендантского часа? Скажите, по дороге вас не останавливали советские патрули? Вы дважды пересекли советский сектор — сначала по дороге в Кройцберг, а затем на обратном пути в Веддинг.

— Не останавливали.

Я вспомнил слова Тюльпанова в конце нашего разговора и карту, которую набросал в своем блокноте Бауэр.

— Можете назвать ее адрес?

— Ее адрес?

— Да. Хотя бы улицу. Я хотел поговорить с ее соседкой.

Он повертел в руках зажигалку и ответил:

— Почему бы вам не спросить в полиции?

Моя догадка оказалась верной.

— Вы не знаете адреса Шульц, потому что не подвозили ее домой ни в тот вечер, ни в любой другой. Вам даже неизвестно, где она жила. Вот почему девушке пришлось идти пешком. Она поехала с вами, только вы не довезли ее до дома, а высадили в другом месте. Почему? Что случилось?

— На что вы намекаете?

— Я просто пытаюсь сопоставить факты. Если бы вы отвезли ее прямо в Кройцберг, она была бы дома к половине девятого. Но час спустя ее убили в том же округе.

Дюплесси вздохнул.

— Ладно, теперь вспомнил. Мы направлялись ко мне, но поссорились, и она попросила отвезти ее домой. А потом передумала и сказала, что пройдет остаток пути пешком. Я ее высадил и поехал к себе один. Вот вам правда.

— И где вы ее высадили?

— Точно не скажу. Кажется, в Митте. Примерно через двадцать минут после того, как мы отъехали от ресторана.

— В советском секторе?

— Да.

— Из-за чего вы поссорились?

— Из-за пустяка.

— Мой источник сообщил, что она была беременна.

Мои слова застали Дюплесси врасплох, и он отпрянул так, будто его ударили в живот. Затем нащупал на столе пачку сигарет, зажег одну и глубоко затянулся. Деловая маска, которую он так тщательно натягивал на лицо, теперь растаяла без следа, и гордый старший офицер, сидевший напротив меня мгновение назад, превратился в испуганного, растерянного старика.

— Она ведь была беременна? — спросил я.

Он медленно курил, теребя в руке зажигалку и не поднимая головы.

— Ты всегда поступаешь так, как от тебя ждут, — начал он так тихо, что я едва разобрал слова. — Мечтаешь стать архитектором, но идешь в военное училище по стопам отца и деда. Женишься, любишь жену и детей и заботишься о них, несмотря ни на что. Ты отдаешь долг стране и участвуешь в двух войнах. А потом совершаешь ошибку, одну малюсенькую ошибку, и все рушится. Несправедливо.

— При всем уважении, но вы соблазнили де-

вушку, которая годится вам в дочери, она от вас забеременела, и вместо того, чтобы отвезти ее домой в целости и сохранности, вы бросили ее посреди ночи в советском секторе. Я бы не назвал это малюсенькой ошибкой. Она хоть что-нибудь для вас значила?

Дюплесси поднял голову и заглянул мне прямо в глаза.

— Для мужчины моего возраста нелепо влюбляться в юную девушку, но да… пожалуй, я был в нее влюблен. В тот вечер я правда собирался отвезти ее домой, но мы поссорились, я остановил машину и велел ей выйти. Я выпил и не понимал, насколько уже поздно и как далеко мы от ее дома. Но я пальцем ее не тронул. Вы сказали, что нашли ее тело. Где оно сейчас? В морге?

— Неизвестно. Когда я пошел искать телефон, ее унесли.

Он уставился на меня:

— Унесли?

— Да. Когда я вернулся, ее уже не было.

— Ничего не понимаю. Кто-нибудь еще видел тело?

— Похоже, только я.

— Только вы?

— Да.

— Отчего вы так уверены, что она была мертва?

— Меня все об этом спрашивают. Я абсолютно уверен, герр Дюплесси. Полицейский инспектор по имени Рудольф Бауэр начал расследование.

— Бауэр?

— Да, инспектор Рудольф Бауэр.

Дюплесси подозвал официанта, который тут же подошел к нашему столику.

— У вас есть кальвадос?

— Да, конечно. Оригинальный французский.

— Принесите два. И порции побольше.

Когда официант поспешил за заказом, я спросил:

— Вам не кажется, что вы уже достаточно выпили?

Он ухмыльнулся:

— Не надо задирать передо мной нос, герр журналист! Вы и представить себе не можете, что я видел и что слышал… Две недели назад одна порядочная, культурная женщина предложила мне секс втроем с ней и ее шестнадцатилетней дочерью взамен на продовольственную карточку более высокой категории. Знаете, что я ответил?

— Послушайте…

— Я отклонил ее предложение и тем не менее

выдал продовольственную карточку получше. Я не грязный старик, каковым вы меня, кажется, считаете. Мне осточертело смотреть, как хорошие и порядочные люди за корку хлеба продают душу. Больше всего на свете мне хочется уехать отсюда и вернуться на родину. А может, вы лжете и Амалия все еще жива?

Официант принес кальвадос, и Дюплесси залпом выпил свой. Подошел шофер и что-то прошептал начальнику на ухо, недобро уставившись на меня. Дюплесси встал из-за стола, надел фуражку и, не сказав ни слова, вышел в сопровождении шофера.

Я попросил официанта принести еще аспирина и счет.

— Все оплачено, герр, — ответил тот. — Вас с удалившимся господином угощает сегодня вечером полковник Тюльпанов.

— Он еще здесь?

— Нет, ушел полчаса назад. Сейчас принесу аспирин.

Приняв таблетку и выкурив очередную сигарету, я направился в раздевалку и отдал гардеробщице номерок. Тут меня похлопали по плечу. Это был Джонатан Лейтон, пожилой корреспондент британского информагентства Рейтер, мы с ним

пересекались в первую неделю моего пребывания в Берлине. Он поздоровался и спросил о моем самочувствии.

— Бывало и получше, — ответил я. — Кажется, подцепил грипп или что-то в этом духе.

Девушка-гардеробщица принесла мою верхнюю одежду, и Лейтон вручил ей собственный номерок.

— Вам бы обзавестись пальто потеплее. На улице чертовски холодно. — Он дважды или трижды обмотал шею длинным шарфом. — Вас подвезти? Благодаря полковнику Селли у меня теперь есть машина. Наши парни из разведывательного отдела довольны моей работой и решили мне подсобить. Правда, насчет бензина приходится хлопотать самому.

— Буду рад, спасибо.

Машина стояла недалеко от клуба, но к тому времени, как мы сели в нее, я уже дрожал от холода.

— Тут есть сигареты, угощайтесь. — Лейтон открыл бардачок. — Сам я курю только сигары, но удивительно, как быстро сигареты здесь развязывают язык.

Я закурил, пытаясь придумать тему для беседы, пока машина пробиралась сквозь ночь, а искале-

ченный город стенал в студеной тьме.

— Видел, вы разговаривали с полковником Тюльпановым, — нарушил молчание Лейтон. — Впервые я с ним столкнулся в прошлом году, когда возобновились оперные концерты. Он один из сотрудников советской разведки.

— Знаю.

— Извините за любопытство, но что ему понадобилось от вас?

Я устал повторять одну и ту же историю, поэтому сказал лишь:

— Даже не знаю.

— Будьте с ним настороже.

— Обязательно, спасибо.

— К слову о Тюльпанове, Гарднере, Селли… Ветераны разведки склонны к паранойе. Иногда они направляют стволы друг на друга и палят без предупреждения. Мне бы не хотелось, чтобы вы попали под перекрестный огонь.

— Не волнуйтесь, не попаду.

— Позвольте привести пример. В прошлом году, когда наши ребята пересекли границу Германии в Рейнской области, эти умники из разведки втемяшили им в голову, что за каждым кустом скрывается оборотень.

— Кто-кто?

— Оборотень. Вы не ослышались. Итак, по данным нашей разведки, оборотни — это фанатичные молодые нацисты, подростки или даже дети, которым промыли мозги, и теперь они готовы пожертвовать жизнью, чтобы отомстить за смерть дорогого фюрера. По правде говоря, нам еще ни один не повстречался. Но итогом волны паники из-за оборотней стало то, что наши войска относились к бедным голодающим детям, прятавшимся в руинах, как к смертельным врагам, вместо того чтобы им помочь. Той зимой от голода и холода погибло множество детей, которых можно было бы спасти, и все из-за паранойи. Мы с моим другом по фамилии Голланц написали об этом несколько статей, пытались привести наших парней в чувство, вот только слишком поздно.

— Очень жаль. А вот и мой дом.

Лейтон остановился перед входом. На улице стояла ржавая металлическая бочка, в которой горел костер, вокруг в ночи очерчивались силуэты людей. Я уже собирался выйти из машины, когда Лейтон спросил:

— Вы слышали об ученом по имени Вернер Гейзенберг?

— Нет.

— Это немецкий физик-теоретик, он вывел уравнения, на которых основана квантовая механика. Примечательно, что тогда ему было всего двадцать пять лет. Иными словами, он был в некотором роде гением, как Эйнштейн. В общем, говорят, что эта идея зародилась у него однажды ночью, когда он прогуливался по парку за Институтом физики в Копенгагене. Вокруг царила кромешная тьма, только на земле виднелись пятна света, отбрасываемые уличными фонарями. Гейзенберг увидел, как в таком пятне внезапно появилась фигура человека. Затем фигура исчезла в ночи, возникла в следующем пятне, мгновение спустя исчезла вновь и так далее. Он подумал: ночной странник на самом деле не исчезает и не появляется, поскольку в материальном мире крупные твердые объекты, такие как человеческие тела, не могут просто так появляться из ниоткуда или растворяться в воздухе. Но что насчет бесконечно малых частиц, таких как электроны? Вдруг они способны исчезать, а затем возникать в другом месте? Что, если в промежутке между взаимодействием с двумя объектами частица на самом деле не находится нигде? Возможно, электроны проявляются, только когда с чем-то взаимодействуют: когда сталкиваются с

другой частицей, как тот гуляющий по парку человек, который стал виден только при контакте со светом, а, шагнув во тьму, казалось, перестал существовать? Это навело Гейзенберга на мысль, что электроны «существуют» только при взаимодействии, материализуясь в определенном месте при столкновении с чем-либо. Этот принцип теперь называют «реляционным аспектом материи».

Я терпеливо слушал, смотря на людей вокруг костра, и, когда он закончил, спросил:

— К чему вы клоните?

Лейтон указал вперед:

— Если вы оглянетесь вокруг, то увидите лишь пятна света, отбрасываемые уличными фонарями, пережившими войну. Однако каждое пятно отделено от другого морем тьмы, и оно день ото дня расширяется. Люди, подобные Тюльпанову, Селли и вашему другу Гарднеру, привыкли видеть только тьму, и для них она порой важнее, чем пятна света, в которых существуют такие, как мы с вами. Не знаю, что привело вас в этот город, но не позволяйте затянуть себя к ним во тьму ни при каких обстоятельствах.

— Можно задать вам вопрос? — Я закурил еще одну сигарету.

— Пожалуйста.

— Что выиграет Тюльпанов, если сумеет скомпрометировать высокопоставленного военного французской администрации?

Долгое время Лейтон молча глядел на меня.

— Любопытно, — сказал он наконец. — Не уверен, что могу дать правильный ответ, но, если русские сейчас пытаются скомпрометировать высшие чины, это может быть как-то связано с конференцией, которая состоится в Париже через две недели.

— Как?

— Что ж, Франция всегда собиралась после войны откусить промышленные районы Германии и завладеть их ресурсами. С этой целью весь год французы разыгрывают в протекторате Саар роль дружелюбного оккупанта — располагают к себе местных, чтобы в нужный момент все выглядело так, словно саарцы не только готовы смириться с мирным отделением от родины, но даже того требуют. Именно эту позицию они намерены продавливать в Париже. Очевидно, Советы категорически против, а американцы готовы поддержать французов и пытаются убедить нас последовать своему примеру. Крупный скандал с участием высокопоставленного французского

военного поставит в крайне неловкое положение две стороны, которые поддержат требования Франции о расширении своего протектората. Почему вы спрашиваете?

— Тюльпанов кое-что рассказал мне о французском подполковнике.

— Это связано с вымогательством? У всех тут рыльце в пушку.

— Нет, у него роман с одной из его немецких машинисток.

— Большинство военных завели себе здесь любовниц, — пожал плечами Лейтон. — Вряд ли это вызовет крупный дипломатический скандал.

— В пятницу вечером после ужина в ресторане в Веддинге его любовницу нашли изнасилованной и убитой.

— Боже милостивый!

Некоторое время Лейтон молча обдумывал новости.

— Еще я видел, как вы разговаривали с французским подполковником. Тот самый?

— Да.

— И что же он сказал?

— Что они с девушкой поссорились, он вышвырнул ее из машины в Митте, в советском секторе, а затем поехал домой. Он понятия не

имеет, что с ней произошло после.

— И вы ему поверили?

— Не знаю, звучало правдоподобно.

— Думаете опубликовать эту историю в своей газете?

— Не совсем, — покачал я головой. — Но я хочу выяснить правду.

— Не желаете завтра пообедать со мной в нашем клубе? На Шлютерштрассе. Повара там, похоже, втайне работают на врага, тем не менее мы сможем перекусить и обсудить ваш рассказ.

— Конечно.

— В час дня вас устроит?

— Да.

— Отлично. Увидимся там.

— Спасибо, что подвезли.

Выйдя из машины, я поднялся в свою комнату и взглянул на часы: без двадцати двенадцать. Я развел огонь в печи, разделся и принял еще одну таблетку аспирина. У меня тряслись руки, а посмотрев в зеркало, я заметил на щеках два красных пятна. Выпив чая, лег спать под приглушенные рыдания соседа снизу.

5

Берлин изобиловал секретами, однако, казалось, ни один из них не хранился долго. Не успела миновать ночь, как Гарднер узнал о моей встрече с Тюльпановым в «Феминине» и уже утром барабанил в мою дверь, чтобы вытрясти из меня все подробности разговора. Настойчивость, не позволившая ему уйти, когда я не ответил, вероятно, спасла мне жизнь. В конце концов он выломал дверь и нашел меня на кровати без сознания, с температурой 108 градусов[15], вызванной двусторонней пневмонией.

Он выхлопотал мне койку в американском военном госпитале в Целендорфе, где последующие пять дней я проходил курс лечения ударными дозами пенициллина. В палате со мной лежало еще семеро пациентов: все военнослужащие, все молодые. Пытаясь убить время, они резались в карты, заигрывали с медсестрами и травили байки о войне. Только один был женат — парень из Нью-Йорка, который участвовал в боевых действиях во Франции и теперь страдал от камней в

[15] Примечания: 15
Имеется в виду шкала Фаренгейта. 42,2 градуса по Цельсию.

почках. Помимо него, никто не хотел демобилизовываться и уезжать из места, где пачка сигарет и пара чулок могли на ночь превратить лягушку в принца.

На третий день меня навестил Гарднер и вернул мои часы, бумажник и остальные ценные вещи, которые он припрятал, чтобы в мое отсутствие их не украли.

Я спросил его о блокноте, что лежал на кухонном столе.

— Не обратил внимания, — ответил он. — Вероятно, там и остался.

Я накинул на плечи одеяло и вышел в холл, где мы сели на скамейку и выпили кофе из термоса, который Гарднер принес с собой. Я рассказал капитану о беседе с инспектором Бауэром, о том, как Тюльпанов обманом заманил меня в «Феминину», и о произошедшем затем в клубе. Гарднер попросил пересказать каждый разговор, при возможности дословно.

— Итак, теперь вы знаете имя девушки, — подытожил он, когда я закончил. — Амалия Шульц.

— Да.

— Зачем Тюльпанов слил вам информацию о ее романе с французом?

— Не знаю, но вся эта история явно на руку

Советам.

— И вы сделали именно то, что он от вас хотел: загнали Дюплесси в угол.

— Только так я мог с ним поговорить.

— Дьявол всегда знает, чего вы жаждете больше всего.

— К слову о дьяволе: как это вы так быстро обо всем разнюхали?

Он огляделся, прежде чем ответить:

— Мы присматриваем за этим заведением. На следующий день Дюплесси отправился в межсоюзническую комендатуру и пожаловался на вас, мол, вы его донимаете. Французы — наши друзья.

— Он признался, что крутил роман с Амалией Шульц и что она от него забеременела. Разве это не против устава?

— Вы прямо как старая бабка. Ну да, у Дюплесси была интрижка, что с того? Это вовсе не значит, что он убил девушку.

— Как и то, что не убивал. Сейчас он — главный подозреваемый.

— Вы дали Смиту обещание, что перестанете совать нос в это дело. Обещание, к которому отнеслись очень легкомысленно.

— Я пошел в клуб на встречу с Белфордом. Меня

заманили в ловушку.

— А перед этим вы обратились в полицию. Туда вас тоже заманили? Что ж, теперь позвольте рассказать вам, почему русские поднимают шум. В тот вечер между восемью и десятью часами район патрулировали шестеро их парней. Ночью трое испарились в воздухе. Двое солдат и младший офицер. Судя по всему, их направили на задание в Дрезден, дальше в советскую зону, хотя, скорее всего, они уже на полпути в Россию или глубоко под землей.

— И что с того?

— Вероятно, это они изнасиловали и убили девушку, поэтому командиры от них избавились. Поскольку полицейский участок, отвечающий за расследование, находится в нашем секторе, вне досягаемости Советов, они решили сыграть в бильярд: ударили шаром по вам, а вы загнали в лузу Дюплесси. Теперь французы боятся, что их втянут в скандал, и вынуждены действовать. Но как? Самое очевидное решение — заставить нас надавить на полицейских в нашем секторе. Понимаете? Мы просим полицию прекратить расследование, затем Тюльпанов вновь дает вам наводку, на этот раз обвиняя в убийстве наших ребят, и теперь замести следы пытаемся мы. Ум-

но, ничего не скажешь.

— Что вы намерены предпринять?

Гарднер пожал плечами:

— Пока мы не хотим вмешиваться, поэтому просто позволим полицейским делать свою работу. Тела нет, а значит, нет и убийства. Девушка официально числится пропавшей без вести.

— Вот только она была убита, и я видел тело.

— Вот только вы один утверждаете, что видели тело. Больше никто не может это подтвердить.

— Если ваша теория верна и Амалию убили русские, то как она оказалась в Кройцберге?

— Вероятно, ее скинули нам, чтобы поставить под удар нас.

— А как же наши патрули? Той ночью они ничего не видели?

— Не видели.

— Точно?

Гарднер выбросил бумажный стаканчик в мусорку.

— По-вашему, я лгу?

— Все как-то нелогично, — покачал я головой. — Зачем русским рисковать и переносить тело в наш сектор?

— Я не полицейский, но, с моей точки зрения, все вполне логично. Хотите, поделюсь своим

ви`дением? После того как Дюплесси уехал, бросив девушку на произвол судьбы в советском секторе, ей оставалось лишь идти домой пешком. По пути она столкнулась с советским патрулем, солдаты ее изнасиловали и в конце концов убили, после чего решили избавиться от тела, перекинув через забор. Поэтому отвезли Шульц в Кройцберг и бросили там. Я не удивлюсь, если остановившие вас в ту ночь патрульные и были теми самыми негодяями, убившими бедняжку.

— Но почему она оказалась голой? Что сделали с одеждой, обувью, сумочкой?

— Она была голой, потому что перед изнасилованием ее раздели.

— Если вы в самом деле думаете, что за убийством стоят русские, то почему хотите замять это дело?

— Потому что оно меня не касается. И вас тоже.

— Вот только по крайней мере одна деталь не вписывается в вашу теорию.

— Какая деталь?

— На ступнях Шульц остались следы флуоресцентной краски, а это говорит о том, что она пересекла демаркационную линию пешком.

— Следы белой краски?

— Да. Я почти не сомневаюсь: краска была той же, которую Советы несколькими днями ранее использовали для обозначения границ сектора.

— Там повсюду строительные площадки. Она могла наступить на мокрую краску, проходя мимо любой из них. А линия, о которой вы говорите, должна была давно высохнуть.

— Возможно, ее перекрасили.

— Что, черт возьми, с вами не так?! — Гарднер потерял терпение. — Если вы себя ведете подобным образом, то понятно, почему Тюльпанов пытается перетянуть вас на свою сторону!

— Мне лишь интересно.

— Тогда перестаньте интересоваться! Выполняйте свое чертово задание и уезжайте домой!

— Почему русские просто не выбросили тело в реку? Во время дежурства трое военных полицейских насилуют и убивают случайно проходящую мимо девушку, затем оставляют свой пост и вторгаются в наш сектор, чтобы свалить улики на нас. А если бы они наткнулись на один из наших патрулей, пока волочили по улице мертвое тело?

— Вероятно, оказались бы в отчаянном положении. И их заметил пьяница, который написал адрес на витрине.

— Я по-прежнему считаю, что Амалия Шульц

самостоятельно пересекла демаркационную линию между советским и нашим секторами. А значит, убили ее уже в Кройцберге.

Гарднер несколько мгновений обдумывал мои слова.

— Разве вы не видите, что играете на руку Советам?

— Никому я не играю на руку. Я лишь хочу разобраться в произошедшем.

— С другой стороны, Тюльпанов сказал вам, что Шульц была осведомительницей гестапо.

— И что же?

— Вероятно, во время войны она донесла не только на своих родителей, как вы думаете? Возможно, одна из ее жертв выжила, отправилась на поиски предательницы и той ночью воспользовалась прекрасным шансом ее убить. Сейчас по всей Германии сплошь и рядом случается подобное. В любом случае мне уже пора идти. Проводите меня к выходу, я хочу вам кое-что передать.

Когда мы подошли к двери, он сунул в карман моей пижамы пистолет.

— «Вальтер ППК». Отлично стреляет. Вот разрешение на хранение, пока вы в Берлине.

Мельком взглянув на маленький кусочек кар-

тона с моим именем, я сунул его в тот же карман и кончиками пальцев почувствовал тяжелый холод оружия.

— Я даже не знаю, как с ним обращаться.

— Вы чикагский парень, это у вас в крови. Снимите с предохранителя, прицельтесь и нажмите на спусковой крючок. Все очень просто. Пистолет полностью заряжен. Восемь патронов.

В холл вошли два санитара, несшие на носилках человека, и мы их пропустили. Голову молодого пациента охватывала широкая повязка, а лицо было залито кровью.

— Почему вы считаете, что мне понадобится пистолет? — спросил я.

— Всякое бывает. Вокруг вас вертятся настоящие головорезы, и я не хочу, чтобы вы были легкой добычей. Скажите, кто такая Анна?

— Кто?

— Анна. Кто она? Ваша девушка?

— Почему вы спрашиваете?

— Когда я вез вас в больницу тем утром, вы все время повторяли ее имя. И упоминали какие-то часы.

— Я знал только одну Анну, мою младшую сестру, она давно умерла. Видимо, я бредил.

Два дня спустя я уговорил врачей меня вы-

писать. Они предупредили, что мое состояние оставляет желать лучшего, а значит, рецидив не просто возможен, но и весьма вероятен.

Когда я наконец вышел на улицу, под ногами лежал грязный снег, а небо нависало над головой подобно гранитной плите.

Дома все выглядело нетронутым: блокнот лежал на кухонном столе рядом с кружкой, на дне которой засох недопитый кофе. Конверт с фотографиями остался за зеркалом над раковиной, а негативы — под матрасом. После больницы с отапливаемыми, чистыми палатами арендованная комната производила впечатление склепа.

Я затопил печь и отнес постельное белье и одежду в прачечную, расположенную через две улицы. Засунув негативы в карман и завернув в старую газету пять кусков угля, я отправился в парикмахерскую, на витрине которой в тот вечер пьяница написал адрес, и попросил побрить меня и подстричь. Уголь предназначался парикмахеру, пожилому мужчине с несколькими седыми прядями, прилипшими к макушке, чтобы он нагрел воду для бритья.

Я спросил его, нет ли поблизости какой-нибудь фотолаборатории, и он назвал магазин на Вильгельмштрассе, в четырех трамвайных остановках

отсюда.

Затем я пошел в отделение «Вестерн юнион» в Целендорфе, однако получить отправленные мне редактором деньги стало настоящим испытанием: клерку за стойкой, худому мужчине с залысиной, мое имя показалось недостаточно американским, а немцам запрещалось отправлять или получать деньги из-за рубежа. Он долго изучал мой паспорт и журналистское удостоверение, а затем с подозрением сказал:

— Выглядят совершенно новыми.

— Они и есть совершенно новые. Я впервые выехал за границу, поэтому паспорт мне выдали всего несколько недель назад, а удостоверение я получил по прибытии.

Я поинтересовался, откуда он родом, и он ответил «из Коннектикута» с таким видом, будто это может каким-то образом усложнить мне дело. Затем клерк решил проконсультироваться с начальством и исчез вместе с моими бумагами в недрах конторы. Получив разрешение на выдачу денег, он вернулся разочарованным и с величайшей неохотой отсчитал мне банкноты, а в ответ на пожелание доброго дня промолчал.

Пообедав в приличном гостевом доме неподалеку, я отправился обратно в Кройцберг, пытаясь

по дороге найти магазин, где можно приобрести пальто потеплее, однако ничего не попалось. Когда я добрался до проявочной, пошел снег, а небо потемнело, хотя была всего половина третьего. Снежинки падали хлопьями, словно россыпь конфетти.

Внутри магазина стены были увешаны множеством старых фотоаппаратов, наверняка сломанных. За прилавком сидела женщина средних лет со светлыми волосами и, в отличие от аптекаря на Шарлоттенштрассе, она обрадовалась, услышав, что я американец. В качестве платы за увеличение фотографий она потребовала целую пачку сигарет.

— Очень трудно найти фотобумагу такого большого формата, — объяснила она.

На ней был вязаный синий свитер, обтрепавшийся по краям, и брюки размера на два больше необходимого, однако ногти оказались аккуратно накрашены, а лицо сияло от румян.

Женщина взяла один из негативов и, склонившись над прилавком, внимательно изучила его через увеличительное стекло. Несколько мгновений спустя выпрямилась и заметила:

— Она обнажена.

— Верно. — Я положил рядом с негативами

пачку «Лаки страйк».

— Что ж, возможно, вас заинтересует кое-что еще.

Она вытащила из-под прилавка большой толстый альбом в розовой обложке и передала его мне.

— Ну же, загляните. Можете не спешить. Если вам кто-нибудь понравится, скажите мне.

Я пролистал альбом: каждая страница содержала по шесть фотографий размером с пачку сигарет, на них изображались обнаженные женщины в непристойных позах. Некоторым было, вероятно, под сорок, а другим явно не исполнилось и восемнадцати. Я уже собирался закрыть альбом, когда заметил фотографию Марии: в одной лишь широкополой шляпе, украшенной перьями, она поставила ногу на табурет. Закрыв альбом, я оттолкнул его подальше от себя.

— Это только образцы, — сказала продавщица. — Они выпускаются полными наборами по двенадцать штук, по десять сигарет за каждый.

— Вы меня неправильно поняли. Негатив, на который вы смотрите, был сделан на месте преступления. Я помогаю полиции в расследовании.

Казалось, мои слова не произвели на нее никакого впечатления.

— Значит, вас ничего не заинтересовало?

— Нет. Когда можно прийти за фотографиями?

Продавщица убрала альбом под прилавок.

— Около четырех. Вас устроит?

— Да, спасибо. Скажите, кто эти женщины на снимках?

— Обычные женщины. Когда нужно быстро подзаработать, они приходят сюда. У меня в задней части магазина есть небольшая фотостудия со световым оборудованием, реквизитом и остальным. Мы все вынуждены продавать то, что нам легче всего достать, согласитесь? Американцы — мои лучшие клиенты.

Когда я вышел из магазина, снегопад уже закончился, поэтому я отправился к Марии пешком. Она пригласила меня войти, удивленная моим возвращением, поскольку решила, что я уехал в Штаты. Пока она вешала мое пальто, я рассказал ей о своей болезни. Затем мы сели на два почти новых деревянных стула, которые вдруг появились в доме вместе с маленьким столиком из красного дерева. Я вспомнил об альбоме и не стал спрашивать, откуда у нее новая мебель, новые ботинки и чай, который Мария заваривала для меня. Однако, когда она отошла за пепельницей, я понял, что ошибся.

Разговор не клеился, поскольку она отвечала на вопросы весьма сжато, словно была поглощена мыслями о чем-то другом.

— Где Лиза?

— У соседки. Дочка приболела.

— Ей нужен врач?

— Нет.

Мы затушили сигареты, и Мария поспешила вновь выбросить содержимое пепельницы в мусорное ведро. Когда она села, я поинтересовался, навещал ли ее полицейский инспектор по фамилии Бауэр.

— Да, на следующий день после нашей поездки на рынок.

— О чем вы ему сообщили?

— Сообщила о произошедшем тем вечером, о чем же еще? — ответила Мария резко, даже враждебно. — Что вы зашли, когда меня не было дома, поговорили с Лизой, а позже вернулись с несколькими русскими солдатами, утверждая, будто видели здесь тело.

— И что он сказал?

Она заправила за ухо прядь волос.

— Ничего особенного. Полицейские сделали несколько фотографий и ушли.

— Он разговаривал с Лизой?

— Нет. Ее здесь не было. И ради бога, не впутывайте ее сюда! Она всего лишь ребенок.

Закуривая очередную сигарету, я заметил, что у меня дрожат пальцы.

— Кто еще к вам приходил? Тюльпанов или мужчина, с которым вы познакомились тем вечером?

— О чем вы?

— Могли бы по крайней мере оставить вам обычные сигареты в довесок к мебели, чаю и всему остальному. Русский табак, пожалуй, слишком крепок для вас. Почему вы не упомянули, что разговаривали с ними тоже?

Мария выпрямила спину.

— Не знаю, чего вы от меня ждете.

— Мне ничего от вас не нужно.

— Вы поняли.

— Нет, не понял.

— О, прошу вас!

— Вы ошибаетесь. Я просто пытался вам помочь.

— Ну, как скажете.

— Что насчет русских? Они бы не пришли к вам, не будь у них своего интереса. Так в чем он заключается?

— Они хотели, чтобы я убедила вас продолжить

писать статью об убийстве, если вдруг вы уже потеряли к ней интерес.

Я затушил сигарету в пепельнице и встал.

— Извините за недоразумение. Я больше сюда не вернусь и не побеспокою вас.

Надев пальто, я попрощался.

— Вы их сюда привели! — воскликнула Мария.

— Верно. Мне не следовало так поступать. Берегите себя.

— Сделали мне подачку в виде пары пачек сигарет с шоколадом и возомнили, будто мы теперь друзья? — Она повысила голос. — Ваши бомбы убили моих родителей! Ваши солдаты убили моего мужа, отняли у меня дом и вышвырнули на улицу!

Я почувствовал, будто за один миг постарел на десятилетия.

— Что же, по-вашему, мне было делать, когда русские вернулись? — продолжила Мария. — Скажите на милость? Попросить их уйти и захлопнуть дверь у них перед носом? Меня трижды насиловали! Трижды! Один раз на глазах у Лизы, прямо здесь, в этом доме!

— Очень жаль.

— Всегда только это от вас и слышно! Больше сказать нечего? Жаль — и все?

— А что мне остается? Я понимаю, через что вам пришлось пройти, и мне жаль.

— Нет, вы не понимаете!

— Вы правы. Вероятно, не понимаю. Но вы живете в американском секторе. Вы могли рассказать мне о произошедшем и попросить о помощи.

— Кто захочет хоть пальцем пошевелить ради меня? Ради вдовы эсэсовца? Очнитесь! Американский солдат изнасиловал меня прямо здесь, в этом доме!

Я открыл дверь и вышел. На улице две женщины разгребали лопатами свежевыпавший снег. Они прервали свое занятие и уставились на меня.

— Простите, — проговорила Мария, выйдя следом за мной. — Я не хотела.

— Все в порядке, — ответил я.

— Не в порядке. Пожалуйста, вернитесь в дом. Не обижайтесь. Я приготовлю кофе.

— Может, в другой раз.

— Я еще кое-что вам не сказала.

— Что?

— Прошлым вечером сюда приходил мужчина. Велел подумать о дочери и держать рот на замке.

— Он назвал свое имя?

— Нет. На нем была военная форма.

— Опишите его.

— Примерно на десять лет старше вас, выше ростом. У него была машина, я увидела на улице. Военная.

— Вы заметили на ней флаг или эмблему?

— Было темно.

— Вероятно, вас больше не побеспокоят. — Достав из кармана блокнот, я записал свой адрес, вырвал листок и отдал Марии. — На всякий случай. Берегите себя.

Я связался по телефону с Лейтоном, и мы встретилась в клубе «Винстон», где я воспользовался возможностью подобрать одежду потеплее. Примерив несколько вещей, я выбрал темно-синее пальто с алой подкладкой. Также купил шарф, кофе, сигареты и шоколад. Когда я сложил свою добычу в сумку, мы вдвоем отправились в офицерскую столовую, располагавшуюся на втором этаже.

Она выглядела точно так же, как в любом другом военном клубе Берлина: за столиками по двое и по трое сидели высокие, худощавые мужчины в форме и поглощали обед так, словно ели последний раз в жизни, настораживаясь при любом

внезапном звуке или движении.

Мы сели за свободный столик, сразу заказали напитки и взяли меню. Я поведал ему о своей болезни, и Лейтон отметил, как мне повезло: в городе постоянно не хватает пенициллина, потому что больше половины импортных препаратов в конечном счете пропадает и оказывается на черном рынке.

— Пенициллин с морфием — главные сокровища барыг, — объяснил он. — Флакон пенициллина или дозу морфия можно продать за пятьдесят долларов. Преступные сети проникли во все больницы, и комендатура практически ничего не может с этим поделать. Все хотят поскорее забыть о войне и заработать немного легких денег.

— Но только не вы, — заметил я. — Выпьем же за это.

— И не вы. За все неудобства, сопряженные с работой здесь, мне платят неплохую зарплату. Дома в Англии я считаюсь весьма состоятельным человеком. От своего достопочтенного отца я унаследовал большой дом в Лондоне и еще один за городом, недалеко от Оксфорда. Вдобавок ко всему мне шестьдесят один. Старость, мой дорогой друг, — это иная страна, с иными вкусами, запахами и мечтами. Но вы-то молоды, и непохоже,

что купаетесь в деньгах, простите мою прямолинейность. Всего за месяц вы могли бы заработать здесь больше, чем за целый год в Штатах.

К нам подошел официант, чтобы принять заказ, и это позволило мне сменить тему после его ухода.

— Вы слышали о некоем майоре Белфорде?

— Разумеется. Все о нем слышали. Кровавая «Омаха»[16], Первая пехотная дивизия. Настоящий американский герой.

— Вы когда-нибудь его видели? Я имею в виду, во плоти?

— Нет, насколько я помню. Почему вы спрашиваете?

— Я начинаю сомневаться, что он существует на самом деле.

— В каком смысле? — удивился Лейтон.

— Создается впечатление, будто он меня избегает, — ответил я. — Он словно призрак: неосязаемый, постоянно ускользает. Мог ведь с самого начала просто отказаться от интервью. К тому же странно, что он не уехал из Европы сразу

---

[16] Примечания: 16

Имеется в виду «Омаха-бич» — кодовое название одного из пяти секторов вторжения союзников в ходе высадки в Нормандии. Американцы, встретившие неожиданно ожесточенное сопротивление противника, понесли на этом участке колоссальные потери.

после войны вместе со всеми действующими военнослужащими.

— Говорят, специально попросил оставить его здесь.

— И оставили — так легко?

— Вспомните вашего друга капитана Гарднера. Он воевал в Италии и Франции, а потом его перевели сюда.

— Он служит в разведке, это совсем другое.

— К чему именно вы клоните?

— Можете считать меня сумасшедшим, но кажется, Белфорда придумали во время войны пропагандисты, и теперь я гоняюсь за призраком.

— Зачем его выдумывать? — недоуменно спросил Лейтон.

— Однажды в клубе я разговорился с пьяным офицером, и он мне рассказал, что «Омаха-бич» — это грязный секрет высадки в Нормандии. Разведка союзников не выявила реорганизацию береговой обороны, которую провел в марте

Роммель[17]. К примеру, генерал Брэдли[18] понятия не имел, что пляж теперь защищает триста пятьдесят вторая дивизия, элитное немецкое подразделение. Результатом стала кровавая бойня.

— Послушайте, Джейкоб, вы журналист, а не писатель-фантаст. Вам следует обуздать воображение и придерживаться фактов. Уверен, Белфорд столь же реален, как мы с вами. Когда-нибудь вы с ним встретитесь. А теперь давайте обмоем ваше новое пальто.

Официант принес нам заказ, и я «умял» его, как сказал бы британец Лейтон, тот же погрузился в раздумья и едва притронулся к своей тарелке. Но при этом он опрокинул еще пару стаканов скотча. Под глазами у него висели отечные мешки, а на носу и щеках виднелась сеточка красных капилляров. Лейтон переводил взгляд с одного столика на другой и время от времени приветственно кивал знакомым офицерам. Он походил на моего профессора в колледже, Николаса Биггса,

---

[17] Примечания: 17

Эрвин Йоханнес Ойген Роммель (1891–1944) — немецкий генерал-фельдмаршал, отвечавший за усовершенствование «Атлантического вала» — системы укреплений вдоль побережья Европы от Норвегии до границы Испании перед вторжением союзников.

[18] Примечания: 18

Омар Нельсон Брэдли (1893–1981) — американский военачальник, генерал. Командовал 1-й армией США, солдаты которой первыми высадились в Нормандии.

который пытался убедить меня после окончания учебы стать ассистентом преподавателя.

— Я узнал о деле Амалии Шульц, — мягко произнес он, когда официант убрал со стола тарелки и принес нам чай. — Девушки из французской военной администрации.

— Как?

— Не все ли равно? — пожал он плечами. — В тот вечер вы случайно обронили подсказку, которую я подобрал. Очень просто. Так и узнал всю историю.

— Не думаю, что убийца — ее любовник Дюплесси, тем не менее он посреди ночи бросил девушку в советском секторе.

— Некрасивый поступок, согласен, — кивнул он. — Но все хорошо, что хорошо кончается.

— Вы называете это хорошим концом?

— Разве вам не сказали? — Лейтон выглядел удивленным. — Ее нашли. На следующий день она объявилась у родственников в Штутгарте.

Я уставился на него, не веря ушам:

— Кто вам сказал?

— Полицейские. Они поговорили с ней по телефону, пока вы лежали в больнице. Она узнала, что ее объявили в розыск, и позвонила в участок из Штутгарта. А также в свой отдел во француз-

ской администрации.

— Ее семью арестовали два года назад и отправили в Дахау, где все и погибли.

— Вероятно, у нее в Штутгарте все-таки остались какие-то родственники.

— Все равно это невозможно.

— Почему?

— Потому что в тот вечер ее убили.

— Ну, Шульц сказала, что в советском секторе на нее напали, поэтому она решила покинуть город и отправиться в Штутгарт, во французскую зону[19]. Дело закрыто. Вы должны радоваться, что девушка жива и здорова.

Я осушил бокал и попросил официанта принести еще один.

— Будьте осторожны, — предупредил Лейтон. — Насколько я слышал, пенициллин плохо сочетается с алкоголем.

— Я видел тело! Она была мертва! И у меня есть фотографии в подтверждение!

— Фотографии?

— Да, в тот вечер я взял с собой фотоаппарат.

— Вот оно как.

Официант принес мне бокал, и я залпом его

---

[19] Примечания: 19

Так у автора. На самом деле город Штутгарт располагался в американской зоне оккупации Германии.

осушил.

— Расслабьтесь, — сказал Лейтон. — Вы же журналист. Не принимайте всю эту историю близко к сердцу.

— Амалию убили и сейчас пытаются замести следы. Сперва спрятали тело, а теперь эта дешевая уловка с мнимым звонком из Штутгарта… Ее соседка работает в том же отделе. Нужно с ней поговорить.

— Подождите минутку. Кто пытается замести следы?

— Виновные. Французы, русские, наши ребята, не знаю. Они все замешаны.

Уперев локти в стол, Лейтон положил подбородок на переплетенные пальцы.

— Послушайте, Джейкоб. Некогда правила устанавливали мы с нашими традиционными противниками французами, порой в тандеме с фрицами. Однако старые добрые времена прошли. Теперь мы все зажаты между двумя исполинами, готовыми в любой момент вцепиться друг другу в глотку. Вы знали, что до Первой мировой мы никогда не отправляли за границу более одиннадцати тысяч солдат? Все потому, что мы не верим в силу одних только пушек и штыков. Сейчас Индия жаждет независимости и вскоре,

вероятно, ее добьется, однако интеллектуальная и финансовая элиты страны по-прежнему будут говорить по-английски. Теперь миром правят эти два исполина, мир изменился: в настоящее время существует лишь грубая сила. И нам лучше полагаться на Штаты, потому что без их войск в Европе и без их новомодной бомбы Красная армия уже через пару месяцев достигнет Атлантики и будет резвиться на побережье. Нам нужна американская армия, нужны американские деньги, нужны американские ресурсы.

— Какое все это имеет отношение к делу, которое мы обсуждаем?

— Не уверен, но, возможно, в кулуарах происходит нечто нам с вами неведомое. Если хотите поиграть в лихого журналиста, то вы не в том городе и не в то время. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы вам помочь.

К нашему столику подошел молодой офицер, явно подвыпивший, в расстегнутом пиджаке и криво повязанном галстуке, свисающем с шеи.

— Мэгги — шлюха! — заявил он.

— Еще какая, — кивнул Лейтон.

Офицер помешкал пару мгновений, открыл рот, пытаясь что-то добавить, но передумал, вернулся к своему столику и щелкнул пальцами,

подзывая официанта.

— В общем, старина, на вашем месте я бы проверил историю со Штутгартом, прежде чем предпринимать следующие шаги, — подытожил Лейтон. — Знаете, ведь она может оказаться правдой.

6

Забрав фотографии, я сел на трамвай, потом на другой и наконец прибыл в полицейский участок, по дороге размышляя, есть ли хоть малейшая вероятность, что неожиданный поворот событий — это не подлая уловка. Может, девушка, которую я видел той ночью, все-таки не была мертва и, пока я искал телефон, очнулась и ушла?

Сотрудник за стойкой сообщил, что Бауэр еще не пришел, но должен явиться с минуты на минуту. Ожидая его на скамейке во дворе, я открыл папку и изучил увеличенные снимки, по-прежнему мутные и зернистые. Каждый изображал отдельную деталь: голову, грудь и так далее. При тусклом послеполуденном свете я внимательно рассматривал лицо девушки: полуприкрытые глаза, рот, похожий на зияющую рану, челюсть в синяках. Нет, невозможно представить, чтобы Амалия Шульц была еще жива. Я убрал снимки в папку и закурил, дрожа от холода, от которого не спасало даже новое пальто. Неподалеку двое мужчин выгрузили из тележки кирки и лопаты и принялись раскапывать замерзшую землю.

Бауэр появился минут через двадцать вместе с агентом в форме. Оба шли медленно, слегка сутулясь, словно участники невидимой похоронной процессии. Когда инспектор поднял глаза и увидел меня, его и без того мрачное лицо потемнело еще больше. Он велел своему спутнику зайти внутрь и спросил, что мне нужно.

— Говорят, вы решили закрыть дело Амалии Шульц, — начал я, и он кивнул. — Вы общались с ней по телефону? Лично?

— Она звонила нам позавчера. Да, я сам с ней беседовал.

Я предложил ему сигарету и прикурить.

— Что она сказала?

Мы сели на скамейку, и, куря, он рассказал, что, по словам девушки, представившейся Амалией Шульц, в пятницу вечером ее избили и ограбили в советском секторе, однако она сумела добраться до дома, а на следующее утро покинула город. Она не заявляла в полицию, поскольку все произошло очень быстро и ей не удалось разглядеть лица двух нападавших.

— Она сказала, кто напал? Военные или гражданские?

— Гражданские.

— И они бросили Амалию в том доме, где я ее

нашел?

— Фройляйн Шульц сказала, что вы приняли за нее другую девушку, поскольку после нападения она направилась прямиком домой.

— Почему вы уверены, что говорили с настоящей Амалией?

— Я попросил говорившую позвонить во французскую военную администрацию, чтобы кто-нибудь удостоверил ее личность. Полчаса спустя со мной связалась фрау Аннелизе Вагнер, коллега Шульц и ее соседка по квартире, и подтвердила рассказ.

— Значит, тем вечером фройляйн Шульц вернулась домой, собрала вещи и на следующее утро уехала, а живущая с ней женщина не знала об этом? Как так вышло?

— Я задал тот же вопрос. Фрау Вагнер утверждает, что в вечер нападения она была в гостях и вернулась домой только в воскресенье вечером. По субботам девушки не работают.

— Вы проверили эту информацию?

— У меня нет времени бегать повсюду из-за таких мелочей. Лишь вчера в этом округе произошло изнасилование и три кражи со взломом. Как вам известно, у нас катастрофически не хватает сотрудников.

— Даже если слова Вагнер правдивы, она, вернувшись домой в воскресенье вечером, должна была заметить, что вещи подруги исчезли.

— Очевидно, все же не заметила.

— Можете дать мне ее адрес? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Бауэр.

— Почему?

— Как я уже сказал, дело закрыто.

Я протянул ему папку.

— Что это? — спросил он.

— Загляните внутрь.

Он открыл папку и изучил снимки, один за другим. Затем со вздохом закрыл папку и отдал мне.

— Значит, вы все-таки сфотографировали тело в ту ночь.

— Да.

— Почему же не сказали мне сразу?

— Потребовалось несколько дней, чтобы их проявить, потом я заболел и попал в больницу.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что на фотографиях фройляйн Шульц. Они нечеткие.

— Разве вы не заметили родинку?

— Похоже на ушиб.

— Это Шульц! Сравните эти снимки с портретом из вашего досье. Говорю вам, виновные пытаются замести следы. И только вы можете

открыть дело заново.

Я рассказал Брауэру о том, что узнал от Тюльпанова в «Феминине», не упоминая подполковника по имени, а затем о разговоре с Дюплесси.

— Ресторан называется «Аусшпанне». Это в Веддинге. Дюплесси и Шульц уехали в половине восьмого. Дюплесси остановился в Митте и высадил ее на улице около восьми. По крайней мере, так он мне сказал. Вам следует допросить его официально.

— У меня нет полномочий, — неловко поморщился Брауэр.

— Что?

— Согласно регламенту, если в расследовании как-либо фигурируют военнослужащие, у немецкой полиции нет законного права их допрашивать. Нам требуется сначала изложить властям союзников причины, по которым мы считаем крайне необходимым допросить данное лицо, и затем дождаться ответа. Запрос могут одобрить, могут отклонить, а могут просто не ответить.

— То есть как это «не ответить»?

— Если сочтут причины безосновательными. Такое уже случалось. Нам даже не позволено носить оружие.

— Получается, по сути, Дюплесси сам решает, есть ли у вас основания его допрашивать?

— Совершенно верно.

— Тогда хотя бы еще раз поговорите с соседкой Шульц. Она немка, а значит, вы можете вызвать ее на допрос. И отправьте коллег в Штутгарте проверить, там ли Амалия.

Работники выкопали яму и теперь готовились прокладывать трубу. Появилась женщина, села на деревянный ящик и начала нарезать буханку хлеба.

— Штутгарт находится во французской зоне. Местную полицию контролируют французы. Если дело сфабриковано, они мне не помогут, — сказал Бауэр.

— Значит, пошлите туда сотрудника, чтобы он лично во всем разобрался, — настаивал я.

— Прекратите указывать, как делать мою работу, герр Хубер!

— Ладно, простите. И еще кое-что: мой источник сообщил, что, проживая в Штутгарте, фройляйн Шульц была осведомительницей и донесла в гестапо на собственных родителей. Можете проверить достоверность этой информации?

— Слишком сложно, — покачал головой Бауэр. — Гестапо уничтожило все документы, а ее

связной офицер наверняка мертв либо в тюрьме или скрывается.

Он встал, чтобы уйти, и я спросил, нужны ли ему фотографии.

— Пока нет. С вами они будут в большей сохранности.

— Может, все-таки дадите мне адрес фрау Вагнер?

— Нет, — покачал головой инспектор. — Официально вы не участвуете в этом расследовании.

— Пока что я узнал гораздо больше, чем вы.

Удар ниже пояса, я тут же пожалел о сказанном. Однако Бауэр не рассердился, а лишь бросил на меня грустный взгляд, развернулся и, понурив голову, ушел.

На следующий день ударили заморозки; пустое небо заблестело, словно разбитое зеркало.

Я составил план того, как раздобыть адрес соседки: пришлось идти в клуб для прессы в Целендорфе — место, которое я до сего дня старался избегать. Выпросив десять минут на специальной внутренней телефонной линии, я позвонил во французскую военную администрацию. По соображениям безопасности все американские специальные линии в Берлине, независимо от назначения, были подключены к одному и тому

же телефонному коммутатору, поэтому люди на другом конце провода обычно предполагали, что каждый звонок исходит от военных властей.

Оператор ответил на французском, я по-английски представился как лейтенант Джонсон из отдела капитана Гарднера и попросил домашний адрес миссис Аннелизе Вагнер, сотрудницы отдела подполковника Дюплесси.

Теперь вам нужно понять кое-что о сложной экосистеме послевоенного Берлина, которая быстро стала очевидной даже для гостя вроде меня.

В то время как немецкие мужчины находились в самом низу пищевой цепочки — во всех возможных отношениях, американские военные были на вершине, причем даже выше, чем два других западных союзника. Война истощила Францию и Британию, так что американские грузовые самолеты воспринимались всеми как неиссякаемый источник изобилия. Нам принадлежали лучшие больницы, клубы и рестораны в городе, в наших конторах устраивались лучшие столовые для персонала, даже для немецкого. Мы были единственными оккупантами, способными предоставить обнищалому местному населению экзотические товары: жевательную резинку,

синие джинсы, шелковые чулки, душистое мыло, консервы из настоящего мяса, кофе, апельсины и, конечно же, море сигарет.

Более того, если по какой бы то ни было причине у немцев возникали проблемы с Советами, американские власти становились единственными заступниками — они способны были уберечь от ареста, депортации или даже казни, если только успеешь укрыться в американском секторе. Теоретически в этом отношении французы и британцы были равными нам — всемогущими правителями своих секторов. Тем не менее они прекрасно понимали, что наша поддержка — их единственная надежда на спасение от Красной армии и ее грозной разведки, способной проглотить всех с потрохами.

Именно поэтому, назвавшись американским офицером, я избежал дальнейших расспросов и уже через пару минут записывал в блокноте берлинский адрес Амалии Шульц. Затем меня соединили с женщиной, которая испуганным голосом поздоровалась и представилась как фрау Аннелизе Вагнер.

Перейдя на немецкий, я сказал, что мы расследуем событие, произошедшее в округе ее проживания, и хотим с ней поговорить при пер-

вой же возможности, предпочтительно у нее дома. Как и запуганный оператор ранее, она не стала ни о чем спрашивать и незамедлительно согласилась со мной встретиться. Прежде чем повесить трубку, она добавила, что вернется с работы в семь часов вечера.

Получив желаемое, я сел на трамвай до Кройцберга. Когда мы миновали гигантские руины варьете «Винтергартен», я вышел из вагона и заметил того же однорукого мальчишку, который следил за мной в день моей встречи с инспектором Бауэром. На нем были все те же потасканные шорты и куртка. Он помахал мне.

Я поманил его к себе, и мальчик приблизился мелкими, осторожными шажками мудрого кота, столкнувшегося с потенциальной опасностью.

— Опять ты.

— Я следил за вами все это время, а вы только сейчас заметили, — хихикнул он. — Вы лежали в больнице. Хотел бы и я там полежать. Наверняка там очень тепло.

Открытые колени у него посинели, личико было перепачкано, а шрам выделялся особенно четко. Я вспомнил историю Лейтона о страхе перед оборотнями и о детях-сиротах, пытающихся выжить среди руин.

— Как тебя зовут?

— Дитер.

— Сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

— Где ты живешь?

Он неопределенно махнул в сторону дома Марии. Я спросил, знает ли он ее, на что он кивнул.

— Это фрау Экхарт попросила тебя за мной следить?

— Нет. Я следил и за ней. Дайте мне что-нибудь. Что угодно.

Я дал ему шоколадный батончик. Он зубами сорвал обертку и набросился на лакомство, словно голодный щенок.

— Не я один за вами слежу, — сказал он, облизывая пальцы. — Смотрите!

Обернувшись, я заметил неподалеку мужчину в серой куртке и черной матросской бескозырке. Он стоял, попыхивая сигаретой.

— Он тоже? — удивился я. — С каких пор?

— С тех пор, как вы вышли из больницы. Шпионов трое. Они меняются.

— Ты не скажешь, кто попросил тебя за мной следить?

— Не могу, простите, — покачал головой мальчик.

Мы оба пошли в сторону моего дома, дрожа на холодном ветру.

— Будь у тебя деньги, ты бы знал, как достать одежду потеплее? — спросил я.

Его лицо стало серьезным, и он некоторое время обдумывал вопрос.

— Зависит от того, сколько денег и что мне придется для этого сделать.

— Разумный ответ. Союзные марки сойдут? И не волнуйся, тебе ничего не придется делать. Я просто хочу отблагодарить тебя за то, что ты сказал мне о слежке.

— Всякая валюта хороша. Но лучше всего — сигареты.

— Я дам тебе сигарет, но только если пообещаешь, что при нашей следующей встрече будешь одет в нечто получше этих лохмотьев. Договорились?

— Хорошо.

Я достал из сумки пачку сигарет и протянул ему. Он взвесил ее на ладони с выражением лица человека, который только что наткнулся на золотой самородок, а затем спрятал куда-то в складки куртки.

— Увидимся, — попрощался он и ушел.

Тем временем следивший за мной мужчина

исчез. Кто же его отправил? Дюплесси? Или Тюльпанов?

Как бы то ни было, подобная игра влияет на охотника больше, чем на добычу, пока та не подозревает о происходящем. Ей не нужно менять свои привычки, вкусы и внешность, в отличие от охотника: добыча диктует ему, что делать, а не наоборот. Она вынуждает его посещать места, где он никогда раньше не бывал, ходить по улицам, куда в противном случае он бы и шагу не ступил и где он в конце концов делает то, чего обычно никогда бы не стал делать.

Я вернулся домой, растопил печь и проверил, на месте ли пистолет. Сразу после этого произошло два важных события.

Сперва в дверь постучал морской пехотинец в форме и с официозом вручил мне приглашение от самого генерала Люциуса Д. Клея, главы американской военной администрации. Вечером в отеле «Савой» в Шарлоттенбурге пройдет торжественный ужин.

— С наилучшими пожеланиями от полковника Смита. — Морпех протянул мне большую коробку, аккуратно завернутую в глянцевую бумагу. — Водитель заедет за вами в восемь, сэр.

Я вспомнил, что собирался в семь навестить

Аннелизе Вагнер, и спросил, может ли водитель забрать меня из другого места. Морпех ответил, что это не составит труда. Я записал ему адрес, он отдал честь и был таков.

Внутри коробки оказались лакированные туфли, смокинг, накрахмаленная белая рубашка с серебряными запонками и элегантное черное пальто — все точно моего размера.

Лишь распаковав подарок, я заметил на обратной стороне приглашения написанное от руки послание: «Майор Белфорд будет рад встретиться с вами для интервью сегодня вечером». Герой «Омахи-бич» все-таки был настоящим.

Я перекусил, лег на кровать и принялся обдумывать вопросы, которые задам Белфорду. Вскоре в дверь вновь постучали. Я открыл, ожидая увидеть морпеха, однако передо мной оказался Тюльпанов, на этот раз в форме Красной армии и с коричневым бумажным пакетом в руках.

Не дожидаясь приглашения, он уверенно вошел, положил пакет на кухонный стол и сел, закинув ногу на ногу. Его черные сапоги были начищены до зеркального блеска, и, несмотря на массивную фигуру, форма сидела на нем отлично. Пристроив фуражку рядом с пакетом, он начал:

— Я принес вам небольшой гостинец: бутылку

водки и банку икры. Настоящие, а не суррогат, которые толкают на черном рынке. Слышал, вы болели. Нет лекарства лучше, чем хорошая водка.

Я взял с прикроватного столика пепельницу, и мы закурили.

— Вы ведь понимаете, что мне придется сообщить об этом визите нашим парням? — спросил я.

— Разумеется, — кивнул он. — Так заведено. Кстати, сегодня вечером вы встречаетесь с нашим общим другом на пирушке у Клея, верно? — Тюльпанов указал на смокинг, разложенный на кровати. — Красивый костюмчик.

— Вы знаете о праздничном ужине?

Он махнул рукой, и тлеющий кончик зажатой в ней сигареты очертил в тусклом свете узор.

— Как же иначе? Приглашены все в городе, даже несколько немецких клоунов из вашей труппы марионеток. Все, кроме нас. Более двухсот тысяч советских солдат погибли в битве за этот город[20], и теперь старый пердун хочет прямо заявить, что нам здесь не рады. Вы когда-нибудь слышали о генерале Карбышеве? Дмитрии Карбышеве?

---

[20] Примечания: 20

На самом деле безвозвратные потери Красной армии в ходе Берлинской операции оцениваются примерно в 78 тысяч человек.

— Нет.

— Нацисты взяли его в плен, он кочевал по концлагерям, но до конца отказывался сотрудничать. В ночь на восемнадцатое февраля сорок пятого года в Маутхаузене его раздели догола, облили ледяной водой и оставили на морозе. Он умер от переохлаждения. К сожалению, палач, ответственный за его смерть, покончил с собой, предварительно убив жену и детей, и нам не представилось возможности привлечь его к суду. А теперь люди, совершавшие подобные зверства, — ваши друзья, а мы — ваши враги. Кстати, тем вечером вам удалось обмолвиться парой слов с нашим французским товарищем?

— Удалось.

— Что же он сказал?

— Сперва о главном: не поделитесь, кто эти люди, которые следят за мной с тех пор, как я вышел из больницы?

— Какие люди? — вскинул брови Тюльпанов.

— В штатском, примерно моего возраста.

— Они не из наших, даю вам слово. Любопытно. Хотите совета? Не обращайте внимания. Тут каждый следит за каждым. Может, им поручили вас защищать? Забота вашего американского друга. Или вас просто держат на коротком поводке.

— Он бы мне сообщил.

— Ладно уж, расскажите лучше, что разболтал вам лягушатник.

— Он признался в романе с Амалией Шульц, но заявил, что высадил ее в Митте, в советском секторе, около восьми часов, после чего поехал домой.

Тюльпанов улыбнулся и затушил сигарету в пепельнице. Я заметил, что он курит «Пэлл-Мэлл», а не эти странные русские картонные трубочки.

— Как удобно. Оставил ее в нашем секторе. Тогда как, черт возьми, она оказалась в Кройцберге, где вы нашли ее тело?

— Это еще не все. Мне сообщили, что позавчера Шульц позвонила в местную полицию и сказала, будто жива-здорова и уехала в Штутгарт.

— И вы поверили?

— Я пытаюсь проверить информацию. Скажите мне вот что: правда ли, что троих ваших людей, патрулировавших в ту ночь Митте, на следующее утро отправили в Дрезден?

Тюльпанов закурил еще одну сигарету и выпустил в воздух облако дыма. У него были почти прозрачные сероватые глаза, напоминающие две ледышки.

— Вам это рассказал ваш друг Гарднер?

— Какая разница?

— Он должен знать, что на военной службе так всегда: сегодня ты здесь, а завтра уже едешь туда, где в тебе нуждаются. Даже если эта информация верна, что тут плохого?

— Три человека, которые могли видеть Амалию Шульц в вечер ее смерти, исчезли и, следовательно, не в состоянии дать показания. Так что ничего хорошего.

— Но она жива, как вам сказали.

— Вряд ли это правда.

— Не в нашем секторе вы ее нашли, помните?

— Возможно, над ней надругались в Митте, ей удалось вырваться и дойти до американского сектора, по пути разодрав стопы в кровь. Или за ней погнались, изнасиловали и убили в Митте, а потом ваши люди скинули ее тело в наш сектор.

Выражение его лица резко стало очень серьезным.

— Довольно! Сейчас на карту поставлено нечто более важное. Помните, о чем я попросил вас в клубе?

— О чем же?

— Организовать мне встречу с вашим другом. Чем скорее, тем лучше. Я бы предпочел нейтральную территорию, например во французском

секторе. Где-нибудь в укромном месте, рестораны и клубы не подойдут. Пусть он сам выберет. Только без фокусов. Скажите, что я настаиваю на вашем присутствии, но больше никого быть не должно.

— Моем? Почему?

— Потому что вы американец и журналист. Гарднер не станет рисковать и устраивать засаду, чтобы вы не погибли под перекрестным огнем. Ему потом придется многое объяснять.

— Не думаю, что в Берлине жизнь журналиста имеет большую ценность.

— Не беспокойтесь на этот счет. Она имеет большую ценность. Вы сделаете ему предложение сегодня вечером, на банкете. Мне нужен точный ответ завтра. Определившись с местом и временем, направляйтесь в «Феминину», попросите позвать человека по фамилии Григорьев и передайте сообщение от вашего друга.

— Ничего я делать не намерен.

— Почему? — Тюльпанов выглядел ошеломленным.

— Не нужно втягивать меня в ваши игры. Я умываю руки, извините.

Он затушил сигарету и взглянул на меня с неподдельным любопытством зоолога, наткнув-

шегося на представителя ранее не известного науке вида.

— Уверены?

— Уверен.

— Это ваш окончательный ответ?

— Да.

— Вы мне обещали, разве не помните?

— В тот вечер вы обвели меня вокруг пальца. Мне следовало дважды подумать, прежде чем обещать вам что-либо, но я был уставшим и больным. Простите.

Мы встали. Тюльпанов выглядел таким разъяренным, словно был готов размозжить мне голову. Однако быстро взял себя в руки и надел фуражку.

— Я с вами свяжусь. Когда вы исполните мою просьбу и передадите сообщение в «Феминину», все вернется на круги своя. Теперь это в ваших руках.

— В каком смысле? Как свяжетесь?

Не утруждая себя ответом, он направился к двери. На верхней площадке лестницы добавил:

— Удачи вам сегодня с Белфордом.

7

Я прибыл к дому Амалии Шульц ровно в семь часов и, поднявшись на крыльцо, наполовину закрытое навесом из стекла и железа, нажал на кнопку звонка. Двухэтажное здание выглядело неповрежденным, как и все остальные на улице. Перед соседним домом стоял маленький черный «фольксваген» без колес, скорчившийся на тротуаре, точно умирающий пес.

Дверь приоткрылась. В образовавшейся щели я увидел сгорбленную, точно вопросительный знак, старушку и сказал ей, что ищу фрау Аннелизе Вагнер. Она велела обождать. Вскоре с лестничного пролета донеслись шаги, затем в дверях появилась невысокая женщина лет тридцати пяти и представилась как фрау Вагнер. Она повела меня на второй этаж. Поднимаясь по лестнице, я чувствовал на спине прожигающий взгляд старушки.

Мы вошли в маленькую старомодную гостиную, заставленную потрепанной мебелью и множеством безделушек, тускло освещенную люстрой на три лампочки, две из которых

отсутствовали. Я снял пальто, и фрау Вагнер пригласила меня сесть на диван, а себе поставила стул напротив. В углу комнаты высились напольные часы рядом с чем-то похожим на алтарь: деревянным распятием на стене, маленькой табуреткой и подставкой для коленопреклонения. Вагнер заметила направление моего взгляда и покраснела.

— Вроде бы эта квартира принадлежала недавно умершей тете фройляйн Шульц? — спросил я.

— Она завещала ее Амалии, но та еще не закончила оформление документов.

— Фрау Вагнер, когда вы видели свою соседку последний раз?

Женщина выпрямила спину, уголки губ слегка опустились, что мгновенно добавило еще пару лет ее явно не юному лицу. Под глазами у Аннелизе залегали темные круги.

— После вашего звонка я переговорила со своим начальством. Мне посоветовали не обсуждать с вами Амалию.

Я сделал вид, будто удивился.

— В самом деле? Почему?

Женщина была напугана, но храбрилась.

— Могу я взглянуть на ваши документы? — спросила она.

Я достал из кармана и протянул ей свое журналистское удостоверение. Она внимательно его изучила и заметила:

— По телефону вы назвались военным по фамилии Джонсон. Но теперь я вижу, что вы журналист Хубер.

— Если вам нечего скрывать, почему вы просто не ответите? Вопрос вполне невинный. Когда вы последний раз видели Амалию?

— Мне нельзя с вами разговаривать, — вновь сообщила фрау Вагнер, собравшись с духом.

Она нервно ерзала на стуле, теребя заклепки на подлокотниках. Я заметил на ее левом безымянном пальце бледный след и спросил, замужем ли она.

— Я вдова. Муж погиб на войне.

— У вас есть дети?

— Да, мальчик и девочка. Они за городом, у моих родителей.

— Где вы провели выходные после исчезновения Амалии?

— Как я и сказала, мне нечего сообщить вам об Амалии.

Я протянул ей папку с увеличенными снимками.

— Раз уж я здесь, взгляните, пожалуйста, на эти

фотографии.

— Что за фотографии?

— Это займет всего пару минут. Прошу вас.

Фрау Вагнер положила папку на колени, открыла и начала по очереди просматривать снимки. Сперва выражение на ее лице было отрешенным, словно она совершенно не осознавала, на что смотрит, затем с губ сорвался стон, она уронила фотографии на пол и закрыла лицо руками.

Я встал, собрал разлетевшиеся по ковру снимки и положил обратно в папку. Фрау Вагнер сквозь пальцы взирала на меня округлившимися глазами. Я сел и спросил:

— Вам не сказали, что с ней случилось, верно?

— Почему вы дали мне эти жуткие… жуткие…

— Они подтверждают смерть вашей подруги. Что бы вам ни наплели, правда такова: в тот вечер пятницы Амалию изнасиловали и убили. И поскольку тело спрятали, теперь ее даже нельзя похоронить должным образом.

Она покачала головой:

— Неправда! Вы лжете! Амалия уехала в Штутгарт!

— Вы видели фотографии. Ведь вы ее узнали? Вы солгали инспектору Бауэру, сказав, что общались с ней по телефону.

Вагнер ничего не ответила, отчаянно пытаясь взять себя в руки. Глубоко вздохнув, она вытерла слезы, махнула в направлении папки на диване и упрямо повторила:

— Вы лжете. Это… это существо не может быть Амалией.

— Тут она обычно молилась? — кивнул я на алтарь.

Фрау повернула голову и уставилась на распятие.

— Разве вам не все равно, кто с ней так поступил, фрау Вагнер? Ей был всего двадцать один год. И она носила под сердцем ребенка, если вы еще не знали.

Вагнер тихо рыдала, на этот раз не пряча лица. Ее голова начала поникать, пока подбородок не уперся в грудь. Переплетенные пальцы легли на колени.

— Знаю, вы напуганы, — утешал ее я. — Вполне естественно. Но со мной вы можете быть полностью откровенны. Обещаю, я ни при каких обстоятельствах никому не раскрою ваше имя как источника информации.

На несколько бесконечно долгих мгновений воцарилась тишина. На кресте над импровизированной скамьей застыл в агонии деревянный

Христос, старинные часы отсчитывали секунды, одну за другой, а Вагнер продолжала беззвучно плакать: слезы текли по лицу и капали на колени. С первого этажа послышался металлический скрежет, через несколько мгновений с лестничной клетки донесся запах жареного лука. С полки на меня рисованными глазками взирала фарфоровая кукла в нарядном зеленом платьице.

Наконец Вагнер достала из рукава носовой платок, высморкалась, утерла слезы и, не глядя на меня, начала рассказывать:

— Я знала, что у Амалии есть мужчина, поэтому не встревожилась, когда она не вернулась домой в тот вечер. Время от времени он забирал ее к себе. Последний раз я видела ее в пятницу. Они вместе ушли с работы около шести. В понедельник утром, не обнаружив ее в отделе, я спросила его о ней. Он выглядел очень встревоженным и велел мне взять выходной. Затем ко мне пришли из полиции, чтобы расспросить об Амалии, поскольку администрация подала заявление о ее пропаже. Неделю спустя он сказал, что Амалия в целости и сохранности в гостях у родственников в Штутгарте, дал мне номер телефона и попросил позвонить по нему. На том конце провода оказался полицейский инспектор. Я сообщила ему, что в

тот день разговаривала с Амалией по телефону.

— Кто вас просил это сделать? Дюплесси?

— Нет, — покачала она головой, — мужчина по фамилии Бернар. Правая рука Дюплесси, он заправляет всеми делами в отделе.

— Вы ему поверили? Когда он сказал, что Амалия в Штутгарте?

— Не знаю. Пожалуй. Или, может, просто отчаянно хотела верить. Бернар попросил меня сложить все вещи Амалии в чемодан, а потом приехал Марсель, шофер Дюплесси, и забрал их.

— Когда это было?

— Точно не помню. На прошлой неделе. Кажется, в пятницу. Или же в четверг.

— Почему Амалия приняла ухаживания Дюплесси?

Вагнер горько усмехнулась:

— Оглянитесь, герр Хубер! Она видела в этом мужчине рыцаря на белом коне, готового ее спасти. По крайней мере, так ей казалось. Кроме того, она мечтала уехать из страны, особенно из-за истории с семьей.

— Какой истории? Насколько я знаю, ее семья погибла в Дахау. Мне даже сказали, что Амалия доложила в гестапо о еврейской девочке, которую укрывали ее родители в Штутгарте.

— Вот видите, именно поэтому Амалия так отчаянно хотела уехать из Германии, — вздохнула Вагнер. — Все обвиняли ее в том, чего она не совершала!

— Она не была осведомительницей гестапо?

— Разумеется, нет! Она обожала родителей! А в младшей сестренке души не чаяла, разве Амалия могла так с ней поступить? Переехав сюда, в Берлин, чтобы позаботиться о тетушке, она познакомилась с новым духовником в церкви Святого Иосифа на Фридрихштрассе. Людвигом Шмиттом. Он завоевал ее доверие, и какое-то время спустя Амалия рассказала ему о Джудит, еврейской девочке, которую прятали ее родители. Их арестовали на следующий же день. Амалия не сомневалась: в гестапо доложил Шмитт, пусть даже ей не хотелось верить, что священник способен нарушить тайну исповеди. Все винили Амалию, но не тетя, та знала, что племянница скорее умерла бы, чем причинила вред родным.

— Почему Амалия не попыталась после войны вернуть свое доброе имя?

— Как? Отец Шмитт покинул город, свидетелей никаких не было, ничего не докажешь. И порой люди верят в то, во что хотят верить. Священнослужитель, доносящий на своих прихо-

жан, — весьма неприглядная правда, о которой лучше не знать.

— Вы в курсе, что Амалия была беременна?

— Да, она мне сказала. Бедняжка надеялась, что Дюплесси поступит как благородный мужчина и заберет ее с собой во Францию.

— Кто еще знал о ребенке, кроме вас и Дюплесси?

— Думаю, никто. Но погодите-ка… У нас есть французский врач. Герр Буше, Леонард Буше. Он осматривал ее несколько недель назад и подтвердил беременность.

А вот и информатор Тюльпанова: добропорядочный доктор Буше работает на Советы.

— Понятно. Пожалуйста, расскажите мне об Амалии. Какой она была?

— Ох, она была доброй и нежной, эта малышка! Как куколка. Весьма наивная в некоторых отношениях, но также очень стойкая. Ее старший брат Отто погиб в России в сорок третьем. И… — Она замолчала ненадолго и, глубоко вздохнув, продолжила: — Простите, герр Хубер, я не могу сейчас о ней говорить, тем более с вами. Ведь мы незнакомы.

— Ничего страшного.

Я записал свой адрес на визитке и отдал ей.

— Извините, фрау Вагнер, мне пора идти. Это мой берлинский адрес. Если что-нибудь случится или вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, смело обращайтесь.

Когда я подошел к двери, она спросила:

— Те фотографии, которые вы мне показали… они точно настоящие?

— К сожалению, да. Я сделал их тем вечером.

— Как она умерла?

— Вероятно, ее задушили.

— Ее убил он?

— Я так не думаю.

— Тогда кто?

— Это я и пытаюсь выяснить. Вы можете показать мне ее комнату? Хотелось бы взглянуть. Всего на пару минут.

— Хорошо.

Я вышел в коридор, Вагнер последовала за мной.

— Следующая дверь. Моя комната в конце коридора. Она больше, но Амалия боялась спать там, где умерла ее тетя, поскольку верила в привидений.

Она открыла дверь и нащупала выключатель на стене слева. Зажегся свет.

— Прошу.

Я ступил в комнатку, почти все пространство которой заполняли огромная старомодная кровать с балдахином, терракотовая печь и такой же огромный шкаф: открытые дверцы обнажали его пустоту. В углу стоял туалетный столик с зеркалом.

Личные вещи Амалии выглядели так, словно ее смерть совершенно лишила их смысла. Теперь они представляли собой лабиринт, нагромождение загадок, которые могли таить в себе истину о жизни девушки. Все эти предметы — огромный гобелен с изображением Иисуса на Елеонской горе, старинные ножницы, висевшее над кроватью распятие, маленькие серебряные четки на ночном столике — теперь они стали лишь ребусами.

Я попытался представить, как утром того дня Амалия просыпается, садится за туалетный столик и расчесывает перед зеркалом волосы, мечтая о материнстве и будущем во Франции, и не подозревает, что проживает свой последний день на земле. Однако перед мысленным взором застыла эта темная, холодная комната, в которой каждая вещица и каждый предмет мебели превратились в одну лишь хрупкую скорлупу, после того как их хозяйка покинула это место навсегда.

Поблагодарив Вагнер, я откланялся. У подно-

жия лестницы меня ждала старушка, окутанная ароматами кухни. Челюсть у нее двигалась так, словно она пережевывала огромную резинку.

— Мой муж погиб при пожаре, — сообщила она.

— Соболезную.

— Вы любите картофельный суп?

— Извините, но я не ем картошку. В детстве переел.

— Вас ждут на улице.

— Знаю, но все равно спасибо.

— Амалия ведь больше не вернется?

— Не думаю.

Наш автомобиль пересек границу британского сектора, проехал по широкому, обсаженному деревьями бульвару Курфюрстендамм с его ярко освещенными кафе и ресторанами, затем миновал остроконечную башню церкви Кайзера Вильгельма и наконец остановился перед отелем «Савой». Взглянув на часы, показывавшие десять минут девятого, я вышел из машины. Водитель, джи-ай из Ньюарка по имени Клиффорд, сообщил, что ему велели ждать меня на парковке.

Я неспешно выкурил сигарету, присматриваясь к гостям, которые стекались в отель отовсюду. Наконец появился Лейтон. Он тоже меня увидел

и подошел. На нас были одинаковые костюмы, и я невольно подумал, что мы похожи на пару неловких пингвинов человеческого роста.

— Так-так-так, только взгляните, кто тут у нас. — Он пригладил свою седую шевелюру, взъерошенную ледяным ветром.

— Рад вас видеть, — отозвался я.

— Холодина какая, идемте внутрь.

Мы поднялись по ступеням, устланным красной ковровой дорожкой, и вошли в огромный банкетный зал, украшенный праздничными флажками и разноцветными воздушными шарами. За тремя с лишним десятками высоких столиков уже толпились люди, их отражения мелькали на полированном мраморном полу. Большинство были офицерами, многих сопровождали жены, а не молодые немки, с которыми они кутили вне службы.

Подцепив двумя пальцами бокалы с шампанским, которые на серебряном подносе разносил официант в белых перчатках, мы с Лейтоном отошли в тихий уголок, откуда могли обозревать весь зал.

— Я здесь исключительно для того, чтобы взглянуть на Белфорда, — сообщил я.

— Призрака «Омахи»? — улыбнулся Лейтон.

— Ладно, возможно, он все-таки не призрак.

— Возможно?

— Я еще его не встретил.

— Идемте, поздороваемся с Селли, нашим мастером разведки. Я рассказал ему о вас.

Мы подошли к столику, за которым собрались три высокопоставленных офицера лет под сорок, все рослые и статные, с одинаковыми тоненькими усиками. Двое поздоровались и сразу же ушли, в то время как полковник Селли пылко пожал мне руку и представился. Он держал сигарету большим и указательным пальцами, как денди Эдвардианской эпохи, а на лбу у него виднелся бледный шрам. После краткого обмена любезностями он внезапно спросил меня:

— Скажите, Джейкоб, вы читали «Утопию» Томаса Мора?

— Ну-ну, старина, оставьте беднягу в покое, — вмешался Лейтон.

— Все в порядке, — возразил я. — Вообще-то, да, читал.

— Замечательно. И каково ваше мнение? Это шутливая фантазия? Или смелый проект по исправлению общественных недугов?

Я пожал плечами:

— Честно говоря, прочитав книгу в старших

классах, я не знал, что и думать.

Селли кивнул:

— Я лишь хотел услышать о вашем общем впечатлении. Вы помните, что на острове держали рабов?

— Верно. Кажется, преступников и всякий сброд.

— Не только. Некоторые добровольно соглашались на рабство, приехав на остров в поисках лучшей жизни. Я бы назвал это противоречием в терминах, Джейкоб: рабство в утопии.

— Согласен, похоже на противоречие.

— Впрочем, при более глубоком обдумывании, не совсем так. Позвольте объяснить…

— Ну вот, началось, — вздохнул Лейтон. — Мне нужен новый бокал.

— Когда создаете фантастический мир, — продолжал Селли, не обращая на него внимания, — вы, по сути, черпаете вдохновение из собственных грез, а значит, и из собственных страхов, ибо они сотканы из единого материала. Вот почему утопия одного человека может быть антиутопией другого. Как говорят китайцы, постель одна, да сны разные. Вы отправляетесь на поиски утопии, а в итоге соглашаетесь на жизнь в рабстве или в тюремной камере. Убежище легко

превращается в тюрьму, едва вы расплачиваетесь за него свободой.

— Зачем вы мне все это рассказываете, полковник?

— Потому что ему нравится выносить людям мозг, вот почему, — ответил за него Лейтон. — Как и вашему товарищу Гарднеру, который, кстати, вон там. Они одного поля ягодки.

— Не слушайте его, — бросил Селли и обвел зал рукой. — Я просто хочу объяснить вам, что здесь происходит. Наши собратья, янки, по одну сторону баррикад, и Советы — по другую, они изо всех сил пытаются построить собственные утопии на руинах рейха, в то время как немцы, насколько я могу судить, просто хотят забыть о войне и вернуться к жизни до появления Гитлера. Советские люди — фанатики: они считают, что построить коммунизм можно даже в такой стране, как Германия, с ее давними традициями милитаризма, консерватизма и частной собственности. Это их утопия. Американцы — яростные антифанатики: они хотят помешать русским и превратить Германию в оплот против них. Едва перестав сбрасывать бомбы на немецкие города, они ждут, что немцы в одночасье превратятся в их союзников и даже друзей, и все ради пресловутой

жвачки и банок тушенки. Суть в том, что, когда утопия одного человека становится антиутопией другого, противостояние почти неизбежно. А эта страна — шахматная доска, на которой противники разыгрывают ходы.

— Вы забыли о французах, — напомнил я.

— Не забыл. Они не относятся ни к фанатикам, ни к антифанатикам, а представляют собой отдельный лагерь. Назовем его лагерем циников. Они пытаются построить свою собственную маленькую утопию: уютный протекторат, населенный трудолюбивыми, благодарными немцами, готовыми на них работать. И похоже, вполне преуспевают.

— А как насчет вашего лагеря, сэр?

Селли затушил сигарету в пепельнице и сразу же закурил новую.

— Мы — лагерь реалистов или, по крайней мере, хотим себя таковыми считать. У нас есть свои, сугубо личные неурядицы в Индии, на Ближнем Востоке и в других точках, и рано или поздно нам понадобится помощь заокеанских друзей. К счастью, мы давно привыкли мыслить широко. Скоро всем придется выбирать, на чьей они стороне, но мы уже сделали свой выбор. Поберегитесь, приближается тяжелая артиллерия.

К столику со стаканом скотча в руке и сигаретой в уголке рта вальяжной походкой подплыл Гарднер.

— Надеюсь, вы, лимонники[21], не пытаетесь завербовать моего парня, — подмигнул он Селли.

— Как знать, — отозвался тот.

— Руки прочь! Джейкоб, в вашем приглашении мой стол. Девятый. Но сперва я хотел представить вас парочке знакомых.

Он схватил меня под локоть и повел в сторону. Я помахал на прощание Лейтону и Селли, которые ответили тем же и продолжили беседу.

— Чудесно смотритесь в смокинге, — отвесил комплимент Гарднер. — Прямо юный магнат.

— Спасибо. Где Белфорд? Я его еще не видел.

— Пожалуй, его не назовешь общительным парнем. Но Смит мне сказал, что для интервью все готово. В половине десятого зайдите в комнату двести один на втором этаже.

— Отлично, спасибо.

— А завтра мы организуем ваше возвращение в Штаты. Слышали, что на самом деле произошло с той девушкой? Всех переполошила, но хотя бы оказалась жива и здорова.

---

[21] Примечания: 21

Лимонники — прозвище британских моряков, которые для предотвращения цинги ели лаймы и лимоны.

— Не жива и не здорова. Вся история со Штутгартом — выдумка. Я почти не сомневаюсь, что Шульц изнасиловали в Митте, но ей удалось сбежать и перебраться в наш сектор. Там ее и убили. Вероятно, недалеко от дома, где я нашел тело.

— И кто же убил?

— Неизвестно.

— Отчего вы так убеждены, что она не в Штутгарте?

— У меня с собой фотографии, которые я сделал той ночью. Хотите на них взглянуть? Они в сумке, в машине.

— Нет-нет, не стоит. Не сейчас. Смотрите, генерал Клей.

Хор голосов в зале резко умолк, словно радиоприемник выдернули из розетки. На обтянутый голубым атласом подиум поднялся генерал и встал перед микрофоном.

После приветственной речи открылись две пары высоких дверей, гости хлынули в столовую и засуетились в поисках своих столов. Я попытался продолжить разговор с Гарднером, однако за нашим круглым столом собралась слишком большая компания, чтобы удержать его внимание. Я помалкивал, поглядывая на часы и слушая, как музыкант во фраке бренчит на белом рояле.

Позже Гарднер представил меня двум берлинцам за нашим столиком, подчеркнув мои немецкие корни. Первый, старик с благородными чертами лица и копной седых волос, был именитым хирургом, который теперь восстанавливал систему здравоохранения в городе. Второй, высокий и худощавый мужчина примерно того же возраста, стал новым директором Берлинского филармонического оркестра.

На лицах обоих читалась одинаковая смесь сдержанного удовольствия и вежливой грусти проигравших, вынужденных сидеть за одним столом с победителями. Никто не пытался давить на чувство вины берлинцев, хотя они явно ощущали себя на невидимой грани между темным прошлым и открывшимся неопределенным будущим.

В двадцать минут десятого я извинился, вернулся в уже почти опустевший парадный зал и поднялся по главной лестнице в широкий коридор второго этажа. Нужная комната оказалась первой слева. Я постучал и, не дождавшись ответа, провернул ручку и вошел.

В просторных апартаментах горел свет. Коридорчик вел в комнату с двумя удобными кожаными креслами и столиком посередине.

В дальнем конце находилась открытая дверь в спальню. На столе стояли графин с виски, два хрустальных бокала и вазочка с тающими кубиками льда. В пепельнице дымилась сигара — ее словно только-только оставили там. Я быстро заглянул в спальню, затем в ванную, но нигде не было ни души. Кто бы ни зажег эту сигару, он вышел через главную дверь.

Я бросился обратно в коридор и в дальнем конце заметил человека в форме, спешно шагавшего к лестнице.

— Эй! Майор Белфорд! — крикнул я, однако мужчина не обратил на меня внимания и спустился.

Я побежал за ним, но, когда добрался до подножия лестницы, ведущей в бальный зал, его и след простыл.

Я выкурил сигарету, затем вернулся за свой стол. Гарднер удивленно вскинул брови:

— Ну и ну, шустро же вы.

— Его там не было, — отозвался я и осушил стоявший передо мной нетронутый стакан виски, затем наполнил его вновь. — Если это был очередной розыгрыш, то совсем несмешной.

— Давайте выйдем.

Мы взяли с собой в парадный зал бокалы и сели

за один из высоких столиков. Прием подходил к концу, и самые нетерпеливые уже небольшими группками стекались в фойе.

— Что произошло? — спросил меня Гарднер.

— Белфорда там не было. Похоже, он ушел прямо перед моим появлением, или же кто-то обставил все так, чтобы создалось такое впечатление.

Гарднер нахмурился:

— Ничего не понимаю. Смит обещал, что он там будет. Правда.

Я закурил сигарету и сделал глоток виски.

— Знаете что? Забудьте. Я даже не знаю, существует ли Белфорд на самом деле. Но что я точно знаю, так это то, что мне надоели все эти игры и секреты. Пора возвращаться домой.

— Мне известно об Анне, — внезапно бросил Гарднер.

Его слова сразили меня, точно пуля, и я долго молча глядел на него.

— Что вы сказали?

— О вашей сестренке. Не сердитесь на меня, но после знакомства с вами Смит велел вас проверить. Досье пришло два дня назад. Вам было всего двенадцать. Вы пошли гулять с друзьями, и… В общем, видите ли, в полицейском отчете сказано,

что по возвращении домой вы обнаружили тело сестры точно в таком виде, как вы описали предполагаемое место преступления в Кройцберге. Она лежала в коридоре, обнаженная и…

Я попытался взять себя в руки.

— Я забыл завести наручные часы. Они остановились, из-за чего я опоздал на полчаса. Отец подарил мне эти часы всего за пару недель до случившегося, на день рождения, и я еще не привык с ними обращаться.

— Вас никто не обвиняет. Вы…

— Если бы даже я вернулся домой вовремя, все равно ничем не смог бы ей помочь. Меня бы тоже убили.

— Знаю, знаю! Суть в том, что…

— Послушайте! Амалию Шульц лишили жизни тем вечером при обстоятельствах, которые полиции еще предстоит выяснить. Вы знаете это не хуже меня. Она не уехала в Штутгарт, она мертва, и убийца или же убийцы сумели избавиться от тела. Я мог бы взять машину напрокат и поехать в Штутгарт, но зачем? Это все факты, но они не имеют никакого отношения к случившемуся с моей сестрой.

— Я просто…

— Поэтому меня сюда пригласили? Рассказать

о досье и выдать увиденное мной за галлюцинации?

Банкет завершился, и из дверей, словно из прорванной дамбы, в разных направлениях хлынул поток черных галстуков, зеленых, белых и синих мундиров.

— Простите, — Гарднер выставил перед собой ладони, точно сдаваясь невидимому врагу. — Я дал маху. Не нужно было упоминать о той трагедии. У вас есть все основания на меня злиться.

— Мне плевать! Можете засунуть мое досье себе в задницу. Не волнуйтесь, я уеду из города при первой же возможности. Спасибо за все, что вы для меня сделали, примите искреннюю благодарность, но я больше не желаю вас видеть.

— Ну же, приятель, не горячитесь. — Гарднер выглядел по-настоящему задетым.

— Прощайте.

— Я же сказал, это все Смит, не я!

Оставив его за столом одного, я забрал из гардероба свои вещи и вышел на улицу. На каждой ступеньке с красной дорожкой теперь лежало по маленькому сугробу. Ветер стих, и на землю падали мягкие пушистые хлопья, как в диснеевском мультфильме про Рождество.

Есть воспоминания, которые тревожат, но

затем отпускают, а бывают такие, что с дьявольской силой разрывают вас на части. Я вспомнил слова двух бродяг, когда их судили: они вошли в дом, потому что входная дверь была приоткрыта. Им мог попасться любой другой дом, поскольку они всего лишь искали еду, одежду и немного денег, чтобы уехать из города. И вероятно, никто не поверил, когда я сказал, что запер дверь, перед тем как пойти гулять.

Рядом, как черт из табакерки, возник Лейтон, и я вздрогнул.

— Вас подвезти домой? — предложил он.

— Нет, спасибо, — покачал я головой, — мне выделили машину с водителем.

— А что же интервью? Как прошло?

— Белфорд так и не объявился.

— Возможно, вы все же были правы: он призрак.

— Я уезжаю домой, поэтому, вероятно, мы больше не увидимся. Еще раз спасибо за все.

— Вы точно хотите уехать?

— Точно.

— Что ж, как знать, может статься, мы еще увидимся в лучшем месте и при лучших обстоятельствах. Мир тесен.

Мы пожали друг другу руки, он развернулся и

спустился по заснеженным ступенькам, но потом вновь подошел ко мне:

— Полагаю, вам уже все равно, но я слышал, что русские намерены арестовать этого вашего немецкого легавого, Бауэра.

— За что?

— Из-за случившегося на востоке, на границе Украины с Польшей, еще в сорок третьем. Подробностей не знаю. Селли завтра расскажет мне больше. Берегите себя.

Мне не терпелось вернуться домой и выбраться из костюма, в котором я ощущал себя шутом гороховым. Закурив, я отправился на парковку, где меня ждал парень из Ньюарка. В свете ближайшего фонаря машина выглядела так, словно ее покрыли блестящим слоем сахарной помадки.

Когда я забрался в салон, водитель взглянул на меня с любопытством:

— Все в порядке, сэр?

— Да, а что?

— Вы так бледны.

— В зале было душно.

Я дал ему сигарету, и он закурил.

— Вы воевали? — спросил я.

— Нет, меня перевели сюда полгода назад. А вы?

— Я учился в колледже.

— Что ж, пожалуй, нам обоим повезло. Один парень мне рассказывал, что его ранили в Арденнах и ему пришлось три дня лежать в собственных испражнениях и пить свою мочу, чтобы не умереть от жажды.

— Да, наверное, нам повезло.

8

На следующее утро я отправился в клуб для прессы, чтобы обратиться за помощью, и два часа спустя стал счастливым обладателем билета в один конец на британский пароход до Нью-Йорка, который выходил из Гамбурга через четыре дня. Тем же рейсом отбывали еще пара человек, и, поскольку в машине оставалось свободное место, они предложили довезти меня до Гамбурга бесплатно. Мы решили выехать из Берлина на день раньше — просто на всякий случай.

Рассчитавшись с хозяином квартиры, я сложил костюм и туфли от Смита обратно в коробку и отправился в Дом Америки, чтобы вернуть ему подарок вместе с бутылкой водки и икрой от Тюльпанова.

Однако перед отъездом я хотел еще раз повидаться с двумя людьми: с Марией и инспектором Бауэром. Поэтому сел на трамвай, затем на другой и в половине двенадцатого прибыл в полицейский участок. Дежурный за стойкой сообщил, что Бауэр взял отгул на пару дней. В обмен на пачку сигарет «Плейерс» он выдал мне адрес

инспектора. Словно по мановению волшебной палочки, прямо у участка остановилось такси, и через полчаса я уже подъезжал к трехэтажному многоквартирному дому из красного кирпича в Темпельхофе.

Бауэр жил на втором этаже, в конце коридора, заполненного различными звуками и запахами. Инспектор открыл дверь, мгновение рассматривал меня, затем жестом пригласил войти, не поинтересовавшись причинами моего визита. Я снял пальто, которое хозяин повесил на вешалку в прихожей, и мы направились в гостиную.

— Это вам, кофе и сахар, — сказал я.

Он молча взял подарки и отложил в сторону. Я оглядел комнату: в центре стоял стол на шесть персон, у двери — диван с двумя креслами в одном стиле, а под окном — стеклянный шкафчик, заполненный всякими безделушками. Учитывая страшный холод в помещении, терракотовая печь, видимо, служила лишь украшением.

Когда я сел на диван, Бауэр спросил:

— Чем могу быть полезен, герр Хубер?

— Я пришел попрощаться, инспектор. Послезавтра отбываю в Гамбург.

Бауэр сел за стол. Предложенную мной сигарету сунул в нагрудный карман рубашки.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Мне нужно рассказать вам кое-что еще.

Он взглянул на часы в стеклянном шкафу.

— Пора обедать. Моя жена любит есть в одно и то же время. Не желаете к нам присоединиться?

— Спасибо, я не голоден.

— Я тоже, но жену нужно покормить. Идемте. Поговорим, пока она ест.

Мы прошли на кухню, где за столом сидела женщина с белой как снег кожей, закутанная в одеяло, из-под которого выглядывал голубой ситцевый халат. Когда мы вошли, она не двинулась с места, ее взгляд оставался устремленным в пустоту. Каштановые волосы были тщательно причесаны и перевязаны красной лентой.

— Schatzi [22], у нас гости, — сообщил Бауэр. — Присаживайтесь, герр Хубер.

Я сел напротив женщины. Бауэр достал из буфета глубокую тарелку, налил супа из стоявшей на плите кастрюли и начал кормить жену из ложки, время от времени вытирая ей рот салфеткой. Совершенно отстраненная, она машинально глотала, словно не осознавая собственных действий, — на лице отсутствующее выражение,

---

[22] Примечания: 22

Милая *(нем.)*.

руки неподвижно лежат на коленях. Сквозь облака на небе пробился луч бледного солнца и на мгновение осветил лица мужа и жены, придав им вид двух неподвластных времени фигур с картин Караваджо.

— У нас было двое детей, — начал Бауэр, не глядя на меня. — Уолтер и Эдит. В тот день София повезла их к бабушке с дедушкой в Нойкёльн. Она одна пережила бомбежку, но с тех пор вот такая. Врачи говорят, что у нее поздний кататонический синдром, а на мой взгляд, она просто решила покинуть этот бренный мир. Еще говорят, она может прийти в себя завтра, а может — вообще никогда.

— Сочувствую.

— Я рад, что София выжила. Если честно, мне нравится о ней заботиться. Она по-прежнему моя жена, а не обуза, и я уверен: однажды она поправится.

В тот момент мне хотелось оказаться где угодно, только не там, в этой холодной кухоньке. Я не представлял, как сообщить Бауэру о том, что услышал от Лейтона. Наконец набрался смелости и сказал:

— Инспектор, мой друг упомянул, что вас разыскивают русские.

Бауэр оставил ложку в тарелке и вытер губы жены салфеткой.

— Ваш друг объяснил причину?

— Не вполне. Из-за чего-то, что произошло в Польше или на Украине три года назад.

— Понятно.

Он встал, положил тарелку в раковину и вновь сел за стол. Затем вытащил спичку, чиркнул и выпустил облако дыма, прикуривая сигарету, которую достал из нагрудного кармана.

— Вы не спросите, что там произошло?

— Я лишь хотел вас предупредить, — ответил я. — Но можете рассказать.

— Рассказывать особенно нечего. Я выполнял приказы. После поступления в военное училище в возрасте четырнадцати лет я всегда старался подчиняться приказам и отдавать свой долг родине. Три года назад нашу полицейскую бригаду отправили на задание: послужить буфером между враждующими украинскими националистами и польскими поселенцами, чтобы они друг друга не поубивали. Однако мы никак не могли остановить резню. Теперь, когда обе страны находятся под советским крылом, им удобнее винить во всем немцев.

— Хотите сказать, что не сделали ничего пло-

хого?

— Вовсе нет, — покачал головой Бауэр. — Герр Хубер, на войне вам приказывают только одно — убивать людей по той лишь причине, что они носят другую форму и считаются врагами. И вы убиваете, потому что привыкли выполнять приказы, не подвергая сомнению их моральные или даже юридические последствия. Однако я понял, что этот день настанет, едва вы пришли ко мне в участок. А затем вы узнали ту девушку на фотографии, и я почувствовал: грядут неприятности.

— Как продвигается расследование?

— Да, что касается расследования… После нашего разговора я попросил полицию Штутгарта проверить адрес, который дала мне женщина по телефону. Вы оказались правы, фройляйн Шульц никогда там не появлялась. Однако без трупа у меня руки связаны. Требование на допрос подполковника Дюплесси отклонили, и мне сообщили, что он скоро покинет Германию. И, как вы сами сказали, у меня осталось не так уж много времени.

— Русские не могут арестовать вас в американском секторе.

Бауэр заправил прядь волос жены за ухо, затем ласково погладил ее щеку тыльной стороной

кисти.

— О нет, могут. Они могут многое, поверьте. — Он встал. — Теперь ей пора вздремнуть. Извините.

Бауэр проводил меня до двери и пожал руку.

— Спасибо, что пришли, герр Хубер. Весьма благородный поступок. Хорошо, что вы скоро уезжаете.

— Как вы намерены поступить?

— Не знаю, — пожал плечами Бауэр. — Уехать из города не получится, тем более с женой. Ей нужен покой. И я не хочу всю жизнь бегать. Подожду и посмотрю, что будет. До свидания.

Когда я прибыл к Марии, небо уже заволокли тучи и полуразрушенные здания выглядели так, словно их окунули в чернильницу. Улица, как обычно, была пустой и тихой. Я долго стучал в дверь, однако никто так и не открыл. Мне оставалось лишь достать блокнот, написать короткую прощальную записку и просунуть ее под дверь. Уходя, я услышал зовущий меня голос и увидел женщину, которая, кутаясь в дубленку, махала мне рукой.

— Вы герр Хубер? — прошептала она.

— Да. Вы знаете, где Мария?

— Прошу, обождите здесь. — Она опасливо

огляделась. — Мне нужно вам кое-что передать.

Женщина вошла в дом и через несколько мгновений вернулась с маленьким коричневым конвертиком в руках, на котором красными чернилами было выведено мое имя. Внутри оказался лишь чистый лист бумаги.

— Кто вам его дал?

— Русские, которые забрали Марию сегодня утром, где-то часа три назад.

— Русские?

Женщина кивнула:

— Один из них попросил меня передать вам это, если вы заглянете.

— А Лиза? Ее тоже забрали?

— Нет, она со мной.

— Можно с ней поговорить?

— Вряд ли она согласится выйти на улицу, дитя очень напугано. Входите.

Женщина исчезла в глубине дома, а я остался ждать в коридоре у двери. Через пару минут она вернулась, ведя девчушку за руку.

— Лиза, — начал я, — ты меня помнишь?

Девочка кивнула и, вскинув головку, взглянула на меня с упреком. Я присел перед ней на корточки.

— Не волнуйся, мама скоро вернется. Обещаю.

Просто подожди здесь с этой милой тетей, она о тебе позаботится. Как поживает мальчик Карл, за которого ты хотела выйти замуж?

Лиза пожала плечами:

— Он ненастоящий. Я его выдумала. От вас пахнет сахаром.

Я поднялся и жестом пригласил женщину выйти со мной на улицу, где сунул ей в руку несколько купюр и пачку сигарет.

— В этом нет нужды, — проговорила она. — Я все равно о ней позабочусь.

— Как вас зовут?

— Мюллер.

— Фрау Мюллер, я постараюсь все исправить. Я точно знаю, как вернуть Марию. Это не займет много времени.

Она горестно покачала головой:

— Бедняжка столько всего пережила.

Я нашел ближайший отель и попытался дозвониться до Тюльпанова, но тщетно. Сперва я говорил по-английски, однако каждый раз русский диспетчер без слов обрывал связь. Затем перешел на немецкий — результат тот же. В конце концов я сдался. Но мне было известно, чего ждет от меня Тюльпанов.

Следующие несколько часов я гонялся за Гард-

нером по всему американскому сектору и только ближе к вечеру наконец нашел его в ресторане на втором этаже отеля в Штеглице, где он вместе с другими офицерами праздновал чей-то день рождения. Гарднер уже подвыпил, и потребовалось некоторое время на то, чтобы уговорить его на уединенную беседу в каком-нибудь тихом месте.

— Если вы переживаете, что я затаил на вас обиду, то не стоит, — заявил он. — Знаю, вы говорили не всерьез. Так что не нужно извиняться. Идемте выпьем по рюмочке.

— Я не извиняться пришел.

Выслушав мой рассказ о произошедшем с Марией, он разозлился:

— Советам запрещено производить аресты в нашем секторе! Сейчас же позвоню Смиту. И кажется, я велел вам держаться от русских подальше?

— Нет, Смит сможет разве что подать официальную жалобу, на рассмотрение которой уйдут дни или даже недели. Тем временем русские уволокут Марию глубже в свою зону или за пределы страны.

— Что же вы предлагаете?

— Вы должны согласиться на встречу с Тюльпановым, как он и просил.

— Ни за что! — нахмурился Гарднер. — Встретиться с крокодилом посреди его болота, предварительно не уведомив начальство и не получив одобрения? Отправиться туда без прикрытия? Вы, верно, спятили!

— Только так Марию отпустят.

— Давайте-ка сядем в баре на первом этаже и пораскинем мозгами. Не так-то все просто. Сперва нужно убедиться, что нет оснований ее задерживать. А если есть, надо выяснить, насколько все плохо.

— Не важно, какие основания, арест произвели незаконно, только это сейчас имеет значение. Ее не арестовали, а похитили.

— Согласно чему?

— Согласно закону, насколько я могу судить.

— Забудьте о законе! Мы в Берлине, помните?

— Мы обязаны что-то предпринять! Ее забрали из-за меня!

— И почему вас это заботит?

— Потому что заботит, вот почему!

Гарднер помешкал.

— Ладно, к черту! Позвоню кое-куда.

В последующие полчаса он висел на телефоне у барной стойки, опрокидывая в себя одну чашку кофе за другой, в то время как я расхаживал

взад-вперед по вестибюлю отеля, пытаясь придумать альтернативный план на случай, если Гарднер откажется встречаться с Тюльпановым. Я чувствовал, как лихорадка возвращается: голова раскалывалась, будто в черепе поселился бешеный дикобраз. Каждый входящий в отель или выходящий из него казался подозрительным, ведь последние несколько дней за мной следили.

Наконец Гарднер поманил меня к себе, и я уселся на табурет рядом с ним.

— Советы заявляют, что Мария Экхарт покинула их сектор и переехала в наш полгода назад без требуемого разрешения, — сообщил он. — Вы знали об этом?

— Ложь. До переезда в Кройцберг она жила в Целендорфе, он тоже в нашем секторе.

— Это она вам так сказала. Что, если она солгала?

— Не думаю. Как бы то ни было, не имеет значения. Это вовсе не простое совпадение, что Марию арестовали после того, как я отказался от просьбы Тюльпанова организовать встречу с вами. Он уже к ней заходил и велел присматривать за мной.

— Расскажите еще раз, о чем он вас просил.

— Договориться о встрече. На нейтральной

территории, во французском или британском секторе. Если вы согласитесь, я просто должен сообщить время и место.

— Сообщить кому?

— Какому-то типу по фамилии Григорьев, который работает в «Феминине».

— И все?

— Еще кое-что: на встрече должны быть только мы.

— Вы сказали «мы»?

— Он настаивал на моем присутствии.

— Почему?

Я затушил сигарету в переполненной пепельнице и закурил новую.

— Понятия не имею. Может, потому, что я журналист?

— Та женщина для вас что-то значит?

— Не уверен.

— Не уверены? Она ваша любовница? Вы в нее влюблены?

— Нет, ничего подобного.

Гарднер какое-то время вглядывался в мое лицо, и я распознал в капитане то же чувство, что и у Тюльпанова накануне: глубокое любопытство при взгляде на некоего зверька, о существовании которого прежде никто не знал.

— Вы просите меня рискнуть карьерой и, возможно, даже жизнью ради той, с кем едва знакомы, и при этом понятия не имеете, что она для вас значит? — подытожил он.

— Полагаю, мне небезразлична ее судьба, вот и все.

— Она немка, не забывайте.

— Немцы тоже люди.

— Эти люди, за которых вы ратуете, развязали войну, погубившую десятки миллионов жизней. Они отправляли невинных в концентрационные лагеря, заставляли их пахать до смерти, убивали в газовых камерах.

— Эти злодеяния совершали эсэсовцы.

— А где же были в то время остальные, на Луне? Что они сделали, чтобы их остановить?

— Возможно, их нельзя было остановить.

— Послушайте, я не верю в коллективную ответственность, но не верю и в коллективную невиновность. Вы понимаете, что если мы отправимся на встречу одни, без прикрытия, то на следующий же день можем оказаться в поезде до Москвы или даже хуже?

— Зачем это Советам?

— Затем, что я работаю в разведке. Или затем, что допущен к информации, которая их инте-

ресует, либо они лишь так думают. Или просто затем, чтобы иметь надежный рычаг давления на случай, если кого-то из их людей поймают на чем-то незаконном.

Гарднер был прав, аргументов в мою пользу не нашлось. Я мельком увидел наше отражение в зеркале за почти пустыми полками в баре, и возникло странное чувство, что, какой бы выбор ни сделал Гарднер, он навсегда изменит нашу жизнь.

— Вы журналист, — наконец сказал он. — У вас должны быть с собой ручка и бумага.

— Есть. — Я достал необходимое из кармана.

— В Шпандау, — сказал он, — в британском секторе, недалеко от нашей демаркационной линии, есть кофейня. Называется «Бергманн». Если русские выкинут какой-нибудь фортель, мы в одночасье перепрыгнем через забор. Завтра в два часа. Лучше встретиться средь бела дня. Я заеду за вами примерно в час. И захватите с собой пистолет.

— Спасибо.

— Не стоит. Я делаю это не для вас и тем более не для женщины, которую никогда даже не встречал. Как знать, может, Тюльпанов сообщит нечто важное.

Гарднер велел водителю отвезти меня в «Фемининну», и через полчаса я уже стоял перед клубом. На входе путь мне преградил охранник в форме и на ломаном немецком сказал, что в клубе проходит частное мероприятие, для которого требуется приглашение.

Я ответил, что у меня важное сообщение для Григорьева, и мужчина удивленно вскинул брови:

— Я не знать никаких Григорьев. Он здесь работать?

— Да, работает.

— Я его не знать. Вы должны уходить.

Перед рестораном остановилась большая черная «Волга», из нее вышли три высокопоставленных советских офицера и поднялись по ступенькам.

— Теперь уходить, — враждебно сказал мне охранник.

Я отступил, пропуская офицеров, и они прошли мимо, бросив на меня равнодушные взгляды.

— Я не уйду, пока не поговорю с Григорьевым. — Я достал из кармана удостоверение и показал охраннику. — Американец, журналист.

— Американец?

— Да. Мне необходимо поговорить с Григорье-

вым. Это важно, понимаете?

— Все в порядке, этот джентльмен со мной, — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулся. Мне улыбался маленький, почти лысый мужчина средних лет, одетый в смокинг и элегантное пальто.

— Вы, должно быть, герр Хубер?

— Верно.

— Пройдемте, пожалуйста.

Охранник немедленно отступил, пропуская нас, и мы вошли в вестибюль. Однако вместо того, чтобы пройти в главный зал, мужчина открыл дверь слева и жестом пригласил меня следовать за ним.

— Вы меня знаете? Мне нужно увидеться с Григорьевым, — сказал я, и мужчина кивнул:

— Я прекрасно знаю, зачем вы здесь, герр Хубер, не переживайте.

Мы поднялись на несколько лестничных пролетов и, повернув налево, прошли по тускло освещенному коридору, в конце которого располагалась красная дверь.

— Прошу, — сделал приглашающий жест коротышка.

Комнату освещал лишь огонь в мраморном камине, перед которым сидел мужчина в инва-

лидном кресле. На нем была голубая шелковая пижама, и он выглядел древнее египетских пирамид.

— Товарищ Григорьев, к вам человек, которого вы ждали. — Коротышка почтительно склонил голову, затем подвинул стул, приглашая меня садиться у камина.

Сняв пальто, я бросил его на пуфик и сел.

Григорьев, или как бы там по-настоящему ни звали старика, напоминал куклу вуду из костей и высушенной кожи. Испещренное темными пятнами лицо бороздили глубокие морщины. На почти безволосой макушке виднелся большой шрам, похожий на корявую алую букву. Из уголка рта стекала струйка слюны, поблескивающая на свету, подобно оставленному улиткой следу.

— Он ждал вашего сообщения, — сказал мне коротышка. — Прошу, герр Хубер.

— Вы уверены, что он поймет?

— Внешность обманчива. Разумеется, поймет.

В комнате было жарко, и у меня по спине уже бежали струйки пота.

— Герр Григорьев, мой друг согласился встретиться с вашим другом завтра, — начал я. — Время — два часа дня, место — кофейня под названием «Бергманн». Это в Шпандау, в британском

секторе.

Коротышка перевел послание на русский, Григорьев кивнул и что-то пробормотал.

— Товарищ Григорьев благодарит вас за помощь и спрашивает, сражались ли вы на войне.

— Нет, я учился в колледже. Вы уверены, что он понял послание?

— Конечно понял, не волнуйтесь.

Они обменялись еще парой фраз на русском, затем коротышка сказал мне:

— Товарищ Григорьев интересуется, чего вы боитесь больше всего на свете.

Опасаясь словом или делом скомпрометировать нашу договоренность и тем самым подписать Марии смертный приговор, я ответил как можно вежливее:

— Я лишь посыльный. Даже не знаю. Пожалуй, я боюсь змей.

Григорьев закрыл глаза, и на пару мгновений мне показалось, что он заснул. Наконец веки старика поднялись, он взглянул на коротышку и пробормотал несколько фраз.

— Товарищ Григорьев считает, что люди боятся одного и того же, а именно — смерти, потому что мы до сих пор не имеем ни малейшего представления о том, что происходит после, — перевел

коротышка. — Остальные страхи — лишь производные самого большого страха из всех. Однако, как бы парадоксально это ни звучало, вы начинаете жить по-настоящему, только поборов страх смерти. Нам пора идти. Товарищу Григорьеву нужно отдохнуть.

Мы покинули комнату и отправились обратно тем же путем.

— Что все это значило? — спросил я своего спутника, и он улыбнулся:

— Вы передали свое послание, герр Хубер. Теперь можете не сомневаться, что ваш друг и друг товарища Григорьева встретятся завтра в назначенное время в назначенном месте.

Водитель Гарднера отвез меня домой. Не успел я войти в здание, как откуда ни возьмись появился мужчина в форме и по-немецки попросил разрешения со мной поговорить. Уже стемнело, и мне с трудом удалось разглядеть его черты. Когда он закурил сигарету, я заметил на форме нашивку с французским флагом и именем: «Капитан Анри Бернар».

— Поговорить о чем? — спросил я.

— Полагаю, вы уже и сами догадались.

— Ладно. В таком случае не желаете зайти в дом?

Он покачал головой:

— Я на машине и знаю уютное местечко, где можно посидеть и спокойно пообщаться. Оно недалеко.

Я целый день ничего не ел и к тому времени едва держался на ногах.

— Не откажусь от ужина.

— Славно. Машина вон там.

Он сел за руль, и я, расположившись на пассажирском сиденье, заметил рядом с коробкой передач черепашку и спросил о ней у капитана.

— О, вы о Лоретте? — рассмеялся тот. — Я подобрал ее несколько часов назад на парковке у работы. У нее ласты и плоский панцирь, а значит, она, скорее всего, морская, и это только добавляет вопросов к ее загадочному появлению на парковке. Хочу выпустить ее в реку по дороге домой, иначе она закончит свою жизнь в виде декоративной пепельницы.

— Откуда вы знаете, что это самка?

— Загляните ей в глаза! Шучу, я понятия не имею, просто в старших классах у меня была подружка по имени Лоретта, которая походила на черепаху.

Тучи рассеялись, и на студеном небосводе показался полумесяц. Я посадил Лоретту себе на

колени и погладил указательным пальцем по головке.

— Полагаю, вы хотите обсудить со мной Амалию Шульц? — спросил я.

Капитан кивнул, глядя через ветровое стекло на дорогу впереди.

— Мне вчера позвонила Вагнер и сообщила о вашем визите. Вы ее напугали.

— Я лишь сказал ей правду.

— И в чем же она заключается?

— Фройляйн Шульц не в Штутгарте. Ее убили одиннадцать дней назад. Если хотите, могу показать вам фотографии, сделанные на месте преступления.

— Да, Вагнер упомянула некие фотографии, — вздохнул капитан.

— Это вы увезли тело той ночью?

Он оторвал глаза от дороги и возмущенно воззрился на меня:

— Как вы можете спрашивать о подобном? Я военный, а не преступник. Вы должны знать, что подполковник Дюплесси не имеет никакого отношения к случившемуся с той девушкой. Мы прибыли, — сообщил он, паркуясь на обочине. — Идемте.

Маленькое, почти пустое заведение пред-

ставляло собой нечто среднее между кафе и рестораном. Мы сели за столик рядом со стойкой, из-за которой вышел мужчина примерно моего возраста в изношенном черном костюме и завел с Бернаром веселую беседу по-французски. Когда он вернулся за стойку, мой спутник объяснил:

— Вильгельм работал у нас переводчиком до тех пор, пока пару месяцев назад мы не помогли ему открыть это заведение. Он принесет нам мясное рагу.

Капитан закурил французские сигареты «Голуаз» и выпустил клубы ароматного дыма. К нам подошла пожилая официантка с бутылкой красного вина и наполнила бокалы. Невольно я обратил внимание на сломанный нос Бернара и сильно выступающие надбровные дуги и полюбопытствовал, не был ли он прежде боксером.

— В детстве я занимался саватом, — ответил он. — Это французский бокс. Помимо перчаток также надевают специальные ботинки, чтобы можно было пнуть противника. Затем я перешел на обычный бокс и однажды даже выходил против Сердана. Но в конце концов сломал руку и мне пришлось закрыть эту главу своей жизни. — Он поднял бокал. — За здоровье!

— Никогда не слышал о боксере по фамилии

Сердан. Он чемпион Франции?

— А то. В среднем весе. И рано или поздно он нокаутирует вашего Тони Зейла[23]. Вот увидите.

— Где вы воевали?

— В пехотном полку. Мы несколько месяцев несли службу на линии Мажино, пока немцы не подкрались к нам сзади. Меня демобилизовали, я уехал в Лион и в сорок втором присоединился к Сопротивлению. Через год меня арестовали вместе с Муленом[24] и остальными. Оказалось, коммунисты сдали нас гестапо. Парочку наших, выживших в камере пыток, отправили сюда, в Германию.

— Вы здесь выучили немецкий?

— Нет, я из Эльзаса. Родители французы, но я выучил немецкий еще в детстве, общаясь с друзьями и соседями.

Официантка принесла рагу, и Бернар принялся за него с большим аппетитом, словно совсем позабыв обо мне. Я едва притронулся к своей тарелке, а он наконец очистил свою и заметил на

---

[23] Примечания: 23

Интересно, что в 1948 году Марсель Сердан действительно победил американского боксера Тони Зейла в поединке, после чего Зейл оставил бокс.

[24] Примечания: 24

Жан Мулен (1899–1943) — французский политический деятель, герой движения Сопротивления.

себе мой взгляд.

— Вы когда-нибудь были голодным? — спросил он. — Я имею в виду, по-настоящему голодным. Настолько, что готовы были съесть слона.

— Даже не знаю. Во время Великой депрессии нам пришлось довольно туго, но, наверное, не настолько, или же я был слишком юн, чтобы в полной мере ощутить лишения.

— Что ж, однажды почувствовав животный голод, вы уже никогда его не забудете. Никогда. Поверьте. По прибытии в Германию меня вместе с несколькими русскими военнопленными отправили работать на ферму в Саксонии. Нас все равно что держали в рабстве. Думаю, владелец фермы по имени Уолтер Кноп был сумасшедшим — и я не утрирую. Он потерял на войне двух сыновей, жена умерла от тифа — вот, скорее всего, и свихнулся. Он запирал нас на ночь в сарае и кормил объедками со стола. Мы ели кукурузные початки, кору деревьев, траву и даже жуков. Заключенного, который попытался бежать, загнали и застрелили в лесу, точно животное.

— Что стало с фермером после войны?

— Он всадил в себя пулю, когда узнал о приближении к деревне Красной армии. Русские сожгли ферму дотла, едва мы ушли оттуда свободными

людьми.

— Зачем вы привезли меня сюда, Бернар?

— Зовите меня Анри, пожалуйста.

— Хорошо, Анри. Так зачем? Я уезжаю из Германии послезавтра.

— Не знал. — Казалось, он испытал облегчение. — Думал, вы работаете над статьей об Амалии Шульц.

— Я никогда не писал о ней статью. Причина моего приезда — взять интервью у американского военного. Я совершенно случайно наткнулся на ее тело и начал задавать вопросы.

— Рад слышать. Я лишь хотел убедиться, что вы не станете смешивать имя моего начальника с грязью.

— Он соблазнил фройляйн Шульц, сделал ей ребенка, а затем выкинул из машины посреди ночи. Он бросил девушку прямиком в ад. Отвези он ее домой, она была бы сейчас жива.

Анри вздохнул и оперся локтями о стол.

— Откуда, черт возьми, ему было знать, что с ней произойдет? Откуда, скажите?

— Я забыл упомянуть, что Дюплесси выкинул ее в советском секторе во время комендантского часа. Не нужно иметь дара предвидения, чтобы догадаться о возможных последствиях.

— Ладно, он совершил ошибку. Но вы должны кое-что понять и, прошу, поверьте мне: он не имеет никакого отношения к тому, что случилось с ней после. Никакого.

— Где тело девушки?

— Откуда мне знать? Его нашли вы.

— Ладно, допустим, ваш начальник непричастен к случившемуся с Амалией Шульц после того, как он бросил ее в Митте. Но разве ему не хочется выяснить, кто изнасиловал и убил его возлюбленную? Почему он не попытался найти виновных?

— Разумеется, он пытался! Он велел мне заняться этим лично. К сожалению, ни мне, ни полиции не удалось ничего выяснить.

В кафе появился одноногий мужчина на костылях в старом плаще-палатке. Пожилая официантка спешно вышла из-за стойки, поцеловала его в щеку и помогла сесть.

— Если ваш начальник невиновен, как вы говорите, тогда зачем выдумал историю об отъезде девушки в Штутгарт? Почему попросил ее соседку солгать полиции?

— Чтобы приостановить расследование, которое рано или поздно привело бы к нему. Он хотел выиграть время, пока мы выясняем, что произо-

шло на самом деле. Видите, я с вами кристально честен. Разумеется, мои слова не для печати. Вы точно не будете писать обо всей этой истории?

— Об убийстве, вы хотите сказать? Именно так подобное называют во всем мире, на всех известных языках, включая немецкий. Убийство при отягчающих обстоятельствах.

— Вы утверждаете, что ее убили. Но не забывайте, тело так и не нашли.

— Ну вот опять… Мы возвращаемся к этому вновь и вновь. Я видел тело тем вечером и готов показать фотографии, если вы мне не верите.

— Я знаю про фотографии. Вагнер говорила, что они размытые, засвеченные. Она даже не уверена, что там Амалия.

— Ладно, давайте покончим с этим. Спасибо за ужин. И передайте своему начальнику, что я не собираюсь писать об убийстве. Он может спокойно возвращаться в «Феминину» и вновь напиваться до бесчувствия. Что касается меня, то я уезжаю домой.

С явным облегчением Бернар протянул мне визитку:

— Тут мой берлинский номер. Звоните в любое время. Как насчет интервью с Жаном Габеном? Могу договориться. Он будет в Берлине завтра.

— Кто это?

— Жан Габен? Вы никогда о нем не слышали? Это один из величайших актеров в мире! Не смотрели «Человека-зверя»? «Пепе ле Моко»?

— Я редко хожу в кино и, как уже упомянул, скоро уезжаю из города. Все равно спасибо. И еще один вопрос: есть ли у вас доктор по фамилии Буше?

— Да, он мой друг. А что? Вам нужно выписать лекарство?

— На вашем месте я бы расспросил его о советских друзьях. Но я не на вашем месте, так что это не мое дело.

Капитан недоверчиво уставился на меня, затем почесал нос, отвел взгляд и пробормотал что-то себе под нос по-французски.

— Вы уверены?

— Нет. Думаю, в таких вопросах никогда нельзя быть полностью уверенным.

— В любом случае спасибо.

— Пожалуйста.

Одноногий ел рагу — то же, что подали нам. Официантка наблюдала за ним, сидя рядом. В темном углу уединился лысый мужчина в очках, он разговаривал сам с собой перед пустой бутылкой, жестикулируя и хихикая.

Меня охватил жар, и я мечтал лишь о том, чтобы вернуться домой и хорошенько выспаться. Меня физически тошнило от того, что все, так или иначе связанные со смертью Амалии Шульц, пытаются умыть руки, как будто ее никогда и не существовало. Мне не терпелось оказаться за несколько тысяч миль от этого места.

Бернар оплатил счет, и мы направились к машине. Лоретта спряталась в своем панцире, маленьком желтовато-зеленом овале, и мне пришлось пересадить ее назад, прежде чем устроиться впереди. По дороге к моему дому мы с Бернаром не обмолвились ни словом, будто уже расстались и теперь оба по отдельности неслись через морозную ночь, отягощенные собственными мыслями, понимая, что наши пути вряд ли когда-нибудь вновь пересекутся.

9

Я проснулся рано, выпил кофе и начал собирать вещи, чтобы скоротать время. У меня закончился уголь, и в комнате стоял холод, тем не менее не имело смысла гоняться за новым мешком ради одного дня. Чтобы открыть окно, пришлось отколоть слой льда вокруг рамы.

Около десяти часов приехал хозяин с потенциальной арендаторшей. Ею была немка, на вид лет тридцати пяти, с крашеными волосами и в довольно открытом платье с оборками, которое делало ее похожей на путешественницу во времени, прибывшую из ревущих двадцатых. Зажав в густо накрашенных губах длинный мундштук для сигареты, она осмотрела квартиру, сантехнику на кухне и в туалете, затем расспросила меня о других жильцах. Она сообщила, что работает по ночам и у нее нет ни желания, ни терпения препираться с соседями. Я рассказал о пожилом мужчине снизу, и она ответила, что, видимо, старик долго не продержится, поэтому ни он ее не потревожит, ни она его. Узнав о моей национальности, она предложила встретиться позже,

чтобы подробнее обсудить удобства квартиры. Я ответил, что весь вечер занят, чем, кажется, ее разочаровал.

Когда они ушли, я лег на кровать и пролистал свои заметки в блокноте. Самое первое предложение, которое я записал по прибытии в город, гласило: «Тут холоднее, чем я ожидал. Угольный смрад въедается в кожу. В жизни не видел таких угрюмых физиономий».

Затем последовали заметки о первой запланированной встрече с Белфордом, через два дня после приезда.

Он должен был появиться в Доме Америки в пять часов, чтобы выступить с речью перед некоторыми военнослужащими и их командирами. Я приехал на полчаса раньше, выпил чашку кофе в баре, затем сел в задней части аудитории. Вскоре объявили, что из-за непредвиденных обстоятельств Белфорд приехать не сможет. Его сменил другой выступающий, майор Харрисон Сигал, который также участвовал в высадке в Нормандии, но в секторе «Юта-бич». После выступления я попросил Сигала уделить мне пару минут, мы пошли в бар и заказали напитки. Я сообщил майору о причине своего приезда в Берлин, и он бросил на меня довольно странный взгляд.

— Вы хотите взять интервью у Белфорда?

— Все верно.

— И поэтому проделали весь этот длинный путь из Штатов?

— Опять верно.

— Что ж, удачи вам.

— В каком смысле?

— Увидите. Не хочу портить вам сюрприз.

Перед уходом я спросил:

— Насколько плохо прошла высадка, сэр?

— Не для печати?

— Не для печати.

— Чудовищно! Если вас там не было, то можете считать себя счастливчиком. Накануне вечером Сопротивление должно было перерезать пути снабжения фрицев, но ничего не вышло. Десантники высадились не в том месте, и их истребляли пачками. Половина ребят с моего десантного корабля утонула, не добравшись до берега, потому что разведка просчиталась с глубиной моря в точке высадки. И при всем при этом «Юта» не идет ни в какое сравнение с «Омахой». Удачи вам с Белфордом.

Я закрыл блокнот и уставился в потолок, раздумывая об Амалии Шульц. Всплывет ли когда-нибудь правда о ее смерти? Скорее всего, нет,

учитывая, что Бауэра прижали к стенке и, похоже, никому, кроме меня, нет до Амалии дела.

Достав из чемодана папку с фотографиями, я еще раз просмотрел снимки в надежде заметить хоть какую-то ускользнувшую прежде деталь или зацепку, способную подсказать личность убийцы. Однако передо мной были лишь аморфные темные пятна и полосы света, которые теперь казались еще более размытыми и таинственными, чем прежде, подобно абстрактной картине, позволяющей зрителям увидеть все, что заблагорассудится.

Я сложил фотографии обратно в папку и спрятал ее под матрас вместе с негативами, затем достал пистолет, убедился, что он заряжен, и положил его на стол в кухне: пистолет походил на большого черного ядовитого жука, готового ужалить.

Гарднер заехал ровно в час дня и первым делом спросил, прихватил ли я с собой пистолет.

— Он здесь. — Я похлопал по сумке.

— Положите в карман. Вы левша?

— Да.

— Тогда положите в левый. И не забудьте снять с предохранителя. Кстати, отличное пальто.

Я последовал его указаниям.

— Послушайте, — продолжал Гарднер, — если мы попадем в ловушку и запахнет жареным, обязательно его используйте. Направьте на цель, кем бы она ни была, и нажмите на спусковой крючок. Не стойте в раздумьях. Обещаете, что так и сделаете?

— Постараюсь.

Мы проехали вглубь американского сектора, затем вильнули вправо в направлении британского. Разглядывая пейзаж за окном, я чувствовал, будто прибыл в город давным-давно, настолько давно, что успел свыкнуться с видом серого неба, серых руин, серых рек и серых людей.

— Вчера вечером, после того как я передал сообщение в клубе, у меня на пороге объявился француз, — сообщил я.

— Почему вы раньше не сказали? Какой француз?

— Офицер Бернар. Как я понял, правая рука Дюплесси. Он признался, что они выдумали всю эту историю со Штутгартом. Полиция проверила информацию и подтвердила, что Амалии там нет.

— Выдумали?

— Как я и сказал.

— И что с того?

— Я все равно уезжаю из города. Почему бы

вам просто не рассказать мне обо всем, что вы знаете?

Некоторое время Гарднер молчал, пристально вглядываясь в грязную, слякотную дорогу. Ледяной ветер разрывал облака на длинные клочья. Когда мы проезжали по мосту, река внизу выглядела так, будто отлита из свинца.

— Я уже рассказал вам все, что знаю, — наконец ответил Гарднер.

— Кто-то из наших каким-то образом причастен к смерти девушки?

— С чего вы взяли?

— Иначе вы не стали бы подыгрывать французам.

— Никому мы не подыгрываем. Местонахождение той девушки нас не касается, вот и все. Ничего бы не было, если бы вы не отправились к русским и не притащили их с собой в наш сектор.

— В каком смысле?

— Помните заметку в газете? Она все изменила. Мы запаниковали, поскольку, невзирая на правду, коммунисты сделают все возможное, чтобы свалить проблему на нас. Поэтому пришлось действовать.

— Проблему? Так вы называете произошедшее той ночью?

— Да ладно, приятель, перестаньте вести себя как святоша! Разве вы не видите, что поставлено на карту? Только вчера нашими врагами были фрицы и мы объединились с русскими, чтобы надрать им задницы. Теперь Германия — спящая красавица, и оба государства хотят стать ее принцами. Солдаты выполнили свой долг и выиграли войну. А сейчас политики грызутся из-за победы.

— Вы сказали, что пришлось действовать. Что вы подразумевали? — спросил я.

— Почему бы нам не сосредоточиться на текущей задаче? — ответил Гарднер. — Возможно, через полчаса мы оба будем мертвы.

— Ответьте мне на последний вопрос: вы знаете, кто ее убил?

— Нет, я не знаю, кто ее убил! Богом клянусь! Но почти не сомневаюсь, что перед смертью ее изнасиловали русские. Теперь счастливы? Мы поговорим об этом позже, обещаю. А пока давайте подумаем о гораздо более насущном вопросе — о предстоящей встрече.

Впереди появилась кольцевая дорога с клочком зелени посередине, а на другой стороне, между заброшенным двухэтажным домом и металлическим газетным киоском, стояло кафе «Бергманн». Часы показывали без десяти два. Гарднер припар-

ковался примерно в пятнадцати ярдах от кафе. По аллее под руку шагали две девушки, однако, завидев нас, резко развернулись и юркнули за угол.

Гарднер велел мне подождать у машины, а сам приблизился к киоску и перекинулся парой фраз с продавцом. Затем неспешно обошел кольцевую дорогу, заглянув в окна домов и в лица двух-трех случайных прохожих, кутавшихся в пальто. Не заметив нигде ничего подозрительного, он быстрым шагом вернулся к машине, снял пальто, оставшись в одном пиджаке, и велел мне сделать то же самое. Я сунул пистолет в карман пиджака, и мы убрали верхнюю одежду в машину.

— Я не увидел «Волгу», — сообщил Гарднер. — Вряд ли он приехал на трамвае.

— Может, его еще нет?

— Он уже внутри.

Мы вошли в кафе, и догадка Гарднера подтвердилась. Все столики оказались заняты, а за одним из них, между окном и облицованной коричневой плиткой печью, сидел Тюльпанов: в одиночестве, перед пустым стаканом и пепельницей. Он едва заметно махнул нам рукой и встал, показавшись мне еще выше и массивнее, чем прежде; от его бритой головы отражался бледный свет из окна. Он не улыбнулся нам в знак приветствия и не

попытался пожать руку, а лишь кивнул в сторону двух свободных стульев за своим столом.

Когда мы сели, Тюльпанов сухо спросил Гарднера по-немецки, что он будет пить.

— Прошу меня извинить, но мой немецкий весьма скуден, — отозвался тот по-английски.

— Уверен, мы с вами найдем общий язык, — ответил Тюльпанов тоже по-английски. — Спасибо, что пришли. А теперь, Джейкоб, если вы не возражаете, мне бы хотелось поговорить с нашим другом наедине.

Мы с Гарднером переглянулись.

— Вы сами настояли на моем присутствии, — возразил я.

— А теперь настаиваю, чтобы вы ненадолго удалились. Подождите снаружи, это не займет много времени.

— Джейкоб остается, — воспротивился Гарднер.

— Мы поговорим наедине, капитан. Я хотел сообщить вам нечто такое, что не предназначено для его ушей.

— Ни за что, — покачал головой Гарднер. — Он остается.

— Извините, но нет, остаться он никак не может, — повторил Тюльпанов. — Вы поймете, как

только узнаете, из-за чего я вас позвал.

— Это вы хотели встретиться. Я могу просто взять и уйти.

— Вы не стали бы прилагать столько усилий для того, чтобы сразу взять и уйти. Полагаю, вам интересно послушать мою историю.

— Что с Марией? — спросил я, пытаясь избежать назревающего бессмысленного противостояния.

— Она в безопасности, никто ее не трогал. Если мы с вашим товарищем сможем прийти к взаимопониманию, она будет дома уже через пару часов. Даю слово.

— В таком случае я не против подождать снаружи.

Капитан помешкал несколько мгновений, затем отдал мне ключи от машины:

— Если что-то пойдет не так, вы знаете, что делать.

— Все будет в порядке, — уверил его Тюльпанов. — У меня с собой секретное оружие Красной армии — бутылка водки. Мы выпьем по паре рюмок и немного поболтаем. И все. Не о чем тут беспокоиться.

Я вернулся к машине и надел пальто. Затем закурил и принялся ждать, прислонившись к

капоту и каждые двадцать секунд поглядывая на часы. В воздухе кружили редкие крошечные снежинки, и почти сразу холод пробрал меня до костей. Я достал из кармана пиджака пистолет и переложил обратно в пальто, где он тяжело повис, подобно гире.

Прошло десять минут. Я почуял неладное, когда из кафе вышли двое мужчин и огляделись: оба высокие, хорошо сложенные, в черных костюмах и пальто в тон, со шляпами в руках. Заметив меня, они надели шляпы и направились к машине. Я медленно сунул руку в карман пальто и обвил пальцами рукоятку пистолета. В горле мигом пересохло, стук сердца отдавался в ушах, и я задумался, хватит ли у меня мужества нажать на спусковой крючок.

— Где второй? — спросил один из мужчин по-английски с сильным акцентом.

Судя по тону, он привык отдавать приказы.

— Не понимаю, о чем вы, — ответил я.

Он указал на автомобиль:

— Где мужчина, который приехал сюда на этой машине?

— Я его не знаю.

— Несколько минут назад вы сидели за столиком в кафе с ним и еще одним человеком. Где

они?

Я молча таращился на них, словно язык проглотил. Поняв, что из меня ничего не вытянуть, мужчины вернулись в кафе. Заперев машину, я последовал за ними: они разговаривали с пожилым изможденным официантом.

Стол, за которым мы с Гарднером сидели с Тюльпановым, пустовал.

Мужчины в черном вылетели из кафе. Едва за ними захлопнулась дверь, я подошел к официанту и спросил по-немецки, что случилось с джентльменами за столом у печи.

— Эти двое задали мне тот же вопрос, — беспомощно развел руками он. — Я не заметил, когда они ушли. Они сидели там, а стоило мне отвернуться, их уже и след простыл. Они ничего не заказывали, но все равно оставили на столе деньги.

— Здесь есть запасной выход?

— Только туалет. Вон там.

Туалет находился в конце полутемного коридора: две тесные кабинки, для мужчин и для женщин, обе свободные. В обеих были окошки над бачком, однако слишком узкие, чтобы в них пролезли рослые мужчины. Я никак не мог не заметить Гарднера и Тюльпанова, если бы они

вышли из кафе. Они словно в воздухе растворились.

Порывшись в карманах, я выудил клочок бумаги с номером, по которому Гарднер велел звонить в случае необходимости, и бросился обратно в кафе, чтобы спросить официанта, есть ли там телефон. Его у них не оказалось, однако старик направил меня в небольшой отель неподалеку.

Я вернулся к машине и сел за руль. Местность была незнакомая, машина непривычная, и я прокатался минут двадцать, разыскивая нужное здание. Ушло еще некоторое время и пять долларов, чтобы выпросить у администратора разрешение позвонить, поскольку я не был постояльцем гостиницы. Наконец я добрался до аппарата, и женский голос на другом конце провода спросил, чем мне помочь.

— Капитан Роберт Гарднер велел позвонить по этому номеру в случае чрезвычайной ситуации, — сказал я.

— Ваше имя и звание?

— Я не военный, а журналист. Меня зовут Джейкоб Хубер.

— Немец?

— Нет, американец. Из Чикаго.

— Хубер?

— Да. — Я повторил фамилию по буквам.

— Подождите немного.

— Прошу вас, поторопитесь.

На счету была каждая минута. Я уже представлял себе Гарднера в наручниках и без сознания на заднем сиденье черной «Волги», мчащейся в направлении советского сектора. Тюльпанов заманил нас в мышеловку, использовав Марию вместо сыра.

Несколько мгновений спустя в трубке раздался резкий мужской голос и спросил меня, в чем дело. Я повторил сказанное диспетчеру.

— Гарднер, говорите? Боб Гарднер?

— Да. Мы оба были…

— Где вы сейчас?

— Что? Я в вестибюле отеля «Кац» в Шпандау, в британском секторе.

— Машина с вами?

— Да, снаружи. Что мне делать?

— Оставайтесь на месте. За вами приедут.

— Эй, послушайте. Ситуация…

— Позвольте повторить: никуда не уходите, если хотите остаться целым.

Он повесил трубку, и я задумался, что еще можно предпринять, кроме как набрать номер повторно в надежде попасть на кого-нибудь дру-

гого. В конце концов я вышел на улицу, чтобы запереть машину, и решил-таки подождать на диване в холле отеля. Висевшие на стене большие часы показывали 14:41.

Я просидел целый час — один из самых долгих часов в моей жизни. Неужели я был настолько наивен, чтобы вообразить, будто Тюльпанов сдержит слово? Вероятно, Мария уже сгинула во чреве левиафана, и теперь ее никак не вернуть. Я вспомнил, что у Гарднера две дочери: казалось, что я осиротил их собственными руками.

Несколько человек в гостиничной униформе, сгрудившись вокруг шипящего радиоприемника, слушали негромкий голос диктора. Зашла пара средних лет, взяла на стойке регистрации ключ и поднялась по лестнице, переговариваясь на каком-то славянском языке. Появился почтальон, передал администратору желтый конверт и исчез.

От радио отошла пожилая работница с парой недостающих зубов и предложила мне что-нибудь принести. Я заказал напиток. Еще через час, после выкуренной пачки сигарет и двух чашек суррогатного кофе, в холле наконец появился водитель Гарднера.

— Поехали, мистер Хубер, — сказал он. — От-

дайте мне ключи от машины, что стоит на улице, если вы не против.

Я протянул ему ключи и заговорил о произошедшем в кафе, однако он перебил:

— Успокойтесь, все в полном порядке. Идемте!

— Что значит «успокойтесь»? А как же капитан Гарднер?

— Он в полном порядке.

Мы вышли на улицу. Водитель, прежде чем сесть в машину, протер тряпкой ветровое стекло.

— В каком смысле он в порядке? — не унимался я. — Что произошло?

— С капитаном Гарднером все в полном порядке. Даже не знаю, как выразиться точнее, — ответил он, заводя двигатель. — Произошло небольшое недоразумение, вам не о чем беспокоиться. Куда вас отвезти? Домой?

— Я все еще хочу знать, что случилось.

— Капитан приглашает вас на завтрак в Дом Америки. В восемь. Полагаю, при встрече он все расскажет. Я заберу вас в семь тридцать, вас устроит? Знаю, завтра днем вы уезжаете из города.

— Устроит. Вы точно уверены, что с Гарднером все в порядке?

— Настолько уверен, насколько вообще возможно. Ах да, чуть не забыл! Он велел спросить, у вас ли пистолет, который он дал?

— Разумеется.

— Тогда, пожалуйста, отдайте его мне. И разрешение. Капитан Гарднер сказал, что в нем больше нет необходимости.

Я достал требуемое, и водитель попросил положить все в бардачок.

— Хотите, расскажу смешной анекдот? — предложил он. — Новобранец бестолково стоит посреди поля. Сержант ему кричит: «Не стой где попало! Вдруг еще раз попадет».

Он посмеялся, закуривая:

— Поняли? Еще раз попадет? Бомба то есть.

— Да-да, понял.

— Но вы не смеетесь. Что, не смешно? Сигаретку?

— Спасибо, но после этих двух часов смотреть не могу на сигареты. Хороший анекдот, но, пожалуй, у меня сейчас нет настроения смеяться.

— Не грустите, завтра вы уже окажетесь на пути домой. Откуда вы?

— Из Чикаго.

— Всего через две недели вы будете в уютной, чистой американской закусочной уплетать пиц-

цу со своей возлюбленной, а об этой дыре даже воспоминаний не останется. Я бы назвал вас счастливчиком.

10

Водитель высадил меня на углу, и оставшийся путь до дома я проделал пешком. Улицу окутал густой туман, а снег на тротуарах превратился в слякоть. На крыльце сидел замерзший Дитер — преследовавший меня однорукий мальчик со шрамом. Ему удалось раздобыть серое шерстяное пальто и черные ботинки, на два или три размера больше необходимого, однако на ногах были все те же шорты, из-под которых выглядывали синие от холода колени. При тусклом вечернем освещении он походил на маленькое привидение.

Мальчик печально взглянул на меня:

— Она мертва. Не знаю, что теперь делать.

— Кто мертв? Пойдем в дом. Я сделаю тебе чай.

Он покачал головой и встал. Английская булавка расстегнулась, и пустой рукав болтался у бедра.

— Пойдемте со мной, — настаивал мальчик. — Вам нужно ее увидеть.

— Куда?

— Это недалеко от фрау Экхарт. Мы можем дойти пешком.

У меня екнуло в груди.

— С ней что-то случилось? С фрау Экхарт?

— Нет.

— Ты сказал, что кто-то умер. Кто?

— Хельга. Женщина, которая обо мне заботилась. И ее дочь еще в норе. Мне страшно возвращаться туда одному, но там мои вещи, и мне больше некуда идти.

— В какой норе?

— Она так называла нашу берлогу.

Я вдруг вспомнил странную женщину, которая обратилась к Марии, когда мы вернулись с черного рынка; она спрашивала о своей дочери, судя по всему погибшей во время бомбежки.

— Ты про Хельгу, которая искала свою дочь? Она ее нашла?

Мальчик кивнул:

— Вот почему она попросила меня следить за вами с Марией. Увидев полицейских на улице, она испугалась, что они вновь отнимут у нее Ингу.

— Ее дочь живет там?

— Думаю, она тоже умерла.

Я глянул на часы.

— Мы еще успеем на трамвай. Подожди здесь, я сбегаю за фонариком. Вернусь через минуту.

Бросившись в свою комнату, я распахнул чемодан в поисках фонарика, который купил по приезде, поскольку в Берлине часто отключали электричество. Обнаружив его и проверив, что он работает, я сделал бутерброд и сунул в карман вместе с двумя последними шоколадками. Уже у самого выхода я вдруг осознал: что-то не так. Приподняв матрас, я не нашел папки с фотографиями и негативами. А вновь заглянув в чемодан, убедился: папка исчезла. Пока меня не было, в квартиру кто-то проник и забрал ее.

Дитер по-прежнему ждал внизу.

— Вот, перекуси.

Я дал ему бутерброд и шоколадки, и он проглотил их еще до того, как мы дошли до трамвайной остановки.

Дитер привел меня к развалинам в конце улицы, где жила Мария, примерно в двухстах ярдах от ее дома. Вероятно, некогда прекрасная вилла была полностью разрушена бомбардировками, однако обломки успели убрать, остались только фундамент, закопченные части стен да основание пола, доски которого растащили на дрова.

Туман сгустил сумерки, и мне пришлось включить фонарик.

— Ничего тут нет, — сказал я, оглядывая про-

странство.

— Следуйте за мной.

Дитер прошел по остаткам того, что когда-то было столовой, осторожно ступая по пластам льда и замерзшей грязи. Я последовал за ним, освещая путь. Вскоре он остановился и приподнял деревянный люк, спрятанный под истрепанным ковриком.

— Вот и нора.

Цементные ступени, вероятно, вели в подвал. Я спустился вслед за Дитером, ощущая себя так, словно вхожу в древний склеп. У подножия лестницы начинался кирпичный коридор.

— Здесь ты и живешь? — спросил я.

Дитер не ответил и устремился вперед, в глубины своего миниатюрного подземного царства, будто ребенок Харон без лодки.

В конце коридора находилась сводчатая комната с такими же голыми кирпичными стенами. В одном углу стоял высокий железный каркас, из которого вырвали деревянные полки, а пол почти полностью устилал всякий хлам, будто бы принесенный с помойки.

Дитер достал спичку и чиркнул о подошву ботинка. Когда он зажег свечу в банке, я заметил на полу у стены темное пятно, очертаниями на-

поминающее съежившегося человека. Я чуть не выронил фонарик: завернутая в лоскуты фигура походила на мумию. Половину лица скрывала военная фуражка, тем не менее я узнал женщину, которая говорила с Марией о своей пропавшей дочери. Не имело смысла проверять пульс: она явно скончалась и уже довольно давно.

— Это Хельга? — спросил я Дитера, и тот кивнул. — Когда она умерла?

— Не знаю точно. Ей было холодно, и я пытался ее согреть. Потом она замолчала.

— Нужно позвонить в полицию.

— Что со мной будет? Меня посадят в тюрьму?

— С чего бы? Ведь ты же не сделал ничего дурного?

— Нет. Она просто перестала отвечать, и я не знал, что делать.

— Не волнуйся, тебе подыщут дом. Тут все равно оставаться нельзя. Сколько ты здесь живешь?

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Разве у тебя нет семьи?

— Когда-то была. Последнее, что я помню, это как на наш дом падали бомбы, потом меня отвезли в больницу, но ее тоже разбомбили.

— Пойдем, нужно найти телефон. Сочувствую насчет Хельги. Она была тебе дорога.

— Разве вы не хотите увидеть Ингу?

— Кого?

— Ингу. Я вам о ней рассказывал.

Я провел фонариком по другой части комнаты.

— Здесь больше никого нет, Дитер. Фрау Экхарт говорила, что дочь Хельги погибла во время бомбежки.

— Она здесь, — покачал головой мальчик. — Но по-моему, тоже мертва. Идемте.

Он указал на полуразрушенный проход, который я сначала не заметил. Он вел в большую нишу, где кто-то сколотил кровать из снятой с петель двери, а сверху навалил матрас, одеяло и кучи тряпья. Сперва я решил, что ниша пустая, однако вскоре различил под одеялом фигуру, и у меня перехватило дыхание.

— Это она?

Дитер кивнул.

Собравшись с духом, я наклонился над кроватью и сдернул одеяло. Потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать: как и две недели назад, я смотрю на обнаженный труп Амалии Шульц. Вероятно, холод и недостаток кислорода замедлили разложение, поскольку тело не сильно изменилось, разве что кожа приобрела желтовато-оранжевый оттенок древней сло-

новой кости, отчего синяки и царапины стали менее заметны, словно сама смерть, подобно искусному гробовщику, пыталась скрыть ужас последних мгновений девушки на земле и того, что сотворили с ней собратья.

Я отпрянул и попятился в основную часть подвала. Фонарик выпал из рук, я его поднял и сел на корточки. После бесконечных поисков по карманам наконец нашел сигарету и закурил.

— Это не Инга. Что случилось с этой женщиной? Как она сюда попала?

Мальчик достал откуда-то ящик, сел на него и начал рассказывать:

— Хельга привела ее однажды ночью, недели три назад, счастливая от того, что наконец-то нашла дочь. Сказала, бедняжка была на улице, голая и избитая. Хельга поцеловала ее и пригласила сюда, только Инга была так напугана и растеряна, что не узнала собственную мать. Хельга лишь хотела ее согреть, поэтому закрыла лицо рукой, а когда Инга потеряла сознание, затащила ее в ближайший дом, чтобы найти воды. Но потом Хельгу испугал шум на улице, и она убежала. Затем появились вы. После вашего ухода Хельга вернулась в дом, принесла Ингу сюда и уложила в кровать. Несколько дней она с ней разговаривала

и пыталась накормить, только та не просыпалась и не ела. Хельга хотела отвести дочь к врачу, но побоялась, что полиция опять их разлучит, поэтому попросила меня следить за вами и фрау Экхарт, чтобы вы не привели полицию к нам. Потом Хельга умерла. Я не знал, что делать, вот и пришел к вам.

Я забыл про зажженную сигарету, она догорела до самого фильтра и обожгла мне пальцы. Выбросив ее, я закурил новую. Руки так сильно дрожали, что едва получилось совладать с зажигалкой.

— Ты поступил правильно, — сказал я Дитеру. — А теперь пойдем. Нужно вызвать полицию. Не бойся, никто тебя не обидит.

Мальчик заплакал:

— Она ведь все это время была мертва? Хельга ее убила.

— Идем, Дитер. Мы больше ничего не можем сделать.

— Это вовсе не Инга. Вы знаете, как ее зовут?

— Да. Ее звали Амалия. Амалия Шульц.

Мы поднялись по ступенькам и вышли на улицу.

— Извините, — дрожащим голосом проговорил Дитер. — Надо было сразу вам все рассказать.

— Ты не виноват.

— Тогда кто виноват?
— Не знаю.

Минуло десять вечера, когда полиция и судмедэксперт закончили работу и уехали с двумя трупами. Все это время я словно смотрел фильм, проецируемый на экран. Работники разных структур вокруг напоминали странных персонажей некой истории, суть которой до меня не доходила.

Позже какая-то женщина принесла большой чайник с чаем, одеяло и ломоть хлеба для Дитера. Понизив голос, словно опасаясь потревожить мертвых, мы разговаривали при свете фар, пили чай и курили. Позже за Дитером приехала машина, он что-то сонно пробормотал мне на прощание. Я успел сунуть в карман его пальто несколько купюр, прежде чем за ним закрылась дверца авто.

Когда все закончилось, я спросил у дежурного инспектора, слышал ли он что-нибудь о Бауэре.

— Он сейчас занимается бумажной работой, — уклончиво ответил тот. — Его проверяют. Опять. Все та же старая история: что ты делал или чего не делал во время войны и почему. Бауэра уже дважды изучали под микроскопом. Меня проверяли всего раз, осенью прошлого года, и то лишь

потому, что искали моего полного тезку.

— Вы что-то знаете о произошедшем на Украине в сорок третьем?

Он прокашлялся, прежде чем ответить.

— Туда на пять месяцев отправили два с лишним десятка берлинских полицейских. Они не были добровольцами, а исполняли приказ. Слава богу, я не попал в список. По возвращении никто из них особенно не распространялся о проведенной операции.

— Инспектор Бауэр сказал, что они не участвовали в резне.

Мужчина отвел взгляд.

— На войне происходят жуткие события, герр Хубер. По-настоящему жуткие, которые не должны происходить никогда. Но если в военное время вы носите форму, то находитесь между молотом и наковальней. Большинство сейчас сожалеют о том, что делало, однако тогда все виделось иначе.

Настала ночь, тем не менее я не мог не проверить, освободили ли Марию, особенно находясь так близко от ее дома. По дороге я обдумывал план действий на случай, если Гарднер и Тюльпанов не договорились и ее не выпустили из-под ареста. Однако я все еще не отошел от потрясения, чтобы

мыслить здраво.

Я постучал и вскоре услышал шаги: кто-то спустился по лестнице и остановился по другую сторону двери.

— Мария? Это Джейкоб.

Дверь открылась, и в проеме показалась Лиза, закутанная в нечто вроде миниатюрного халата, со свечой в руках.

— Здравствуйте.

— Привет, Лиза. Где мама?

— Наверху. Спит.

— С ней все в порядке?

— Да, но она устала. Сказала, что не могла уснуть вчера ночью. Разбудить ее и сказать, что вы пришли?

— Нет, пусть поспит.

Я достал из кармана фонарик и протянул девочке:

— Вот, это тебе. Он мне больше не нужен.

Она приняла подарок и пару раз щелкнула выключателем, прежде чем задуть свечу.

— Работает. Спасибо. Если придете завтра, я сделаю вам чай. Мама меня научила.

— Я бы с удовольствием, но завтра я уезжаю. Мне хотелось попрощаться с вами.

— Значит, мы больше не увидимся?

— Как знать.

— До свидания. Я пойду спать.

— До свидания, Лиза. Не забудь запереть дверь. Береги себя.

Водитель заехал за мной ровно в семь тридцать и повез в Дом Америки по подмерзшей за ночь слякоти, от которой дорога превратилась в каток. Солнце еще не встало, над нами висело свинцовое небо.

— Вы не очень-то разговорчивы, — заметил водитель. — Не выспались?

— Долгая история.

— Клопы замучили? Пару месяцев назад и у нас завелись, я глаз не мог сомкнуть. Протрите каркас кровати бензином. Впрочем, вам уже ни к чему, ведь вы скоро уезжаете.

Гарднер ждал меня в баре на первом этаже, где мы познакомились со Смитом. И вновь возникло странное ощущение, что это знакомство произошло давным-давно, в какой-то другой жизни. Он ел яичницу-болтунью и, увидев меня, встал.

— Рад, что вы пришли.

Я сел за стол, и он спросил, что мне заказать.

— Здесь прекрасно готовят яйца бенедикт.

— Мне только кофе, спасибо.

— Вам нужно подкрепиться. День предстоит

долгий. До Гамбурга больше двухсот миль, и надвигается сильная буря.

— У меня будет целый день отдыха. Корабль отплывает завтра утром.

Официант принес мне кофе и убрал со стола.

— Слышал о случившемся прошлым вечером, — начал Гарднер. — Ужасно, не правда ли? Расскажите подробнее.

— Вы первый. — Я закурил. — Как вам удалось вчера провернуть тот фокус с исчезновением?

— За нами следили какие-то парни.

— Я их видел. Русские?

— Нет. Не русские и не американцы.

— Тогда кто?

— Не знаю, — пожал плечами Гарднер. — Может, французы. Но какая разница? Им был нужен Тюльпанов, не я.

— Но как вы оттуда вышли? Я все время наблюдал за входом.

— Не случайно я выбрал то место, — подмигнул он. — До того как Красная армия прорвала немецкую оборону и зашла в город, люди сооружали всевозможные укрытия. Я знал о тайном ходе между кафе и туалетами.

— Вы меня до смерти напугали. Я думал, вы либо мертвы, либо уже на полпути в Москву.

Гарднер рассмеялся:

— От выброса адреналина еще никто не умирал, Джейк! Вот вернетесь домой и будете скучать по приключениям.

— Вы раньше не называли меня Джейком.

— Вы раньше не казались мне Джейком.

— Чего он хотел? Тюльпанов то есть.

Гарднер поколебался несколько мгновений.

— Ладно, расскажу вам, почему бы нет? Вы наверняка не проболтаетесь.

— Даю слово.

— Его отец сильно болен. Эндокардит.

Мои тело и сознание оцепенели, я едва поспевал за рассказом. Допив кофе, сделал знак официанту принести еще чашку. Перед глазами застыло воспоминание о трупах, окоченевших в грязном подвале, на него наложился образ бедного мальчика-калеки, брошенного наедине с липкой тьмой, холодом, грязью и смертью.

— У старика еще есть надежда, если он пройдет лечение в хорошей больнице, где ему дадут ударную дозу пенициллина, — продолжал Гарднер. — Сейчас он в Целендорфе, я отвез его туда вчера под немецким именем.

— Что Тюльпанов дал вам взамен?

— Ничего. Зовите это профессиональной веж-

ливостью.

— Не верю. Так поступать не в его стиле. И не в вашем тоже.

Гарднер ухмыльнулся:

— Да, уроки Берлина не пропали даром. Ладно, он в самом деле дал мне кое-что взамен. Но это должно остаться между ним и мной.

— Какого рода «кое-что»?

— Информацию, что же еще? Это золото нашего ремесла. Отличный увесистый самородок информации. А теперь расскажите мне о девушке.

— Вы сказали, что все знаете.

— Меня разбудили аж в пять утра, чтобы об этом доложить. Но хорошо, что все наконец разрешилось. С самого начала эта история была сплошной головной болью.

— Вчера днем, пока я был с вами, в мою квартиру вломились и украли фотографии трупа вместе с негативами. Вам об этом что-нибудь известно?

— И вы думаете на нас? — покачал головой Гарднер. — Зачем нам это?

— Если не вы, так кто-то другой. Кто боится, что фотографии будут мелькать во всех газетах.

Он огляделся и сказал:

— Следуйте за мной. Можете взять кофе с собой.

— Следовать куда?

— В более укромное местечко.

Взяв чашки, мы поднялись на второй этаж и прошли по коридору с дверьми по обе стороны. Гарднер достал из кармана ключ и отпер одну из дверей, ведущую в помещение, похожее на конференц-зал. Посредине на гладком, отполированном до блеска полу — длинный массивный стол с кожаными креслами по обе стороны. В дальнем конце у одного из больших окон — деревянный подиум. На белых стенах в рамках — фотографии выдающихся военных деятелей, в центре — портрет президента Трумэна чуть большего размера.

Гарднер опустился в кожаное кресло, облокотился о стол и пригласил меня сесть напротив.

— Что это за место? — спросил я.

— Логово, где мужчина может уединиться, не беспокоясь о том, что ему кто-то помешает. Кабинет проверяют на жучки каждый божий день. Вам должно быть лестно: кажется, сюда еще не ступала нога гражданского.

— Мне по-прежнему непонятно: если наши ребята не имеют никакого отношения к случившемуся с Амалией Шульц, то зачем вы пытались замести следы?

— Почему вы так говорите? Ничего мы не пытались замести.

— Да ладно вам!

— Я серьезно. Мы лишь всеми силами старались разрулить ситуацию, над которой теряли власть и которая грозила взрывом прямо у нас под ногами. Из-за вас, между прочим.

— Из-за меня? Каким же образом?

— Потому что в ту ночь вам взбрело в голову обратиться к русским, вместо того чтобы немедленно позвонить мне.

— Я к ним не обращался. Меня задержали.

— Я и не говорю, что вы виноваты. Просто если русские ищейки возьмут след, то будут рыть носом землю до самой преисподней.

— И что с того? Мы ничего не сделали.

— Ну, есть одна мелочь, о которой вы еще не в курсе.

— Рассказывайте. Я слушаю.

Он достал из нагрудного кармана сигару и ногтями сорвал обертку.

— Не знал, что вы курите, — заметил я.

— Раз в сто лет. — Он похлопал по карманам. — Не одолжите зажигалку?

Закурив, он сразу закашлялся.

— Будь я проклят! И как Смит это курит? — Он

пошарил на полке под столом и вытащил пепельницу. — Что ж, давайте вернемся к моменту совершения преступления. Теперь подумайте о хронологии событий.

— Я знаю наверняка только о двух фактах. Во-первых, примерно в восемь — восемь тридцать Дюплесси вышвырнул Амалию из машины в Митте, в советском секторе. Во-вторых, я обнаружил ее тело в нашем секторе в десять двадцать, однако она была мертва уже около часа, потому что ее видела Лиза Экхарт. Получается, Амалия умерла где-то между девятью и половиной десятого.

— Вы забыли упомянуть еще три факта. Где-то между восемью часами и убийством девушку изнасиловали. После этого она босиком прошла достаточно далеко, чтобы поранить ноги, как вы сразу же правильно подметили. Также на ее ступнях отпечаталась флуоресцентная краска, а значит, она пересекла демаркационную линию из советского сектора в наш, что от вас тоже не укрылось.

— Я говорил только о временных рамках.

— И я, — кивнул Гарднер. — Вы не знакомы с городом, поэтому не можете правильно оценить ситуацию. Повторяю, в восемь Шульц все еще

была в Митте. У нее бы не получилось всего за час дойти оттуда босиком до того места в Кройцберге, где вы ее обнаружили. На это ушло бы не менее двух часов, и это без учета насилия и избиения.

Я попытался собраться с мыслями и вставить новый фрагмент головоломки в нужное место.

— Как же она туда попала?

Гарднер погасил сигару в пепельнице и отхлебнул кофе.

— Ладно, сдаюсь. На вкус и запах все равно что дохлый скунс. Как она туда попала? На машине, разумеется.

— На какой машине?

— На одной из наших. Патруль увидел ее недалеко от моста и подобрал — сразу после того, как она пересекла демаркационную линию.

— И что произошло потом?

Гарднер пожал плечами.

— Согласно отчету наших, они обнаружили Шульц обнаженную и избитую до полусмерти, укрыли полотенцем, положили на заднее сиденье машины и повезли в больницу. Она была в шоке и не могла ни имени своего назвать, ни объяснить, что произошло. По дороге, все еще в Кройцберге, она на ходу выскочила из джипа и скрылась в переулке, ее не успели поймать. В конце смены, в

три часа ночи, патруль доложил о случившемся, вернулся в казармы и лег спать. На следующее утро та газетенка скинула на нас бомбу: статью о юной немке, которую изнасиловали и убили в нашем секторе, и журналист недвусмысленно намекал на то, что за злодеяниями стоят американские солдаты. Русские отреагировали быстро, перебросив дело на нашу территорию.

В моей голове забрезжило понимание.

— То есть, не зная, что точно произошло, вы запаниковали?

— Да, — кивнул Гарднер. — Кто она такая, что с ней случилось и как она вообще оказалась на нашей территории? С другой стороны, вскоре французы узнали, что девушка была любовницей одного из их высокопоставленных военных, что в тот вечер он водил ее в ресторан, где пару могли видеть множество людей, и что он бросил ее в советском секторе. Русские, вероятно, тоже знали, что их солдаты ее изнасиловали, хотя и, судя по всему, не убили. В то же время, согласно отчету, наш патруль подобрал жертву в нашем секторе непосредственно перед ее смертью. Мы не знали, что она пришла от русских.

Я закурил. Все эти суровые мужчины с фотографий, люди, которые выиграли самую жестокую

войну в истории человечества, теперь взирали на меня сверху вниз, словно присяжные на свидетеля. Вот только в этом воображаемом зале суда не было ни судьи, ни прокурора, а заседание закончилось, не успев начаться.

— Ладно, — начал я. — Обстоятельства смерти Шульц были неизвестны, как и то, причастны ли к ее гибели наши парни, и если да, то в какой степени. Все это я понимаю. Чего я не могу понять, так это вашего поведения позже. Произошло убийство. Точка. Девушку изнасиловали и в конце концов убили. Нужно задержать и привлечь к ответственности виновных, кем бы они ни были, нашими или нет. И для этого вам следовало просто позволить немецкой полиции выполнять свои обязанности.

— Не все было так просто, — ответил Гарднер, — особенно после того, как русские сделали первый шаг, опубликовав чертову заметку, а затем натравили вас на Дюплесси. Сперва мы хотели убедиться, что наши парни говорят правду и непричастны к случившемуся с девушкой в нашем секторе. Их допрашивали все выходные, пока мы не удостоверились, что они не лгут. Потом оставалось неясным, что случилось с телом.

— То есть вы подозревали друг друга в убийстве

и сокрытии тела?

— Вроде того. Затем, пока вы лежали в больнице, после вашего разговора с Тюльпановым в «Феминине» и засады на Дюплесси, на нас надавили французы. Они даже выдвинули теорию, будто мы работаем на советские спецслужбы и выдумали всю историю, чтобы скомпрометировать послевоенную конференцию в Париже. Вот и получается, что нам пришлось разобраться с парочкой неприятных вопросов, прежде чем занять какую бы то ни было позицию.

— Вы знали, что французы выдумали историю со Штутгартом?

— Ну, честно говоря, она казалась несколько притянутой за уши, но не выходила за рамки возможного.

— Особенно после того, как вы узнали о моей сестре и заподозрили у меня галлюцинации.

— Я уже за это извинился.

— Для всех вас убийство девушки было обузой, которую каждый пытается свалить на другого. Ей было всего девять, когда Гитлер пришел к власти. Война и так разрушила то, что должно было стать лучшими годами ее жизни. Даже церковь предала Амалию, и вся ее семья погибла в концлагере из-за доноса духовника. А потом

какой-то тип, который годился ей в отцы, один из «освободителей», как мы до сих пор любим себя называть, вышвырнул ее из машины прямо в объятия других «освободителей». И в итоге все вышли сухими из воды.

— Ее убила та сумасшедшая, забыли? Теперь она тоже мертва.

— А как Амалия к ней попала? Разве вся эта череда злоключений, которая привела ее туда, не имеет значения?

Гарднер вздохнул:

— Французы организуют Шульц достойные похороны. Мы знаем, что она была католичкой. Езжайте домой, Джейк. Все кончено.

— Перестаньте меня так называть. — Я затушил сигарету в пепельнице и встал. — Спасибо за все.

— Не спешите уходить. У меня для вас последний сюрприз.

— Мне закрыть глаза и загадать желание?

— Я серьезно. Забыли об интервью с Белфордом? Вы не уедете из Берлина с пустыми руками. Он ждет в столовой. Я вас провожу.

Досадно. Мне так осточертело это место, что сложно было сосредоточиться на интервью. Однажды отец сказал: хорошие события обычно случаются слишком поздно, да еще и при

обстоятельствах, совершенно отличных от тех, которые вы себе представляли. Тем не менее я не мог отказаться от встречи с героем «Омахи-бич», учитывая, что он был единственной причиной моего приезда в Берлин.

Гарднер проводил меня в столовую, в коридоре перед входом мы пожали друг другу руки и попрощались. Он пообещал мне позвонить, когда вернется в Чикаго, а я сделал вид, что поверил. Затем он ушел, а я выкурил еще одну сигарету, прежде чем войти. В голове было пусто.

Столовая представляла собой большое помещение с крашеными светло-зелеными стенами. Слева стоял прилавок, а посередине с десяток столов. Только два были заняты: за одним сидела группа из трех офицеров, за другим — мужчина в форме, который внимательно изучал напечатанное на большом листе картона меню. Он не поднял глаз, когда я остановился рядом. Я прокашлялся и спросил разрешения сесть.

Наконец он взглянул на меня с растерянным выражением лица.

— Майор Белфорд?

В ответ он лишь указал на нашивку с именем и кивнул.

— Джейкоб Хубер из «Чикаго трибьюн», —

отрекомендовался я. — Рад наконец-то с вами встретиться.

— Хубер, говорите?

— Да. Капитан Гарднер подсказал, где вас найти.

— Вы немец, Хубер?

— Нет, сэр. Американец. Из Чикаго.

— Ах да, вспомнил. Мы должны были встретиться три недели назад. Прошу, садитесь.

Я сел, и он спросил, что мне заказать.

— То же, что и вам.

— Хороший выбор, — улыбнулся он и продолжил изучать меню.

Тем временем я положил на стол новенький блокнот и ручку. Майор оказался ниже и худощавее, чем я ожидал, весьма бледный, с седеющими волосами и темными кругами под глазами, а его форме не помешала бы глажка. Образ не вполне соответствовал герою войны. Я также заметил грязное пятнышко у козырька на фуражке, лежащей на столе.

Офицеры за соседним столом со смехом обсуждали комедию, которую посмотрели накануне вечером в кинотеатре. Официант принес графин с водой. У меня возникло ощущение, словно столовая — корабль-призрак, дрейфующий по

бескрайнему океану.

— Сегодня я уезжаю, — сообщил я, — поэтому у меня мало времени.

— Рад за вас, — ответил Белфорд, не отрываясь от меню. — Думаю, я возьму…

— Почему вы так долго меня избегали, сэр?

Он озадаченно вскинул брови:

— Что?

— Вы избегаете меня с самого моего приезда. Мы должны были встретиться четыре или пять раз, но вы так и не пришли. Почему?

— Я был занят.

— Чем же? Собственно говоря, это мой первый вопрос. Почему вы не вернулись в Америку со своим подразделением год назад?

— Вам не понять.

— Возможно, ведь я не высаживался на «Омаха-бич». Но именно поэтому я здесь, чтобы попробовать все разъяснить как для себя, так и для моих читателей.

— Говорю же, вам не понять. К тому же нечего тут особо понимать. Мы сражались на войне, и теперь она закончилась. Мы победили.

— Я в этом больше не уверен.

Белфорд пропустил мои слова мимо ушей, отложил меню и подозвал рукой официанта.

— Жареную печень и кенигсбергские тефтели, — заказал он. — Моему спутнику то же самое. И бутылку «Нидерманна».

— Вы не ответили на вопрос, — напомнил я, когда официант удалился. — Почему вы отказались покидать Германию?

Белфорд закурил «Кэмел», откинул голову назад и выпустил изо рта струйку дыма, которая завилась к потолку. Его взгляд казался затуманенным, словно он смотрел на меня сквозь матовое стекло.

— Нам повезло. В меню нечасто появляется свежая печень. Ее готовят по-берлински, и, по моему скромному мнению, это лучший способ приготовления печени. Мы, американцы, не ценим этот орган по достоинству и отдаем предпочтение почкам. Позвольте объяснить кулинарные тонкости…

— Меня нисколько не интересуют ни печень, ни почки, ни кулинария в целом, сэр. Я пришел взять у вас интервью.

— О чем же?

— О войне. О вас.

Официант принес вино и бокалы, откупорил бутылку и перелил кроваво-красную жидкость в графин.

— О войне? — переспросил Белфорд, отвлекшись на графин. — Разве вы не любите поесть, приятель?

— Не слишком.

— Не стоит обижаться. Как насчет вина?

Он налил вина, поднял бокал и воскликнул:

— Вздрогнем!

Офицеры за соседним столиком направились к выходу, все еще посмеиваясь. На столе среди тарелок и бокалов остался комикс с Капитаном Америкой на обложке. Через несколько мгновений один из офицеров вернулся и забрал его.

Когда официант принес печень, Белфорд просиял:

— Вы только полюбуйтесь на нее! Единственное, о чем не стоит забывать, это удалить все пленки и сухожилия. И еще одно: лимон нужно выжать поверх яблочных ломтиков, а не на саму печень. Также не помешает веточка петрушки, главное, не переборщить.

Затем он занялся своей порцией — нарезал печень на кусочки, окунал их в соус и один за другим перемалывал челюстями. Я отодвинул тарелку, закурил сигарету и взял бокал вина.

— Одна из самых распространенных ошибок — пережарить луковые кольца, — продолжил

Белфорд и, промокнув губы салфеткой, глубоко вздохнул: — Они должны быть прямо как эти: золотистые, а не темно-коричневые. Иначе будут горчить и все испортят.

Ему на китель упало несколько капель соуса, чего он, похоже, не заметил.

— За вас! Вот что я называю хорошим вином.

За последующие минут двадцать он планомерно расправился с печенью, опрокинул в себя три или четыре бокала вина, а затем набросился на тарелку с фрикадельками в сливочном соусе, все это время разглагольствуя о том, как важно измельчать мясо вручную секачом, а не пропускать через мясорубку. Подошли еще несколько посетителей и сделали заказы у того же пожилого официанта, который непрерывно сновал взад-вперед, как какой-нибудь антикварный робот. В теплом воздухе плавали струйки табачного дыма, смешиваясь с ароматами, исходящими из кухни.

Наконец Белфорд заказал кофе и спросил меня:

— Как же интервью? Вы не задали мне ни одного вопроса.

Его пальцы слегка дрожали; я заметил обручальное кольцо.

— Как поживает ваша семья, сэр?

— А? У них все хорошо, спасибо. На прошлой

неделе получил письмо от Эммы, моей жены. Мне не терпится увидеться с ней и мальчиками.

— Почему они не здесь, с вами?

— Здесь? Ни за что! Они заслуживают лучшего. Господи, как я наелся. Отличный вышел ужин, не находите?

— Это точно.

— У вас остались ко мне вопросы?

— Больше ничего в голову не идет. Тем не менее спасибо.

— Что ж, не стану вас задерживать. Знаю, вы человек занятой.

Он встал, церемонно застегнул китель и пожал мне руку:

— Приятно было познакомиться, Хубер. Вы несомненно талантливый журналист. Уверен, вас ждет блестящее будущее.

— А мне-то как приятно, сэр. Берегите себя.

Я развернулся и вышел из помещения не оглядываясь. На противоположной стороне улицы, не обращая внимания на холод, играл все тот же пожилой скрипач; раскрытый футляр лежал перед ним на тротуаре. Я перешел дорогу и, куря сигарету, несколько минут слушал его музыку. Звуки кружились вокруг, сливаясь с крошечными снежинками, поблескивая в морозном возду-

хе раннего вечера, словно реквием по Амалии Шульц, которая так и не попала во Францию.

11

Путешествие домой прошло тихо и спокойно. Я почти не покидал каюты, которую делил с британским коммивояжером средних лет, направлявшимся в Массачусетс. Я кропотливо приводил в порядок свои записи и вновь и вновь прокручивал в голове всю историю, каждую деталь и каждый разговор, пока воспоминания были еще свежи. Но к тому времени, как моя нога ступила на набережную в Нью-Йорке, произошедшее в эти несколько недель в Берлине уже казалось сном.

В следующие два месяца я с головой окунулся в работу, пытаясь забыть обо всем, и какое-то время мне это удавалось. Однако существуют воспоминания, которые таятся глубоко в сознании и почти неслышно тикают, точно бомба замедленного действия. К тому же во время холодной войны довольно сложно не думать о Берлине.

Вскоре по возвращении в Чикаго я познакомился с молодой учительницей английского языка по имени Эмили, а шесть месяцев спустя мы поженились и переехали в Нью-Йорк. Меня взяли

на работу в «Нью-йорк таймс», а она подыскала себе место в школе Бруклина.

Я объездил весь мир и два года прожил на Ближнем Востоке в качестве корреспондента, а затем еще год в Аргентине, где стал свидетелем свержения Перона[25]. Эмили родила мне двоих детей, Роуз и Джейсона, и мы жили счастливо, или, по крайней мере, так мне казалось. В 1965 году от рака умер мой отец, и мать переехала к нам в Нью-Йорк, однако вскоре она заскучала по дому и в конце концов вернулась в Чикаго, где скончалась в 1973 году от той же болезни, которая восемь лет назад унесла жизнь отца.

Прогуливаясь по сотням улиц, встречаясь с тысячами людей, выводя миллионы слов, я все время следил за Берлином, или, скорее, Берлин следил за мной. Сперва была советская блокада и наши воздушные перевозки, потом — беспорядки в Восточном Берлине, «красная угроза» и охота на ведьм дома, в Америке, а затем — Стена и историческая фраза Кеннеди «Я — берлинец». Город то и дело мелькал в новостях, и каждый раз, когда я их читал или слушал, на меня, по-

[25] Примечания: 25

Хуан Доминго Перон (1895–1974) — президент Аргентины в 1946–1955 и в 1973–1974 годах. В 1955 году свергнут в результате военного переворота, в 1973-м вернулся к власти.

добно лавине, обрушивались воспоминания о пережитом в Берлине.

Весной 1974 года на моем столе оказался конверт от Марии Экхарт. Я не поверил глазам. Она писала, что увидела мое имя под статьей в газете и решила связаться, поскольку всегда жалела, что не смогла поблагодарить меня за помощь. Порой отношения укрепляет не близость, а расстояние. Неожиданно для себя я обнаружил, что испытываю к Марии такие же теплые чувства, как и двадцать восемь лет назад. В постскриптуме она оставила свой номер телефона, и я сразу же позвонил.

Мария рассказала, что русские больше ее не беспокоили и она жила в том же доме еще три года. Зима сорок шестого — сорок седьмого выдалась особенно суровой, и несколько знакомых замерзли насмерть в своих домах вместе с тысячами других берлинцев. Они с Лизой выжили благодаря Бобу Гарднеру, который присылал им уголь. Отношение американских властей постепенно менялось, продовольственные карточки в конце концов отменили, и жизнь в городе вновь обрела некоторое подобие нормальности. Мария не вышла замуж, но Лиза, которой уже исполнилось тридцать три года, восемь лет назад стала фрау

Нойландер и теперь растит двух дочерей. Живет во Франкфурте, где работает учительницей, а ее муж — инженером. Мария получила должность в банке и наконец смогла купить собственную квартиру в Кройцберге. Округ, по ее словам, сильно изменился.

Она призналась, что каждый раз, отправляясь ужинать в ресторан, принимая горячий душ или включая свет в квартире, невольно вспоминает те годы лишений.

На следующий день я достал свой старый блокнот и составил список людей, с которыми познакомился за несколько недель, проведенных в Берлине. Затем выписал всю информацию, что смог вспомнить: имена, места, разговоры. Имена всплыли в памяти легко — перед мысленным взором точно пронеслась вереница слайдов, — но не лица: они были размытыми, прямо как фотографии, что я сделал тем вечером. Потом, для придания истории складности, я дал прозвища мужчинам и женщинам, имен которых не знал, например аптекарю из фотолаборатории или шоферу Гарднера.

Я прожил на земле достаточно долго, чтобы понимать: память людей, в том числе и моя, не диктофон, а скорее кинорежиссер, сценарист и

одаренный воображением рассказчик в одном лице. Не факты мы запоминаем, а вызванные ими чувства и эмоции, а значит, воспоминания меняются вместе с нами: нельзя войти в одну реку дважды. По прошествии стольких лет я уже не знал наверняка, что произошло на самом деле, а что — только в моей голове.

Например, я больше не мог представить лицо Амалии Шульц и лишь припоминал, что у нее была родинка на правой щеке.

Я попытался воскресить в памяти маленькую черно-белую фотографию, которую в закусочной показал мне Бауэр, затем разобрал по отдельности расплывчатые черты — светлые волосы, лоб, гладкую кожу, тонкие брови, меланхоличные глаза, изящный подбородок — и изучил их одну за другой, прежде чем собрать вновь воедино. Попытался представить, как Амалия сидит передо мной, улыбается или хмурится, разговаривает или молчит, но по-прежнему ничего не выходило: не получалось вспомнить, как она выглядела. Ее внешность залегла где-то глубоко в памяти и не желала всплывать на поверхность даже на мгновение, отчего я чувствовал, будто каким-то образом предаю Амалию.

И я осознал кое-что еще: все мои воспоминания

о тех днях и ночах в Берлине являлись пред мысленным взором неизбежно черно-белыми, как старые фотографии или сцены из немого кино.

В течение последующих двух лет с помощью Марии я пытался выяснить, что произошло с каждым из тех людей.

С Гарднером и Белфордом оказалось проще всего. У моего коллеги по газете был приятель в Пентагоне, и тот помог мне достать соответствующие архивы.

Я узнал о прошлом Боба Гарднера больше, чем за недели, проведенные в Берлине. Он родился и вырос в Хаммонде, штат Индиана, в четырнадцать с семьей переехал в Чикаго. У него было два младших брата и старшая сестра, и Гарднеры провели четыре года в Канаде, где Боб учился в колледже Святого Иосифа. Во время войны он два года жил в Лондоне, сотрудничая с Управлением стратегических служб[26], однако вся его карьера по-прежнему оставалась засекреченной. В 1947 году Гарднер уволился из армии и поступил на работу в тогда еще молодое Центральное разведывательное управление. Он пятнадцать лет

---

[26] Примечания: 26

Управление стратегических служб — первая централизованная разведывательная структура США, создана во время Второй мировой войны. На основе Управления стратегических служб образовано ЦРУ.

прожил в Арлингтоне, штат Вирджиния, и умер от цирроза печени в 1962 году в военном госпитале в Мэриленде. У него остались жена Дейзи и дочери Эми и Сесилия.

Майор Глен Белфорд пробыл в Германии еще год, прежде чем вернуться в Нью-Йорк весной 1948-го. Годом позже он получил звание полковника и с почестями вышел в отставку, с тех пор о нем никто ничего не слышал. Я провел собственное расследование и выяснил, что в 1952 году он развелся с женой, переехал в Коннектикут и следующие семь лет прожил в доме для ветеранов недалеко от Нью-Хейвена, где и умер от пневмонии. Никто не счел нужным выпустить некролог. Тем не менее его имя фигурировало в некоторых книгах о высадке в Нормандии.

Лейтон проработал в Рейтер еще несколько лет, часто путешествуя по Африке и Азии в качестве корреспондента, после чего основал небольшое издательство в Лондоне. В 1953-м он потерял жену и два года спустя женился вновь на известной британской журналистке. Когда он вышел на пенсию, пара поселилась в Брайтоне. Он умер от сердечного приступа в 1972 году.

Оказалось, Сергей Иванович Тюльпанов был довольно крупной фигурой во времена нашего

знакомства: мне удалось найти упоминания о нем в книге о начале холодной войны, опубликованной издательством Йельского университета в 1971 году. В 1949-м Тюльпанова отозвали обратно в Москву, арестовали за государственную измену, но через несколько месяцев реабилитировали. Он работал в Военно-морской академии, прежде чем уволиться из армии в 1956-м и заняться преподавательской деятельностью. По некоторым источникам, в начале семидесятых он жил в Ленинграде.

Нам с Марией потребовалось приложить немало времени и усилий, однако, верите или нет, в конце концов удалось выяснить, как сложилась судьба Дитера, однорукого мальчика, который отвел меня тогда к телу Амалии Шульц. Сперва его поместили в сиротский приют, затем отправили в Англию, где его усыновила бездетная семья немецкого происхождения из Эссекса. Он окончил школу, стал художником и переехал в Лондон, где женился на женщине по имени Лора, у них родилось трое детей. Я решил не связываться с ним, полагая, что лучше не напоминать Дитеру о временах, которые он, вероятно, предпочел бы забыть.

Фрау Аннелизе Вагнер, бывшая соседка Амалии,

переехала в 1948 году в Дюссельдорф и вышла замуж за водителя грузовика по имени Клаус Майер. Она преподавала в местной школе французский и погибла в автомобильной катастрофе в 1965-м.

Согласно немецким архивам, в ноябре 1946-го инспектора Бауэра арестовала советская военная полиция и отправила на Украину, где его судили за военные преступления и приговорили к двадцати пяти годам лагерных работ вместе с пятью другими бывшими немецкими полицейскими. Он исчез в недрах ГУЛАГа, и никто так и не узнал, что случилось с ним и его женой.

Тем временем сама Америка изменилась до неузнаваемости. Сперва застрелили Кеннеди, а потом — Лютера Кинга-младшего, разразилась война во Вьетнаме, и какое-то время казалось, что привычный для нас мир разваливается на части. Герои войны вышли из моды, и патриотический подъем начала сороковых сменился сожженными флагами, растоптанными медалями на акциях протеста и фильмами о параноидальных заговорах. Средства массовой информации последовали примеру кино: уже нельзя было назвать себя журналистом, если вам не удалось заполучить засекреченные документы и разоблачить тайные

правительственные планы. Некоторые из моих коллег отказались от костюмов, галстуков и шляп и стали носить армейские куртки с джинсами и даже отрастили бороды. Холодная война с ее эпицентром в Берлине уже не занимала первое место в политической повестке дня.

На протяжении всех этих лет мы с Марией часто писали друг другу, а также общались по телефону. Но у меня так и не хватило храбрости сесть в самолет, прилететь в Берлин и вновь встретиться с ней лицом к лицу. Будучи журналистом, я побывал более чем в пятидесяти странах, однако так и не вернулся в Германию. Намеревался несколько раз, а однажды даже купил билет на самолет, но в последний момент пошел на попятную. Мария, казалось, смирилась с тем, что мы больше никогда не увидимся, и не настаивала на моем приезде.

Затем в Америке наступили серьезные перемены. Теперь Сильвестр Сталлоне и Чак Норрис спасали людей в джунглях Вьетнама, мускулы и медали вновь вошли в моду, а СССР опять стал Империей зла. Я уже вышел на пенсию, когда президент Рейган отправился в Берлин и попросил Горбачева снести Стену, а по Европе пронесся ветер перемен.

Тогда же умерла Эмили, и весь мир надолго отошел на второй план. В марте ей стало плохо, в апреле у нее обнаружили лейкемию, а в начале августа она скончалась. Все произошло так стремительно, что у меня не было времени примириться с уходом жены, и, когда это случилось, я был убит горем. Роуз и Джейсон уже обзавелись собственными семьями, дочь уехала в Чикаго, а сын — в Лос-Анджелес, и внезапно я оказался совершенно один. Меня мучили угрызения совести: я потратил столько времени на работу, пренебрегая Эмили, и так и не рассказал ей об общении с Марией, из-за чего чувствовал, будто в некотором смысле ей изменял.

Мария несколько раз спрашивала в письмах, что произошло и почему я перестал выходить на связь, и примерно через год мы возобновили регулярную переписку и телефонные разговоры.

Именно в этот период я еще раз просмотрел все свои записи по делу Амалии Шульц, вновь пытаясь восстановить полную картину произошедшего настолько точно, насколько получится. Я пожалел, что не записывал все на диктофон, каждую встречу и каждый разговор. Прошло так много лет, что нельзя было доверять ни единому воспоминанию. Я чувствовал себя археологом,

который пытается кропотливо воссоздать целый мир по нескольким фрагментам костей и паре, казалось бы, бессмысленных артефактов.

Действительно ли я пил шампанское с Тюльпановым в тот вечер в «Феминине»? Сопровождали ли Дюплесси две девушки в рыжих париках? Предложила ли мне продавщица в магазине с проявочной фотографии обнаженных женщин, в том числе Марии, или о таком случае просто кто-то рассказал? Правда ли все это, как и многое другое, или за прошедшие годы моя память полностью переписала историю?

И только тогда я наконец вспомнил одну важную деталь, которая каждый раз казалась мне странной, всплывая в мыслях, — единственный кусочек головоломки, что упорно отказывался вставать на место. Я подтвердил этот факт старым документом, найденным пятнадцать лет назад в немецких архивах, и за пару недель картинка постепенно прояснилась, как фотография в проявочном растворе. В конце концов я понял, где ошибся, и в следующий же миг пожалел об этом. Затем сунул бумаги в нижний ящик стола и решил оставить их там навсегда.

Однако та самая деталь начала преследовать меня во снах и отказывалась забываться: джинн

вырвался на свободу и теперь не желал возвращаться в лампу. Наконец в апреле я набрался храбрости и полетел в Западный Берлин. Я попросил Марию не встречать меня в аэропорту и пообещал позвонить из отеля в Целендорфе после заселения.

Самолет прилетел поздно вечером, и, пройдя паспортный контроль и забрав багаж, я взял напрокат машину и поехал прямиком в отель. Все вокруг стало другим, и места, представшие передо мной, не имели никакого сходства с теми, что я видел более сорока лет назад. Берлин изменился, изменился я сам, изменился весь мир, однако тот далекий вечер пятницы застыл вне времени, как и та единственная деталь, которая вернула к жизни всех призраков.

На следующее утро я проснулся рано и поехал в Кройцберг, ставший теперь своеобразной границей с Восточным Берлином, в тени Стены. Припарковавшись недалеко от реки, я направился к тому самому месту, где началась вся история, пытаясь представить путь, который проделала Амалия Шульц с того момента, как сбежала от своих мучителей, до встречи с американским патрулем.

Улицы выглядели довольно запущенными,

хоть и иначе, чем раньше, а некоторые носили другие названия. На месте разбомбленного дома, в подвале которого я нашел тела, теперь стояло небольшое многоквартирное здание с магазинами на первом этаже и граффити на стенах.

Позже я наткнулся на приятное уличное кафе и позвонил Марии из телефона-автомата. Я успел выпить две чашки кофе и выкурить несколько сигарет, а потом появилась она. Мы обнялись. Она, конечно, постарела, но сохранила милые мне чистые и благородные черты. Мы болтали о пустяках около получаса, исподтишка изучая друг друга и пытаясь выйти за рамки слов, витавших вокруг нас холодным весенним днем. Она отвела меня в ближайший ресторан, где мы пообедали, а потом вернулись в кафе. Она спросила, сколько я пробуду в Берлине, и, услышав ответ — один день, — сразу поняла истинную причину моего приезда и некоторое время ничего не говорила, стараясь на меня не смотреть. Затем сняла солнцезащитные очки, заглянула мне прямо в глаза и сказала:

— Теперь ты знаешь?

— Думаю, да, — кивнул я.

— Как ты понял?

— Когда я нашел тело, на полу стояла свеча.

Она оставалась там и позже, после моего возвращения с русскими, наполовину сгоревшая. Никто бы не оставил свечу без присмотра на несколько часов. Сначала она была почти целая, а значит, ее зажгли незадолго до моего прихода.

— Это все? Только свеча?

— Не только. Мне все время казалось не вполне ясным, почему Лиза притворилась, будто не видела тела, тогда как меньше часа назад говорила обратное. Я решил, что она напугана и сбита с толку, поэтому списал это со счетов. Но потом понял, что объяснение может быть лишь одно: Лиза солгала, потому что ей велела мать. Но зачем мать так поступила?

Мария внимательно слушала, и на мгновение у меня возникло ощущение, будто все прошедшие с тех пор годы внезапно растворились, будто мы вновь молоды и сидим в том кафе недалеко от Тиргартена с потрепанным рюкзаком в ногах.

— Продолжай, — попросила она.

— Затем я вспомнил, что на фотографиях, которые я сделал тем вечером, у Амалии были синяки от пальцев на шее. Дитер сказал, что Хельга закрыла ей рот руками, отчего, вероятно, девушка и задохнулась. Однако, согласно отчету медэксперта, причина смерти другая. Амалии сжали горло,

и те следы на шее оставлены убийцей.

— Ясно, — кивнула Мария. — Ты точно хочешь знать правду?

— Именно поэтому я здесь.

— Ты неправильно все понял.

— Не имеет значения, что я понял.

И я выслушал то, с чем Мария, вероятно, хотела поделиться с кем-нибудь, с кем угодно, более сорока лет. Она говорила без слез и драматических жестов, не повышая голоса и не всхлипывая, говорила спокойным тоном, каким обычно беседуют о жизни с друзьями.

Вернувшись домой в тот вечер около девяти, Мария обнаружила в коридоре девушку.

— Она была жива. Дальше все развивалось стремительно. Девушка пребывала в шоке от пережитых испытаний. Я зажгла свечу, накрыла ее одеялом и села рядом. Я не знала ни кто она такая, ни что делает у меня дома, голая и побитая, но не сомневалась, что обращаться в «скорую» или в полицию нельзя: мне не поверят. Кроме того, я сама до смерти испугалась и впала в панику. Лиза вышла из комнаты, и я сказала ей, что женщина спит. Потом девушка пришла в себя и закричала. Я просто хотела, чтобы она замолчала, вот и все. В какой-то момент я заметила, что она больше не

дышит, и пощупала пульс. Она была мертва.

— А потом ты использовала сумасшествие Хельги, чтобы избавиться от тела.

— Я не планировала этого. Отправившись на поиски места, куда можно отнести тело, я наткнулась на Хельгу. Как обычно, она спросила о своей дочери. И тогда я сказала, что Инга у меня дома и что ее нужно забрать. Хельга даже не поняла, что ее так называемая дочь мертва. Мы завернули тело в одеяло и отнесли в ее логово.

— Дитер присутствовал при вашем с Хельгой разговоре?

— Нет, я нашла Хельгу на улице одну. После Лиза рассказала, что, пока меня не было, приходил дядя по имени Джейкоб, спросил о женщине внизу и дал ей шоколадку. Я не поверила, пока не увидела обертку, и велела дочке никому ничего не рассказывать, а потом ты вернулся с русскими. Остальное ты знаешь.

— Да, знаю.

— Это был несчастный случай. Если бы меня посадили в тюрьму, Лиза умерла бы от голода. Я не могла этого допустить.

Несчастный случай. Не масштабные интриги холодной войны и не коварный план нескольких стран по заметанию следов. Однако после

той поездки в Берлин я кое-что понял. Во-первых, многие события могут сойти за несчастный случай, пока вы не начнете копать глубже и не разгадаете сложную цепочку причин и последствий. Во-вторых, места меняются, порой сильно. А вот люди — нет. Никогда.

— Это ты забралась в мою комнату и украла фотографии, — произнес я. — Зачем?

— Когда ты спросил меня о фотолаборатории, я поняла: ты успел сделать снимки тела. Все, кроме тебя, хотели замять дело. Я боялась, что если ты продолжишь копать, то узнаешь правду и сдашь меня в полицию.

— Ты уничтожила фотографии?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Это было своего рода покаянием, полагаю. Время от времени я смотрела на них и вспоминала о содеянном. Хочешь их вернуть?

— Оставь себе. Или уничтожь. Мне они больше не нужны. Лиза знает, что произошло на самом деле?

— Нет. О том вечере она помнит только, как сидела одна в темноте, а потом к ней поднялся мужчина по имени Джейкоб и дал шоколадку. Она до сих пор с трепетом хранит фонарик, кото-

рый ты подарил ей перед отъездом.

У меня больше не оставалось вопросов без ответов. За соседним столом сидели в обнимку и беседовали двое подростков, томно прикрыв глаза. У моих ног опустился дрозд, и я скормил ему остатки своей булочки. Откуда ни возьмись появились два голубя, прогнали дрозда и начали клевать крошки.

Мы посидели так еще несколько минут, оба прекрасно понимая, что видимся последний раз. Затем Мария встала, простилась и исчезла в потоке прохожих. Возвращаясь к машине полчаса спустя, я задавался вопросом: была ли наша встреча настоящей или же я просто представил себе, какой она могла быть на самом деле?

Через несколько месяцев я следил за падением Берлинской стены по телевизору, находясь за четыре тысячи миль от нее, и радовался, что холодная война закончилась и долгие страдания города наконец позади.

Важный урок, который обычно преподают начинающим журналистам, заключается в том, как начать рассказ. Первый абзац текста называется «лид», и в нем насколько возможно кратко следует ответить на пять основных вопросов: кто, что, где, когда и почему.

Однако никто не учит нас писать концовки, для которых, по-видимому, не существует правил. Возможно, потому, что история на самом деле никогда не заканчивается. Просто через некоторое время вы, писака, решаете ее оставить и смотреть в будущее, вместо того чтобы оглядываться назад.

За все эти годы расследований я, как ни старался, не смог найти только одно: могилу Амалии Шульц. Возможно, девушку никто так и не похоронил.